

Сергей Печеркин и Джули Айгелено

Волчья доля:

Род Ставры и Гавры

Она ничего не знала об оборотнях. Но все изменилось, когда любимый ею дед отдал ее лешему. Теперь молодой женщине придется узнавать себя и новый таинственный мир. А также понять почему именно она может стать волколаком, и что это принесет ей.

Это только присказка,
Сказка будет впереди.

В. Высоцкий

Жила-была девочка на белом свете. Давно ли то было и далеко ли — не знаю. Только, как сейчас помню, что жила она в селе, не особо богатом, но и не бедном, про такие сёла говорят, что крепкие они. Так вот, та девочка была удивительной. И красотой, и добротой удалась она, а долю уж суденицы ей напорочили необычайную.

Родилась она на исходе месяца живень, и её рождение уже говорило о необычной судьбе. В последний жаркий день лета солнце щедро делилось с природой своим теплом, стараясь всю округу обогреть до следующей весны. Каково было у всех удивление, когда к обеду чистая глазурь небес расщедрилась крупными пушистыми мухами снега, что кружили в прекрасном танце и таяли, едва коснувшись земли. В это время дом Старейшины Козьмы огласил женский крик: то у его дочери Маруси начались первые схватки. «Вот с бабой погода всегда заодно», — хмуро бубнил хозяин дома, пока его жинка Марфа суетились с повитухами подле рожаящей: «Видимо, не простой ребёночек-то придёт на белый свет».

Как в воду глядел дед. Роды были тяжкими и свершились только за полночь. Лишь первым криком младенец заявил о своём пришествии, а бабки повитухи восторженно защebetали: «Какая прекрасная девочка», — по словам очевидцев, к дому в центре села потянулись дикие звери. Каждая тварь стремилась заглянуть в окошко, что всю ночь горело в темноте. Не мало нашлось тех, кто после того клялись, что своими ушами слышали, как звери разговаривали друг с другом человеческими голосами. Но то, скорее всего, лишь бабские пересуды, коли звери у них могли говорить.

А девочка действительно родилась красивая, и родня нарекла её Даринка, что означала «подаренная». Многих она радовала, а пуще всех деда с бабкой, души в ней не чаявших. Даринка росла красивой и доброй, никому ни в чём не отказывала, но и сама не лезла к другим с просьбами да разговорами. Больше она любила бродить в одиночестве по лугам и полям, по лесам и рощам, любуясь красой природы, а порой и встречаясь с разными животными. И вот что удивительно, ни одна тварь не трогала её — будь то злобный вепрь или же лютый волчара. Был из-за этого среди сельской ребятни слухок такой: будто Даринка умеет волком оборачиваться. Да и утаскивает скотину в лес и лакомится там, — а порой гаевкой кликали [1]. Как ни старался дед Козьма, но больно хитрые бабы доводили его внучку до белого каления. Пришлось внучку забрать в свою избу насовсем.

А однажды приключилось, что кобыла, которую девчушка пасла, сломала ногу, ступив в кротовину. Дед хотел заколоть скотину, чтоб не мучилась, но Даринка отговорила его, сказав, что выходит животинку. И в правду, уже спустя две седмицы кобыла стала здоровёхонька и могла службу нести.

По деревне тогда слухи пошли, что чудна девка, и пуще всех её родители о том баяли, считая, что растёт у них неумеха, от которой только и польза, что скотину доверить пасти может. И, на самом деле, часто всё у Даринки валилось из рук: то крынку с молоком разобьёт, то кадку с разносолами опрокинет, заглядевшись на какую-нибудь пичужку. От тех слухов и дети стали сторониться её, а она и не переживало о том. Лишь один пацанёнок, года на три постарше, звавшийся Ярополком, всё вертелся подле неё. С ним она могла долго

гулять и болтать как с другом своим. Многие уже считали, что подрастут сорванцы да станут парой, но, видать, не судьба была, ибо как стукнуло десять лет парню, его родня подалась в дальние странствия — зачем и почему, никто уже и не упомнит.

А дед её Козьма всё лелеял отраду свою. То зайчонка, то скворушку из лесу принесет на радость ребёнку, да всё про зверей ей рассказывал. А баба Марфа взялась её всё же делам домашним обучать да рукоделию, да так справно, что из неумехи внучка превратилась в мастерицу золотые рученьки.

А как дело пошло к девичьему расцвету, за Даринкой начала бегать половина сельских юнцов, всех покоряли её живые любопытные серо-голубые глаза да роскошная тугая коса цвета солнца. Кто слово ласковое скажет, кто погулять пригласит, а кто и в дом зовет с родными знакомиться. Но девица никому согласия не давала. Кого сама отвадит, а кого и грозный взгляд сельского Старейшины спровадит. Так и бродила она в одиночестве или коротала время с любимыми дедушкой и бабушкой.

А надо сказать, что дед Козьма был мужиком суровым, ведь не зря его старейшиной назначили да уважали. Мог он и споры односельчан разрешить, и работы на общаг распределить. Никто не смел ему перечить и все чтили слово его. Также говорили, что с духами и предками он на короткой ноге, от чего всегда время посевной ли, первого выгона скота ли выбирал безошибочно, что ни звери, ни духи, ни мор не вредили хозяйству. Говорят, что дед Козьма знал судьбинушку внученьки своей наперед и считал, что она познает жизнь необыкновенную, как нарекли ей суденицы [2]. Но ведомо было это лишь ему одному, ибо не было никого, когда три наречницы, придя на третий день, нарекали девочку долей жизни.

Но это только присказка, сказка то будет впереди.

Примечания:

1 — гаёвки — в белорусской мифологии внучки гаёвого деда, лешего

2 — суденицы — в славянской мифологии персонажи близкие к скандинавским нормам, "судят", "нарекают" судьбу ребенка на третий (первый или седьмой) день после рождения.

Они пришли из ниоткуда и ушли в никуда.

Они появились, когда кочевники уже поджигали первые стога. Они просто выросли из-под земли. Девять могучих серых теней. Девять призраков леса.

Лошади при виде их сбрасывали седоков и давили копытами упавших. Стрелы отскакивали от их шкур. Лапы сбивали воинов. Клыки рвали плоть. Волчий вой глушил вопли раненых и умирающих.

Их никто не звал, но они пришли и остановили пять арбанов нукеров. А затем ушли также, как и пришли — в никуда.

***

Свинцовое небо бросало тяжелые капли дождя на землю. Казалось, что еще чуть-чуть, и деревню накроет страшный вихрь из капель и ветра. Но дождь все не начинался.

В деревне все были обрадованы счастливому избавлению, но никто не знал, чем обязаны внезапному спасению от очередного набега кочевников. Тревогу всем поселенцам внушало еще и то, что помощь оказали не просто серые псы лешего Егория, а, судя по силе, скорости и жестокости, черные оборотни — волколаки. Волколаки, которых считали некими иными: злобными колдунами, которые ничего не делают безвозмездно. Это настораживало. А так как до сих пор в деревне не появился их посланник с требованием оплаты услуги, многие начинали считать, что кочевники были бы не худшим происшествием в суете будней поселения.

Народный сход у дома Старейшины гудел громче разозленного пчелиного роя. Бабы стояли поодаль, постоянно причитая, прикрыв рот перстами. Мужики по очереди брали слово, и каждый требовал признать свою правду. Постепенно сход начал делиться на три братии: одна не признавала право двух других. Лишь Старейшина до поры хранил своё безмятежное спокойствие, но решив, что пора вмешаться, чтобы предотвратить назревавший кулачный бой «стенка на стенку», встал со своего чурбана, властно поднял свою сморщенную, но крепкую руку. Гомон стих, словно по волшебству.

— Все мы знаем, что волк — это пёс Егория, слуга и оружие его. Если волк встает на защиту человека, то тот должен быть благодарен лешему. И если волк нападает на человека или же на скот его, — то необходимо задабривать Хозяина Леса.

Его голос, несмотря на весьма преклонный возраст говорившего, звучал твёрдо, мрачно и всемогуще. Так, что даже главные смутьяны не смели лишний раз вздохнуть.

— Псы лешего Егория спасли всё наше поселение от извергов, так что все село должно благодарить их Владыку!

Селяне уже чувствовали, что его речь может принести не самые радостные вести. Голос Старейшины держал их в сумрачном оцепенении.

— Раз мы приобрели общее благо, то и оплачивать его должны сообща! — всё также продолжал он. — наших защитников было девять, и подарков должно быть девять!

Толпа еще сильнее напряглась.

— Мы принесём им в жертву на Святой поляне девять коз как благодарность за спасение! — селяне осторожно выдохнули.

— Но мы должны также отблагодарить и их Владыку, Владыку Леса!

И тревога еще сильнее сдавила слушающих.

— Егорий послал нам в подмогу своих псов, и должен быть вознаграждён за это достойно! Он должен получить чистую невесту!

С бабьей стороны раздался истеричный вой, сначала одинокий, но затем его подхватили остальные, и только супружница Старейшины хранила мрачное спокойствие, стоя по его левую руку.

— Невеста должна быть непорочной девой.

Мужики растерянно смотрели на говорившего, им приходилось соглашаться с правотой этого старика, но страх за своих чад мутил их.

— Так как я по праву Старейшины являюсь вашим Правителем, Защитником и Наставником, — продолжал он всё тем же властным голосом, — то я и сделаю этот непростой выбор невесты Егория.

Мужиков придавило к земле, словно громадная каменная плита в множество пудов легла на плечи каждому.

— И то будет, — напряжение было уже ощутимо на ощупь, — то будет, моя Даринка, моя внучка! Толпа облегченно выдохнула и загудела. Супружница старейшины и его дочь с воплем пали перед ним на колени, но их крики заглушал ропот толпы. Старейшина же молча развернулся и скрылся в своей избе, оставив баб упиваться горем перед взором односельчан.

***

Дорога до Освященной Чащи, где находилась Святая поляна, была невыносимой. Восемнадцать мужиков в тягостном молчании сопровождали телегу, на которой, кроме возницы, восседал с невозмутимым видом Старейшина, да на ее дне связанной лежала Даринка. Её лицо опухло от слёз, но сейчас она хранила молчание, уперев свой взор в небосвод чистейшего голубого цвета. Позади телеги на привязи плелись девять коз.

Кузнец исподлобья следил за телегой. Его мучило непонимание происходящего: почему это должно произойти, почему? Старейшина на роль человеческой жертвы избрал свою внучку, почему вообще требовалось это жертвоприношение... Вопросы не давали покоя.

В полдень процессия после короткой молитвы вошла в Освященную Рощу, через некоторое время выйдя на Святую поляну и замерев на ее границе. Только козы да кобыла время от времени обмахивали себя хвостами и лениво поглощали зеленую траву.

Общее оцепенение нарушил Старейшина, по-молодецки спрыгнув на землю. Выйдя на центр поляны, он опустился на колени да мелодично и громко запел. Под действием его голоса поляну посреди солнечного и ясного дня накрыли сумерки. Восемнадцать участников, словно ожившие мертвецы, разошлись по кругу поляны и попарно опустились на колени, склонив головы к самой земле. Возница же встал за спиной Старейшины и вытянул вверх руки, сжимавшие кнут. Тотчас же, прямо перед Старейшиной, в центр поляны ударила молния, и на том месте поднялся столб огненного цвета, столб высотой в два человеческих роста. От него в стороны побежали к каждой коленопреклоненной паре девять лучей, и там, где они делили пары, ввысь поднялись столбы того же цвета, только в два раза меньшего размера. А лучи, изменив путь, замкнули огненный круг.

Под непрекращающееся пение Старейшины восемь мужиков, по одному из каждой пары, не выходя из транса, вернулись к телеге и последовали обратно к столбам, с козами. Когда все девять коз были привязаны к своим столбам, Старейшина поднялся наконец-то с колен и, также продолжая свое молитвенное песнопение, перенес на руках Даринку к центральному столбу. Когда он крепко привязал свою внучку, стало казаться, что вместе с ним уже поют и столбы на поляне, и деревья в лесу.

Легкое мановение его руки, и девять коз были преданы смерти. Одни перерезали горло скотине, другие собирали кровь в чаши и подносили ее Старейшине, сливая в его более крупную чашу. После того он оголил деву и сделал шесть надрезов на ее теле: на запястьях, лодыжках, на животе и на лбу. Всё еще продолжая пение, смешал ее кровь на порезах с кровью животных, измазал её девичьи губы и опрокинул чашу к ее ногам.

***

Процессия возвращалась в село всё в том же гнетущем молчании. Никто не помнил, что с ними произошло с тех пор, как они шагнули в лес, и до того, как покинули лес.

***

Сознание ненадолго вернулось к ней. Последние сутки для девы были словно один сплошной кошмар. Она не могла поверить в слова матери, что ее собственный дед, любимый добрый дедушка Козьма, обрек её на смерть. Все, что было после, она почти не осознавала.

Вот в её комнату вошли старухи и что-то творили с ее телом. Вот она в телеге, а в следующее мгновение дед привязывает ее нагую к столбу посреди леса. Как нож вспарывает кожу, она даже не чувствовала.

Теперь она осталась в одиночестве на Святой поляне, голая и связанная, среди мертвых животных, а в наступающих сумерках мелькали чьи-то тени и доносился таинственный шорох. Страх сковывал сердце, которое билось и так через раз. Когда же она заметила в сумраке десять пар горящих нечеловеческих глаз, плотоядно следящих за ней, то не смогла сдержать крика отчаяния, и её разум погрузился в темноту.

Придя в себя, Даринка ощутила, что лежит в постели, свободная от пут. Голова раскалывалась от нестерпимой боли, все тело ломило как после тяжелой многочасовой работы. Горло пересохло, как лужа в летний зной. Открыв глаза, она тут же вынуждена была их закрыть и застонать от нестерпимой рези: совершенно обыденный свет горницы невыносимо хлестал по очам. Полежав, зажмурившись, Даринка всё-таки попробовала снова приоткрыть глаза, только в этот раз попыталась осмотреться, прикрываясь рукой от солнечных лучей.

Горница оказалась небольшой, но светлой и уютной. Сквозь единственное окно через занавески нещадно светило солнце. Из мебели, кроме кровати возле печи, на которой возлежала девушка, были только стол, два табурета и небольшой шкаф у противоположной стены. Дверь была напротив окна, и в этот самый момент её отворили. В дверной проем достаточно юрко прошмыгнула низенькая, хрупкая старушка с подносом на руках, полным снеди. Увидев ее, Даринка попробовала подняться на постели, но руки и тело плохо слушались, только и смогла приподнять голову.

— Ой, милочка, не тревожься, — заметив, что девушка не спит, заворковала старушка мягким бархатистым голосом, — тебе лежать ещё надо, поправляться.

— Где я, матушка? — а у девушки голос сипел из-за пересохшего горла.

— В доме моём, где ж ещё. На, вот, молочка выпей, как раз горло смягчит, — и протянула ей крынку, — парное, только из-под коровы. А меня можешь звать бабой Нюрой.

— Спасибо, матушка, — и Даринка жадно припала к сосуду с самым вкусным молоком на белом свете.

— А ты отдыхай, внученька. Тебе сил набраться нужно. Кушать будешь? — Всё тем же бархатным, убаюкивающим голосом ворковала старая хозяйка. Девушка, все ещё чувствуя слабость, лишь неловко покачала головой.

— Ничего, я попозже принесу. А сейчас лучше поспи. А я тебе сказочку тогда расскажу.

Даринка безвольно опустила голову на подушку.

— Много лет назад, в одной обычной семье разгорелся спор между дочерью и отцом, причина спора была в том, что её выдавали замуж не по любви, — начала свой сказ старуха. — Ну, и как во всех сказках, девушка уже любила другого, коего её отец считал недостойным. В порыве гнева отец крикнул дочери: «Либо выходишь замуж, либо убираешься из моего дома». Любовь девушки была слишком сильна, и мысль о том, чтобы подарить себя, свое тело другому, была ей омерзительна. Не сказав ни слова, она ушла из дома, она направилась в сторону леса. Наступила ночь, свет луны пробивался сквозь заснеженные ветви деревьев.

Даринка уже сквозь сон продолжала слышать этот спокойный голос и ловить слова сказа.

— Девчушка, успокоившись и наплакавшись, решила вернуться в деревню, чтобы найти своего любимого. Уж вместе они обязательно что-нибудь придумают. Подойдя к его дому, она услышала голоса. Они исходил со стороны конюшни, которая находилась за домом. Подойдя чуть ближе, она увидела своего любимого, он обнимал и целовал другую, говорил ей слова любви и о том, какая их ожидает чудесная свадьба, они весело хохотали и целовались. Она просто не смогла на это смотреть и, развернувшись, побежала обратно в лес. Слезы катились по щекам, обжигая их, силы уже были на исходе, но девушка не могла остановиться. Она должна убежать как можно дальше от этого. Выбежав на поляну, она упала лицом в сугроб и не смогла больше сдерживаться, подняв лицо к небу, девушка закричала, глядя на луну. Постепенно её крик перешел в вой...волчий вой... Вот так и родилась Одинокая Снежная Волчица. И по сей день она бродит по тому лесу и поёт свою песню для Луны.

Даринка окончательно провалилась в глубокий сон, и как наяву видела события грустной сказки... своими глазами. Это её прогонял отец, это она застала своего молодца с другой, это она бродила по заснеженным лесам, это её ноздри обжигал морозный воздух, и она сама была в одиночестве на луну...

А потом виденья леса одинокой волчицей сменились настоящим кошмаром... Её память услужливо воссоздала все, что произошло с ней на Святой поляне, до последней мелочи, не упустив ни единого момента, ни единой эмоции, ни единого всплеска боли...

Она видела, как девять кошмарных зверей в облике волков рвали коз, орошая округу их кровью и наполняя их утробным рыком... Как они кружили, завывая вокруг неё, беспомощно бившейся у столба... Как они расступились, пропуская ещё более страшное, мерзкое чудище с горящими зелеными огнями вместо глаз...

Она чувствовала зловонное дыхание, когда оно трижды обходило, сужая круги... Она не смогла стерпеть жуткого запаха, когда отвратная морда приблизилась к её лицу, и ее стошнило... Лапы чудовища грубо опирались на ее луно [1], когда уд [2]взламывал затворы [3], проникая в мясные ворота [4], вызывая нестерпимую жгучую боль...

Баба Нюра не отходила от метавшейся во сне подопечной. Ей приходилось постоянно вытирать пот с лица спавшей Даринки, следить, чтобы та в бреду не сверзилась с кровати. Она прекрасно осознавала, как тяжело приходится сейчас юной девчонке, ставшей женщиной вопреки своей воли: её вскрики были полны отчаяния. Ночь обещает быть тяжелой.

Это было так ужасно и больно... Она чувствовала, как её плоть разрывается под натиском постороннего тела. По ногам текло что-то густое и вязкое, а сердце рвалось наружу.

Спящая Даринка проклинала деда Козьму, бабу, мать и весь мир за свою участь. Она ещё только вступала в возраст блудницы, не знала ещё ни поцелуев, ни ласок парней. И вот её, беззаботную девчонку, кинули на растерзание чудовищному порождению леса.

Она готова была молить всех богов, чтобы это скорее закончилось... чтобы это невыносимое чудище покинуло её тело, и боль прекратилась... Крик чуть не сорвался с её губ, когда действие подошло к концу.

Её первый раз... с чудовищем! Слезы застилали девушке очи. А непонятное существо удалялось, оставляя её один на один с ужасными переживаниями.

Образ чудища снова и снова вторгался в ее сон. Что или кто? Почему оно? Почему я? И этот странный облик... Это точно был не человек... Так кто же он? Оборотень?.. Оборотень, взявший её девственность... растоптавший её первую близость с мужчиной.

Баба Нюра лишь сокрушенно покачивала головой, слышала выкрики Даринки и шепотом причитала: «Ой, девочка моя, ой, не надо так. Больно, горько, но пожалеешь ведь потом», — снова вытирала выступивший пот с лица девушки.

Ее била мелкая противная дрожь, когда на опустевшей поляне появились люди. Их было четверо: в звериных шкурах и в страшных масках, но их облик абсолютно не тревожил жертву после пережитого. Она совершенно безвольно позволила им заняться собой.

Они отвязали ее и уложили на расстеленный на земле плащ, обмыли тело, обработали каким-то дурно пахнущим составом раны и укутали в одежды. После этого кто-то поднес к ее губам чашу с густым отваром, заставляя испить его. Даринка, первоначально лишь пригубив его, стала затем пить с жадностью, не ощущая ни вкуса, ни запаха. Её мысли все еще кружили вокруг страшного, могучего оборотня, надругавшегося над ней. «Почему я? Почему именно со мной?!» — вопрошала Даринка.

***

Пробуждение снова было не менее тяжелым, чем сон. Голова гудела, тело было налито свинцовой тяжестью, хотя и слушалось не в пример вчерашнему. В горнице, как прежде, было светло и уютно, а рядом на табурете сидела прежняя баба Нюра.

— Проснулась, милочка. А я тебе уже стол накрыла, — махнула в его сторону старушка, — давай я тебе помогу подняться, умыться. А после в баньку пойдём, она уже ждёт, натопленная.

От такой заботы и нежного голоса старухи черные мысли Даринки как-то сами отступили на время, к тому же, проснулся зверский голод, и от одной только мысли о еде в животе заурчало.

После сытной трапезы и жаркой бани Даринка уже не возвращалась к своим переживаниям, а лишь чем могла — помогала хозяйке по дому под ее милое ворчание: «Рано тебе, внученька, ещё делами заниматься, отдохнуть тебе положено».

Примечания:

1 — женские груди (древ. русс.)

2 — половой член (древ. русс.)

3 — половые губы (древ. русс.)

4 — влагалище (древ. русс.)

Даринка резко открыла глаза, поёжившись от холода. Хотя, в хате было жарко натоплено, она почувствовала холодный пот. И, как назло, именно в это время перед внутренним взором предстала морда чудовища, которую она так упорно пыталась забыть. «Почему я? Почему именно со мной?!» — вопрошала Даринка. Ответов не было. Если её принесли в жертву, значит, так было угодно богам. «Если это был оборотень... то я тоже оборотень? Вдруг это все не случайно? А если это кто-то подстроил...» — мысли девушки возвращались к риторическим вопросам. Ей явно не собирались давать ответы.

«Необходимо будет расспросить бабу Ньюру, вдруг она хоть что-нибудь знает. Вот завтра обязательно и спрошу».

В хате было тихо. Баба Ньюра мирно дремала на печи. Стараясь не разбудить старушку, Даринка подошла к лоханке с водой и сделала несколько жадных глотков из ковша. Потом вернулась обратно и уже со спокойной душой отдалась сну.

***

В заботах и хлопотах по хозяйству прошла неделя, прежде чем Даринка отважилась расспросить бабу Ньюру о том, что произошло с ней, и почему она живет теперь в её доме. День, а, точнее, его остаток как раз располагал к долгому разговору: ближе к закату небо над рощей, где находился хозяйский двор, затянуло низкими тучами, и на землю хлынул потоком дождь. Быстро укрыв скотину и кур в коровнике, женщины поспешили спрятаться в доме и решили скоротать вечер за пряжей да разговорами. Под легкое жужжание прялки беседа шла свободна и непринужденно, и девушка, наконец, решилась заговорить о страшном событии:

— Баба Ньюра, а ты знаешь, что со мной случилось и почему? — голос не выдал её волнения, а вот щеки зарделись.

Старушка некоторое время молчала. Было видно, что она пытается найти нужные слова.

— Даринка, а ты свою родню до какого колена знаешь? — неуверенно начала старая женщина.

Тут уже молодая задумалась, прежде чем ответить. Почему-то раньше она не интересовалась своей родней, и весь круг её ограничивался родителями с дядьками и тетками, да дедом Козьмой и бабушкой Марфой.

— Поди, дальше деда своего и нос не совала? — подтолкнула баба Ньюра. — Даже не знаешь, как стар твой род. Ничего, деточка, не твоя вина в этом, так как очень многое в нашем роде должно быть скрыто. Да, да, в нашем роде, внученька, ибо я твоя прабабка, мать твоего деда.

От изумления Даринка тихонько охнула и с испугу прикрыла рот двумя ладонями, выронив веретено.

— Наш с тобой род очень древний, — всё также несколько поучительно, но доброжелательно продолжала прабабка, — сейчас даже не скажешь, сколько веков ему уже, а, может, и тысячелетий. Помнишь ли ты сказку, что намедни я тебе на сон грядущий баяла? Про одинокую снежную волчицу? Так вот, то не сказка, а былль про девушку по имени Мара. Как сказала тебе тогда, так и было с ней. Она, Мара, и есть наша прародительница.

Даринка от этих слов вспомнила свой сон, когда сама смотрела на мир волчьими глазами.

— Бабушка, а что же с ней стало дальше? — любопытство ее только разгоралось от новых знаний.

— А дальше... Дальше Мара стала жить в лесу: сначала одна, а потом прибилась к стае волков. Когда бывала одна и подходила к человеческому жилью, то принимала свой первозданный вид красной девушки, а когда была с волками, то и была волком. С волками жить — по волчьей выть. Знаешь ведь, — баба Нюра прервалась, чтобы испить воды, а затем вновь продолжила. — В стае она стала поначалу следить за чужими щенками. Потом уж и на охоту ходить.

— А что же все-таки произошло, баба Нюра? С ней, с Марой? Как она стала... стала...

—оборотнем? Хочешь знать, так слушай, а не перебивай, — достаточно жестко оборвала ее старушка. — Вот так она коротала свои дни до тех пор, пока не призвал эту стаю леший той округи.

— А разве леших много, разве они везде разные?

— Конечно, милочка! У каждого леса свой хозяин. Так вот, призвал леший свою стаю.

***

Мара не один день блуждала по заснеженному лесу. Чувство голода начинало топить горечь потери, да и урчащий живот никак не способствовал прояснению мысли. Она впервые осталась совершенно одна да еще посреди леса, и не представляла, что ей делать. На ее удачу, из-под ели метнулся неосторожный русак. Инстинкт хищника сам все сделал — в несколько прыжков она настигла косога. Свежее, нежное мясо показали девушке-волку самой лучшей едой, слаще которой ей не приводилось ранее отведать ничего. А теплая кровь прямо-таки потребовала отмщения обидчику.

Этой же ночью она прокралась в свою прежнюю деревню, выслеживая несостоявшегося жениха.

Его очередные похождения лишь уверовали Мару в праведности собственного гнева. Злоба клокотала и спустя час нашла свой выход. Месть была жестокой — волчица впилась в человека, вырывая причинное место соблазителя. Душераздирающий вопль должен был переполошить всю деревню, но Мара дала себе еще несколько мгновений наслаждения от созерцания агонии, после чего разорвала жертве горло.

С большим трудом удалось ей уйти от преследователей, скрывшись в ночной чаще.

Странные мысли стали одолевать девушку. После того, как она вкусила крови, все думы о своем изгнании из дома были сметены чувством собственной свободы. Горечь обиды ушла совсем, не оставив и следа, а проснулось осознание своей силы.

Но следующие дни показали Маре, что и ее новые силы, умения и навыки не являются безграничными. Все ее попытки добыть дичь крупнее зайца проваливались, косули легко уходили от нее, олени, не говоря уже про лосей, давали ей отпор. Пришлось ей присоединиться к местной стае, куда ее приняли, позволяя первоначально возиться с щенками, а затем уже и привлекая к охоте.

***

Стая вышла на опушку леса.

Под могучим вековым дубом их ожидало странное огромное существо. Казалось, все его тело проросло молодыми побегами деревьев и кустарников. Его конечности имели весьма необычный вид: передние больше походили на человеческие руки, если не брать в расчет их длину и несуразно короткие пальцы с огромными когтями, а задние как раз смахивали на звериные, только колени смотрели вперед как у человека. Голова чудовища и вовсе была

непонятной: больше походила на лосинный череп, обтянутый бледно-зеленой кожей. Сверху ее украшали развесистые оленьи рога. Глаза горели каким-то неземным желтым огнем.

Волки совершенно спокойно, полукругом, расселись пред чудовищем. Мара оказалась между двух молодых черных самцов, которые уже с неделю оказывали ей знаки внимания.

— Славные псы мои, вы верно служите мне, хозяину леса, так послужите еще раз. — Мара не могла понять на каком языке говорит существо — то ли по-волчьи, то ли по-человечьи. — Род людской, что расположился давеча под горой возле озера, презирает наше с вами право на родную землю. Место они заняли на нашей земле, не спросив на то разрешения, не принеся требы. Я хочу, чтобы вы напомнили двуногим, кто здесь хозяин, и велю вам порезать их скот.

Волки дружно завыли, предвкушая добычу.

— Но также я вам велю не резать более четверти животных и не трогать людей!

Некоторые волки разочарованно заворчали.

— Пока мы не прогоняем их род с нашей земли, а требуем платы. Дело сложное, а стало быть, вся стая идет по моему поручению завтра в полдень, когда они будут пасти скот. На этом все, можете идти, но со мной останется белая волчица.

Пока волки покидали опушку, Мара озиралась, бросая взгляды то на неведомое существо, то вслед собратьям, то искала пути отхода. Когда же последний серый хвост исчез в ближайшем подлеске, леший молвил:

— Прими свой истинный облик, дитя человека, — на этот раз Мара отчетливо уловила слова людского языка.

— Я ужене знаю, какой мой облик истинный, а какой ложный, хозяин леса, — обида на произошедшее с ней ранее вызвала в Маре гордость за нынешний свой образ гордой белой волчицы.

— Как бы ты не рядилась, ты все еще ребенок человеческий, — с этими словами он обратился в статного мужчину, не в красавца, но на фоне прежнего обличия и это было приятней. Теперь Мара видела перед собой высокого плечистого мужчину, чем-то отдаленно напоминавшего юношу, ради которого она бросила семью и которому она оказалась не нужна. Те же темно-русые волосы, спускающиеся до плеч, перехваченные тесьмой, те же пронзительно карие глаза. Но он был явно старше — на вид лет сорок. Лицо его было уже изборождено морщинами и шрамами, в бороде проглядывали серебристые волоски.

— Это твой истинный вид, хозяин? — спросила она, оборачиваясь девой.

— Нет, Мара. Вот у меня как раз уже и не определишь, где истина моя скрыта. Как человек я являюсь и в этом лике, и в лике старца, скрюченного годами, и в лике сморщенного младенца. А уж животных ликов или образов чудищ и вовсе не пересчитать, — с этими словами он призвал ее сесть под сенью дуба рядом с собой.

— А кто же я по-твоему?

— Пока ты неразумное дитя человека и природы, не познавшее себя.

— Хозяин, и как мне познать себя? Как узнать, кто я на самом деле?

— Обучу тебя всему, чему требуется, и тогда сама сможешь решать судьбу свою и рода своего.

***

— Долго они тогда разговаривали под сенью векового древа. Мара прониклась доверием к лешему, что назвался Кондратом, а позже и чувствами, позволив овладеть собой,

как жена позволяет мужу своему, — завершила свой рассказ о прародительнице баба Ньюра.

— Баба... баба Ньюра, — робко начала Даринка, — тот леший, что встретился Маре... Все лешие так выглядят? И я стала оборотнем? — ей одновременно завладели любопытство и ужас от только что сделанных открытий.

— Деточка, не торопись, особенно с глубокими выводами, — несколько охладила ее пыл старушка, — нужно вникать постепенно — ведь не зря я начала отвечать на твой вопрос столь издалека. Немного помолчав, она продолжила: — Тебя интересует облик лешего? Почему?

— Бабушка, мне кажется, что по твоему описанию он похож и не похож на то существо, что надругалось надо мной... — голос Даринки слегка дрожал.

— Бедная моя внученька, я понимаю, что по незнанию, тебе было страшно и гадко, но он не надругался над тобой, поверь мне. Наш леший Егорий сим действием принял тебя и дал свое добро на твое посвящение. И оборотнем ты еще не стала — ты просто еще не готова к этому. Ты здесь за тем, чтобы, как и Мара, наша прародительница, познав себя через природу и природу через себя, смогла сделать свой выбор, — голос прабабки нес властность хозяйки положения и материнскую доброту одновременно, — и я вижу, что ты готова открыть для себя Мудрость Леса — несмотря на свою обиду и горечь, ты ищешь истину и открыта знанию.

— Да, бабушка, я хочу все понять: кто я, почему я и зачем это...

— Остановись, деточка. Хорошо, что ты задаешь вопросы, но надо научиться правильно их задавать и в свое время, чтобы ты могла получить правильные ответы. Мы начнем с тобой с новой луной. И на сегодня мы закончим, а то смотри — уже звезды начинают гаснуть.

За окном и вправду одна за другой гасли звезды на ясном, после бури, небе.

Жизнь Мары в логове Кондрата приняла новое течение.

Логово называлось лишь по привычке лешего, а так это были вполне людские условия: большой, уютный дом с хозяйственными постройками на дворе.

Первые дни мало чем отличались от тех, что Мара провела в отцовском доме: хлопотать по хозяйству, ухаживать за скотиной — обычные домашние занятия. Только как-то в непривычку было получать орехи и ягоды от зверей лесных — белки, медведи и птицы сами приносили дары природы на двор Кондрата.

Отличия от обыденной жизни родного хутора начали проявляться только тогда, когда Кондрат посреди месяца красавик [1] стал делиться своими знаниями Природы — леший изо дня в день давал юной супруге знания о повадках зверей и птиц лесных, о жизни деревьев, о потоках вод, о самой силе мира Яви. Он учил ее чувствовать малейшее движение травинки, еле осязаемое тепло жизни, сложный язык Природы. Пока все это заключалось лишь в каждодневных вылазках в лес и днем, и ночью, из-за которых Мара буквально валилась с ног, но после чарки живительного травяного настоя и кратковременного отдыха вновь обретала силы и принималась за хозяйство. Молодая женщина сама стала замечать, что для полноценного сна ее самой требовалось все меньше и меньше времени. Позже учитель сказал ей, что она не только училась познавать природные силы, но и Природа ими щедро делилась с ней.

Время шло. Солнце уже перестало подниматься в зенит, когда Кондрат объявил ей, что теперь настало время учиться распознавать нечисть и противостоять ей.

Нечисти в лесах было предостаточно. Тут тебе и гарцуки, которые испортят погоду, и гейкалек, который заставляет людей бродить, и болотник, затягивающий путников в трясины, и бескуд [2], и стрыга [3].

Леший делился с Марой знаниями о том, как выследить и одалеть нечисть. Сначала он повел её по лесам и полям необъятным, чтобы показать, как кто выглядит, и как их можно обнаружить.

Гарцуки живут в больших горах. При восходе и закате солнца они играют как дети на горах. В полдень носятся на лошадях по полям и лесам. А ночью исполняют приказы Перуна. Их нужно было главным образом разгонять, когда они в своих игрищах переходили дозволенные рамки, сотворяя вихри и ураганы, ломающие порой вековые дубы. И на том спасибо — угнаться за этими мелкими, быстрыми и бесшумными созданиями не представлялось возможным, а вот разогнать их как пугливых детей не стоило особого труда, просто представ перед ними в своем волчьем облике.

Гейкалек предстал перед Марой в виде поросшего мхом человека со светящимися глазами, который по ночам гейкает лесным эхом. И если кто-то откликается, то он может навалиться на спину и раздавить насмерть, вмяв в землю. Этого тоже требовалось ставить на место, так как в душе был достаточно добрым и защищал лес от разбойничьего люда и других непрошенных гостей, но при этом увлекался.

Болотник хоть и представлял собой неприятное зрелище: неподвижный безглазый толстяк с налипшими водорослями, улитками и чешуей, — но в целом был близким другом лешему и помогал тому охранять лес, сбивая с пути излишне любопытных и загоняя их в болото. При встрече с лешим они обнялись как старые друзья, при этом болотник аж

захрюкал от удовольствия, совсем как поросенок, которому добрый хозяин чешет пузо.

А вот с бескудами и стрыгами дела обстояли иначе, ибо являли они собой самую что ни на есть кровожадную, зловредную нечисть по своей природе и несли смерть лишь во имя жадности и злобы — кошмарные кровопийцы, один ужасней другого.

Стрыги нападали на людей в образе сов-сипух, забирая младенцев. Если детей в семье было несколько, то стрыга обязательно возвращалась. Эти злобные порождения душ умерших черных ведьм не просто утоляли свой голод, но еще и издевались над несчастными родственниками: в качестве «увеселения» они подменяли тела своих жертв на соломенные чучела, которые под чарами еще три дня наводили морок на родителей что перед ними их любимое дитяtko.

Но если для борьбы со стрыгами было достаточно ловкости волка, в чем Мара не преминула убедиться на собственном опыте, с первой же попытки схватив одну морочную сипуху пастью за голову, а другую сбив лапой, переломив ей крыло, то с бескудами дела обстояли сложнее. Для начала Кондрат лишь показал одного из них издали, объясняя, что ни в облики волка, ни в личине человеческой нет шанса управится с ними, так как они более живучи нежели их дальние родственники вампиры. И здесь сил клыков и когтей волчих уже будет недостаточно, чтобы нанести урон их телу, покрытому слоем хеликтита, а человек просто не будет поспевать за их движением. У бескудов были кошачьи глаза, позволяющие видеть в темноте. Серая, грубая кожа и треугольные, острые, как у пилы, зубы.

После это он устроил ей изматывающие упражнения, назвав их «Путь Волчеголовых». Начиная с полудня и до вечерней зари, Кондрат заставлял ее преодолевать всевозможные препятствия: гонял по лесам, оврагам, горам. Мара чувствовала себя опосля как загнанная лошадь, вся мокрая от пота и в лесной грязи, а леший, который всё делал вместе с ней, лишь дышал чуть чаще обычного. А с наступлением сумерек учил жену частичному перевоплощению, чтобы она, получив силу и ловкость волка, не утратила человеческую способность владеть оружием — топором и ножами, покрытыми слоем серебра. И в этих тренировках Кондрат не знал пощады, даже когда в конце месяца узнал, что супруга понесла, не ослабил своих требований — лишь к концу кострычника [4] смилостивился, когда брюхо уже явно мешало Маре проявлять сноровку.

А к закату года, в один из лютых снежных вечеров месяца сынежань[5] она разродилась двойней: мальчика назвали Ставры, а Гавры стали кликать девочку.

На их наречение пришли суденицы, три старые ведьмы. Долго судили и рядили между собой, да нарекли им судьбу видную, но тяжелую.

***

Порой Даринке становилось как-то страшновато. Она надеялась, что легенда о белой волчице была только преданием, сказкой. А оказалось, что все случилось на самом деле. К тому же пугали постоянные сны, что посещали ее буквально каждую ночь, о собственной прародительнице — ведь если Мара прошла через это, то тоже самое уготовано и ей. Но сны и помогали ей понять, к чему готовит судьба, через что нужно будет пройти, что понять.

А пока баба Нюра рассказывала Даринке о роде волколаков.

— Вот сейчас, внучка, нас в этом лесу обитает целая стая. Главные я и брат мой, Дунай. Все, кто в стае — наши дети и внуки. Всего же нас четырнадцать людей-волков, но лишь шестеро взрослые, остальные лишь щенки, способные только на полное перевоплощение, но не готовы к частичному. И далеко не всякий способен на это. Даже дар простого обращения в волка дается не каждому. Вон, твой дед Козьма, сын мой, так не разу и не перекинулся,

зато получил дар волхования и может разговаривать с духами. Только ты среди его огромного числа потомков смогла получить оборотничество. Ты уже догадываешься, что за судьба тебя ожидает? — Даринка неуверенно кивнула. — Это не только дар, но и обязательства.

— Баба Ньюра, я постоянно во снах вижу жизнь Мары, — почти прошептала Даринка.

— Хм. Значит, принимает тебя род... Хорошо, проще всё пройдет, — на старушечьих губах появилось подобие мечтательной улыбки, — Даринка, теперь ты и сама знаешь, что наш род на службе у леших и, это накладывает на нас множество обязательств. Мы охраняем леса от нечисти и непрошенных гостей, защищаем людские поселения. Мы — псы лешего.

— Бабушка, а сколько потребуется, что пройти «Путь Волчеголовых»?

— У-у-у, ты уже и об этом знаешь?! Хорошо... Даринка, все зависит от твоих способностей. И уже скоро мы приступим, через две ночи луна начнет расти, и ты будешь посвящена, после чего и начнем. Но, внученька... — здесь прабабка слегка замялась. Глотнув чая из своей глиняной кружки, она все-таки продолжила, — Даринка, есть один важный вопрос, который мы должны решить как можно скорее. Намедни, когда ты лежала в бреду, ты выкрикивала страшные слова... Я думаю, ты не со зла ведь? Про деда своего? Проклятия для него и семьи его?

Даринка густо покраснела:

— Нет, бабушка, не хотела я... — слезы наворачивались ей на глаза.

— Вот и славно! Значит, все еще можно поправить, — с плеч хозяйки как будто упал тяжкий груз, — на закате это и отменим. Только ты должна делать только то, что я тебе укажу. Усекла?

Девушка лишь согласно кивнула, она уже была рада, что ее горячка не скажется на родных.

***

Старейшина сидел за столом один и пил горькую. Нет, он не пьянствовал — ему требовалось освободить свой разум, чтобы принять единственное правильное решение. Сейчас он был просто в тупике, в который угодил по собственной воле. Он ведь прекрасно понимал, что его внучка не подготовлена для перехода, а родня даже не подозревает о её силе.

Какой анчутка послал этих разбойников в набег на его деревню! Именно эта угроза поставила Козьму перед ужасным выбором: или спасение жителей деревни, или мягкая подготовка Даринки к переходу, если, конечно, выживут. Все же старейшина победил в нем любящего деда, и он отправил матери призыв о помощи, понимая, что в награду он должен будет скорейшим образом выдать ничего не подозревающую внученьку прабабке.

Бедная девчурка, какой ужас она пережила по его воле. И поделом, что прокляла. Но сейчас его проблемы заключались уже не в этом — сегодня прилетал ворон с посланием от матушки, сообщавшем, что они сняли проклятие. Сейчас вопрос состоял в том, как ему жить дальше. Хоть он и спас деревню, но об этом никто и не знал, а толковали теперь меж собой, что старейшина деревни не побрезговал отправить собственную внучку на растерзание диким зверям. Его теперь за глаза называли деспотом и убийцей, но прямо по-прежнему высказывали свое уважение. В принципе, не так плохо для его положения главы поселения — будут и уважать, и бояться. Но особо недовольные уже начали мести языками, что, мол, он не смерти лютой внученьку свою отдал, а черным колдунам на обучение, и что он вообще с ними заодно, так как призвал их на помощь. А это уже было на полпути до обвинения в

черном колдовстве, что грозило ему смертью пострашнее, нежели то, что принесло бы проклятие Даринки, не озаботься его судьбой мать родная.

Он мог сейчас просто сняться с места и отправиться в лес к матери, плевав на то, что злословные сплетники будут злословить его и смешивать с грязью. Это убережет его и от гнева матери Даринки, Маруси, дочери своей и ее супруга, слабоумного и нахрапистого кузнеца. Да и что делать-то ему теперь в деревне, если он уже спровадил Даринку в нужную сторону.

А вдруг Маруся или ее две сестры народят кого-нибудь с тем же даром, али Герасим с Тимофеем состругают чудесника — кто о них заботится будет? Ведь ни у кого из семьи нет ни капельки способностей да и ума, кроме женки его Марфы, а она сама не управится.

«Нет, Козьма, как ни крути, быть тебе до скончания века своего старейшиной и решать все эти склоки в семье и деревне», — зло пробормотал он.

Он встал с лавки и отправился в избу, по пути шуганув жирного серого кота с порога.

Примечания:

1 — апрель (бел.)

2 — разновидность вампира в фольклоре Западной Украины, Польши, Чехии и Словакии.

3 — в западно-славянской и карпато-балканской мифологиях ведьма, нежить, упырица, пьющая человеческую кровь

4 — октябрь (бел.)

5 — декабрь (бел.)

Под светом молодого месяца баба Нюра вела Даринку через лес, который и не думал погружаться в ночную дрему. В траве стрекотали рассыпанные, словно брызги звезд, светлячки, в листве суетились и перекликались ночные птицы. Пару раз над головами путников, едва не задевая их, проносились летучие мыши. В густом подлеске шебуршали мелкие зверьки, а вдалеке слышался треск ломающихся сучьев.

Девушка как ни пыталась воспрять духом, но лес её пугал. Пугало и собственное будущее. Да, она знала, куда и зачем они держат свой путь, что произойдет в дальнейшем, но смелости это не добавляло.

Вот среди черных деревьев и кустов показались неверные колыхающиеся огни факелов, выхватывающих из ночной тьмы частокол ограды общего дома. Сердце Даринки окончательно свернулось в маленький кулачок, и она еще сильнее сжала руку старушки. «Все будет хорошо. Я ведь сама к этому стремилась», — подбадривала себя молодая.

Вот уже стали видны распахнутые ворота, возле которых в два ряда стояли люди в волчьих шкурах, державшие в руках факела. Тринадцатая фигура стояла в центре, аккуратно посерединке раскрытых ворот, что-то держа в своих руках прямо перед собой. Подойдя ближе, Даринка смогла рассмотреть, что у седого, морщинистого мужчины в ладонях покоилась чаша, полная мяса сырого.

В этот же момент как две женщины приблизились к воротам, двенадцать человек огласили мрачный лес волчьим воем и начали размеренно притопывать ногами, создавая причудливый ритм. А седой мужчина преклонил одно колено, все также держа чашу перед собой на вытянутых руках.

Пока пара прибывших женщин приближалась к седому мужчине, Даринка смогла разглядеть дюжину стоящих в рядах людей, одетых в волчьи шкуры. Ни на мужчинах, ни на женщинах не было ничего, кроме этих шкур. На лице и груди каждого красной краской были нанесены замысловатые узоры, которые она уже видела в рисунках на воротах, дверях и ставнях дома бабы Нюры. Тела все были поджарыми, мускулистыми, покрытыми множеством шрамов.

Когда до седого мужчины, который по рассказням прабабки звался Дунаем, осталось ровно два шага, старушка остановила Даринку, и они обе склонили головы перед встречающими. После этого баба Нюра сделала шаг в сторону, становясь как бы между ними, но чуть в стороне, а дед Дунай поднялся и подошел к девушке, протягивая ей чашу с мясом. Повинуясь заранее данным указаниям, Даринка взяла из неё кусок мяса и, взмахнув им на четыре стороны, положила себе в рот. Сырое мясо оставляло сладковатый привкус, жевать его было тяжело, но она старалась делать это как можно тщательней. Затем она проглотила разжеванный кусок, и к горлу подкатила тошнота.

Баба Нюра приблизилась к ним и приняла чашу из рук Дуная. Даринка заметила это краем глаза и смогла отметить, что та полностью оголило свое тело, достаточно подтянутое для ее лет. Седой же, сделав один шаг к Даринке, окунул свои руки в чашу и кровью вывел на лице молодой по три прямых линий на каждой щеке и лбу, после чего правой рукой подал властный знак. Из дюжины вышла пара, мужчина и женщина, которая несла на вытянутых руках серую шкуру.

Пока пара приближалась к ним, Даринка ощутила, как кто-то освободил ее от одежды, и

теперь она стояла перед своими сородичами абсолютно голой. Как только волчья шкура была брошена на ее голову и плечи, оставшиеся у ворот, огласили ночь новым воем. Дунай же, сделав шаг в сторону, жестом руки пригласил пройти внутрь ограды.

Даринка увидела перед собой широкий двор, посреди которого пылал большой костер. К нему вела огненная дорожка, перекрытая тремя мечами. Она сама знала, что делать. Трижды глубоко вздохнув и полностью сосредоточившись, девушка разбежалась и трижды перекинулась через мечи, приземлившись возле костра на... четыре лапы. Посмотрев вниз и убедившись, что ее конечности стали волчьими лапами и ощутив, что тошнота пропала, а в желудке распространялось живительное тепло превосходной еды, молодая волчица оглядела заново двор. Теперь он уже не казался таким обширным ибо все пространство его заполняло семь пар волков. Даринка без особого труда смогла узнать бабу Ньюру и деда Дуная в самых матерых хищниках, а остальные же для нее были пока на одно... на одну морду.

К ней приблизилась сначала одна молодая волчица, обнюхивая ее от морды до хвоста. Даринка ответила ей взаимностью. Следом к ней стали подходить и остальные. Пара самцов после знакомства с вновь прибывшей родственницей устроили свару за право обладать ею, но матерый волк тут же пресек драку и сам покрыл молодую.

Даринка почувствовала небывалую силу в своих лапах. Бросив взгляд на сородичей, она покинула двор. Не смотря на то, что ее только мгновение назад приняла стая родственников, ей сейчас хотелось побыть одной, хотелось в полной мере ощутить все то новое, что открывало волчье обличье, она хотела испытать свой новый облик.

Сейчас лес предстал перед ней в каком-то новом виде: знакомые деревья и кустарники, что она заприметила по дороге к общему дому, казались какими-то странными, что-то неуловимое изменилось в их облике; совершенно поменялись запахи лесные и их стало больше, от их многообразия у волчицы с непривычки начиналось легкое головокружение. Даринка брела по лесным тропкам, привыкая ко всему новому, узнавая действительность волка-оборотня.

Так она бродила, пока не вышла на незнакомую поляну, обрамленную густыми зарослями орешника. Едва выйдя ближе к центру поляны, Даринка была вынуждена остановиться — прямо на нее из кустов смотрела две пары налитых кровью глаз. Девушка-волчица осторожно попятилась, но это, видимо, было расценено как признак слабости — зверь с треском сминаемого куста устремился в яростную атаку. Даринка успела лишь увернуться от смертоносной туши противника.

Отскочив в сторону, она мельком смогла рассмотреть сего зверя — он походил на огромного вепря, но имел не только огромные заточенные клыки кабана, но и еще в придачу его макушку венчали бычьи рога. От него пахло похоже всей грязью леса, которую только можно было вообразить. У волчицы не было времени на поиски в своей памяти, что это за такой диковинный зверь стремится убить ее — огромная туша неслась в очередной ожесточенной атаке, взрывая землю своими копытами.

В этот раз молодая волчица, уворачиваясь, попыталась нанести свой удар, но ее клыки лишь беспомощно проскользили по жесткой вонючей щетине, а тварь пронеслась мимо, не понеся какого-либо ущерба.

При третьей атаке зверя, Даринка решила повторить свои действия, рассчитывая, что может получиться лучше, если удачней выбрать момент для броска, но итог был тем же — вонючая тварь оказалась неуязвимой.

В сердце начал прокрадываться страх — она не знала как бороться с этим живым

орудием смерти, а тварь и не думала ослабить свой натиск. Ей оставалась лишь продолжать свой танец с этим рогатым вепрем, так как он явно был быстрее волчицы, чтобы она смогла сбежать.

Бесконечная пляска на поляне, освещенной лишь молодым месяцем, начинала забирать силы у девушки-волка, когда неожиданно появились еще звери. Даринка, не смотря на усталость, смогла сразу же узнать в облике серых теней свою стаю.

Дунай первый бросился в атаку на вепря, а за ним последовали и остальные. Тварь, не ожидавшая такого поворота событий, прервав очередную атаку, просто трусливо ретировалась.

После такого чудесного спасения Даринка ринулась в самую гущу стаи. Молодые тут же обступили ее, выражая свою радость встречи, но от старика Дуная ей перепала лишь приличная трепка, сдобренная грозным рычанием вожака. Завершив воспитательную работу, Дунай призвал всех возвращаться в логово.

Уже в общем доме Даринка получила дополнительный нагоняй от бабы Ньюры, причитавшей о бестолковости внучки и больших опасностях леса. Когда же старушка успокоилась, то смогла поведать, что девушка встретила с вепрем Гилистери, со зверем практически неуязвимым, но достаточно трусливым. Со слов прабабки Даринка узнала, что она зря попятилась при виде красных глаз, нужно было сразу же бросаться на него, так как он всегда теряется даже от нападения одного волка, хотя одиночке никогда не справиться с ним. Щетинистая шкура Гилистери слишком груба и прочна для волчьих зубов, и справиться с ним можно только вцепившись в глотку, что чревато для нападающего.

Остаток ночи все провели под кровлей общего дома, а по утрам баба Ньюра и Даринка вернулись в свой прежний дом, где должны были завершить обучение новоявленной девушки-оборотня.

После рождения детей в жизни Мары мало что изменилось: все те же изматывающие тренировки, ночные практики по частичному перевоплощению и разговоры с деревьями и кустами, с ручьями и камнями леса — тренировки навыка общения с природой. Все это теперь приходилось совмещать с заботами о малютках Ставры и Гавры, которые росли не по дням, а по часам и уже к четверем месяцам могли сами свободно бегать по дому и двору, поднимая неописуемый гам, и забавляться с появляющимися во дворе лесными зверями, заставляя тех поспешно ретироваться.

К концу липеня [1] молодая мама начала уходить в лес, оставляя паренька и девчонку на попечение либо супругу, либо их домовому Вострухи, который души не чаял в двух маленьких сорванцах.

В лесу Мара охотилась на мелких зверей для пропитания семьи, а также несла охрану леса от непрошенных гостей. Теперь она была готова встретиться с любым известным ей соперником, будь то человек или нечисть, — как бойцу теперь ей были подвластны все возможности и человека, и волка. В ходе своих таких отлучек в лес женщина-оборотень больше узнавала о нем, о его обитателях. С целым рядом она смогла воочию познакомиться и завести приятельские отношения.

В первую очередь она познакомилась с берендеем Медведко, который также являлся человеком-оборотнем, только из людского облика перекидывался в медведя. О, каким он был сладкоежкой! Они и повстречались-то в лесной чаще, когда он в облике медведя сунул свою косматую морду в пчелиный улей. Как он потом ревел, расплатившись за свою слабость сотней пчелиных жал! Мара помогла ему добраться до маленькой речушки, чтобы он смог охладить свою пострадавшую морду. Позже они еще неоднократно встречались, порою вместе принимали бой с нечистью или шугали непутевых людишек, забиравшихся слишком глубоко в лес.

Медведко в человеческом облике оказался по виду сущим дитятей, даром что ростом огромным вышел да силушкой немереной наделен — а так пацан пацаном. Русые вьющиеся волосы шапкой нависали над вечно улыбающимся лицом и оттопыренными ушами, голубые глаза постоянно сверкали озорными искорками.

Другой же приятель был не столь жизнерадостным как Медведко. Наоборот, светлокарию, почти золото-желтые глаза Арысь-поле были всегда печальными, что было немудрено. Если Медведко был потомственным оборотнем, то девица стала получеловеком-полурусью по воле злой черной колдуньи и страдала от разлуки с дитятками своими да с любимым. Никак не могли они известить ту ведьму. И приходилось Арыси лишь по зову голодных детишек выбегать на кромку леса, куда их бабка приносила, чтобы покормить грудью, и обратно возвращаться в лес.

История Арысь-поле очень опечалила Мару, и задумала она во что бы то ни стало помочь девице. Для начала предложила свой дом для ее малышей, чтобы всегда были поблизости и ее волчатам компанию составить. А как быть дальше — обещали подумать с Кондратом.

А надумал леший следующее. Чтобы выследить ту злобную ведьму, снарядил он зверей, гадов да птиц лесных на розыски, кои и увенчались успехом уже к концу седмицы. На заре во двор прискакала Жабалка, дочь болотника, и сообщила что ужи обнаружили избушку

колдуньи на одной из опушек недалеко от их болота. По ее словам ведьма жила одна с огромным черным котом, занималась лишь темной магией зелий и отрав.

Дружная компания, состоявшаяся из Мары, Медведко, Арысь-поле и стаи волков, получив нужные сведения, отправилась творить возмездие. Отыскать полуизбушку-полуземлянку и убедиться, что злая колдунья в ней, не составило особого труда, и, расположившись на заранее оговоренных местах, товарищи приступили к делу.

Берендей, обладающий непомерной силушкой, первый начал задуманное, расшатывая и без того не самое крепкое жилище. Ведьма не заставила себя долго ждать — высунувшись в узенькое оконце, она постаралась окатить нападавшего каким-то зловонным зельем. Но Медведко оказался недосыгаем, и зелье, очутившись на траве-мураве, вмиг испарилось, оставив после себя лишь дурнопахнущий круг выжженной растительности. Видимо поняв, что не в силах помешать человеку-медведю развалить свою хижинку, через некоторое время ведьма стрелой вылетела, снося хлипкую дверь с петель, верхом на черном, поистине великом коте.

Теперь настал черед Мары и волков. Они пустились в погоню за удирающими, но не особо старались их догнать и напасть, а лишь загоняли их в сторону закатного леса, к одному весьма приметному дубу. Злобная старуха пыталась несколько раз окатить преследователей зельями, которые воспламеняли травы в местах своего падения. Лишь одному особо ретивому самцу досталось. Отрава попала на шкуру зверя, отчего тот закрутился волчком, завывая на всю округу и через мгновения испустил дух.

По мере приближения к условленному дубу, стая стала преднамеренно отставать, показывая, что, мол, не в силах настичь беглецов. Заприметив это, старуха злобно засмеялась, оглашая окрест своим хриплым мерзким смехом. Но не успела та вдоволь отсмеяться, как Мара заметила серую тень, метнувшуюся с властного дерева вниз с быстротой молнии, и резко ускорила свой бег. На бегу волчица видела, как рысь повалила на землю и колдунью, и ее кота.

Пока Арысь-поле разбиралась с ведьмой, Мара накинулась на уже вскочившего на свои лапы, но еще не восстановившего ориентацию в пространстве котяру. Ее бросок сразу же достиг цели и через мгновение челюсти переломили кошачью шею, выпуская дух вон. Подоспевшая стая тут же принялась за нежнейшее кошачье мясо, моментально разорвав огромную тушу котяры, а девушка-волк подошла к своей подруге, которая уже расправилась со старухой, разорвав ее горло и приняла свой человеческий облик, перепачканный чужой кровью.

Вместе с ней и Медведко они перенесли труп колдуньи обратно в ее избушку, а также тело погибшего товарища, после чего жилище было предано огню.

Позже радостная Арысь попрощавшись с приятелями и Кондратом, забрала своих близнецов и вернулась в свой дом в деревне. Но, как оказалось, расставание вышло недолгим. Спустя всего пару седмиц она вернулась на двор Кондрата и Мары вместе с детьми, мужем и матушкой, и слезно просила позволения им поселиться семьей в лесу. Арысь очень уж тосковала по лесной жизни, да и в деревне на нее и домочадцев смотрели косо. К тому же проклятие старой ведьмы теперь стало ее даром — ибо женщина теперь способна по собственной воле превращаться в дикую кошку.

Мольба Арысь и просьба супруги сломили лешего, и он отгородил им долю на холме, где семья в короткий срок построила себе дом и стала жить-поживать да лешему помогать в присмотре за лесом.

Мара же получила большее — и мужа любящего, и верную подругу дней суровых, и ребятишек, поднимающих гомон в хате вместе с парой ее собственных дитяток-волчат. Нет, она не жалела о такой жизни.

Встречала рассветы, собирала утреннюю росу для питья, занималась хозяйством и детьми. И каждый вечер гутарила с Арысью под тихое детское сопение.

Примечания:

1 — июль (бел.)

Очень тяжело становилось Даринке от собственных мыслей. Мара была рада своей участи, но вот Даринка... иногда она не знала — смеяться ей или плакать. Тело ее постоянно ломило от непрекращающихся тренировок. Дед Дунай гонял ее вместе с молодняком по лесу, выбирая самые сложные тропы: через овраги, густые, непролазные заросли, по каменистым склонам холмов, что не позволяли зацепиться ни руке человека, ни когтям волка. Баба Нюра учила перевоплощению, что также не способствовало повышению самочувствия — после каждого частичного перевоплощения кости и мышцы горели противной, тягучей болью. Вдобавок от постоянных рассказов старушки о жизни волколаков, о нечисти и способах охоты на нее у девушки пухла голова, и ночью порой мучила бессонница.

«Как же Маре могла понравиться такая жизнь?» — неоднократно задавалась подобным вопросом молодая женщина. В ее снах прародительница всегда была жизнерадостная, беспрекословно сносила все невзгоды и умудрялась еще воспитывать своих детишек. Даринка же каждый день мечтала о скорейшем завершении его и о возможности бесчувственно рухнуть в постель. Ей самой было не по себе от своих мыслей, когда видела как старая баба Нюра бойко управляет по хозяйству, невзирая ни на возраст, ни на усталость, а седой Дунай после всей муштры молодняка, отправлялся то на охоту, то в ночной дозор.

Как-то раз после очередного изматывающего забега под присмотром старшего рода, когда Даринка еще в облики волчицы лежала под оградой общего дома, высунув язык, к ней подошел Волибор, который приходился девушке троюродным дядей.

— Что, младая, никак отдышаться не можешь? — тон его был одновременно и насмешливым, и сочувственно-одобряющим.

Даринка смогла лишь утвердительно кивнуть, посмотрев в его ярко-зеленые глаза. Мужчина средних лет стоял перед ней, демонстрируя свой могучий торс, покрытый шрамами как причудливыми рисунками.

— Да, старик умеет и любит молодежь погонять. Я тоже его испытания с огромным трудом вынес, думал до смерти загоняет. Хорошо, что его сестра мне потом один секрет подсказала.

— Мне баба Нюра ничего такого не рассказывала...

— И мне она об этом не рассказывала — то не она была. У Дуная тогда две сестры было. Вторая, Бажена, две весны как погибла, — в голосе промелькнула печальная нотка.

— А как это случилось, дядь Волибор?

— Не стану я тебе сейчас рассказывать о том, пусть лучше прабабка тебе поведаст или прадед — он тогда с ней был. А я хочу с тобой тем секретом поделится, — его голос снова приобрел бодрость, — вставай и пошли.

Даринка не решилась при мужчине разовоплощаться в человека и потрусилась вслед на четырех лапах.

Родственник привел ее к малоприметному ясеню и остановился под ним.

— Прикоснись к нему, — пригласил он ее.

Даринка недоверчиво осмотрела дерево, обнюхала кору на стволе — ничего особого и подозрительного, дерево как дерево, таких полно в лесу.

— Ну чего же ты ждешь, Даринка? Приложи лапу, — дядя ласкового и покровительственно улыбался ей, — приложи и прислушайся.

Волчица послушно дотронулась лапой до теплой коры. Как она и ожидала, никаких новых звуков кроме гомона окружающего леса.

— Ничего не слышу, — прошептала она.

— А тызакрой глаза и забудь, что здесь кроме тебя и этого дерева кто-то есть.

Даринка попробовала последовать совету. Она закрыла глаза, принялась изгонять из своих мыслей лес, дядю. В голове лишь тяжело пульсировала кровь, не успокоившаяся после многочасовой беготни в зарослях. И вдруг она, скорее не услышала, а почувствовала, а затем и увидела внутренним зрением как по стволу, скрывшись под шершавой корой, стремится цветной, переливающийся радугой поток от корней к вершине. Потом до нее дошел и звук — журчание бьющего родника.

— Я почувствовала... вроде поток, дядя, — восхищенно прошептала она, — похоже на ручей.

— Хорошо, племянница, а теперь представь, что он течет через тебя.

Девушка-оборотень приложила вторую лапу и сосредоточилась, рисуя в воображении как радужный ручеек слегка изменяет направление, протекает по ее левой лапе, льется через грудь и возвращается по мышцам правой лапы обратно. Как только поток в ее мыслях вернулся к стволу дерева, ее тело стало наполняться легкостью, мышцы перестали ныть, дыхание и сердцебиение стали выравниваться, а голову захлестнула волна блаженства.

Когда Даринка открыла глаза, солнце уже начало покидать зенит. Девушка осмотрелась — она лежала под все тем же ясенем в человеческом облики, абсолютно нагая. Осознав свою наготу, Даринка попыталась прикрыться хотя бы руками, но поняв, что дядя итак имел возможность лицезреть ее прелести, лишь приподнялась на руках. Волибор же сидел неподалеку на траве, облокотившись на поваленную сосну и жуя травинку, смотрел на облака, пробежавшие по лазурному небу.

— Полегчало? — спросил он, даже не обернувшись.

И вправду, тело и голова ощущали необыкновенную свежесть, усталость как рукой сняло, боли как не бывало.

— Да, значительно лучше, — ответила Даринка, все же страстно желая, чтобы дядя не поворачивался в ее сторону, — а почему я упала в обморок?

— В первый раз со всеми такая история, — мужчина и не думал отвлекаться от созерцания небесных скакунов, за что девушка была безумно благодарна, — новая, живительная энергия стремится восстановить твою физическую гармонию — это и приводит к потере сознания. Также получится и после продолжительного перерыва.

— А этот ясень такой целительный?

— Нет, сейчас любое дерево подойдет, а когда попрактикуешься, то и камни сгодятся, и ручей. Но никогда не пробуй получить энергию в стоячей воде, особенно в болоте, — свою только потеряешь. А сюда тебя привел, чтобы тебе было легче сосредоточиться, чтобы наши тебя не вспугнули.

— Спасибо, Волибор.

— Да не стоит, — при этих словах он с поразительной легкостью без помощи рук вскочил на ноги, — ладно, засиделся я с тобой, пора уже идти. Сиди здесь, а я пришлю к тебе Златоцвету с одежей.

Когда же Даринка дождалась своей одежды, быстро натянула белую рубаху и серый,

расшитый красным узором сарафан. Златоцвета в этот момент стояла поблизости и ее изумрудные глаза беззастенчиво пожирали одевающуюся.

— Ты чего так смотришь на меня? Неужто в первый раз видишь? — Даринке было неуютно от этого молчаливого созерцания.

— Да, нет. Вижу-то не в первый раз, только не возьму в толк, что батька в тебе нашел, — ее голос был нахально весел.

— Волибор? Так вроде есть у него жинка? — смутилась Даринка.

— Не для себя, для братца моего, для Бажая, — рассмеялась та, — куда же от мамки-то папка денется? Матушка Горислава его вмиг приструнит, да и тебе на орехи перепадет. Давай, пошли быстрей, а то там все слюной захлебываются, обед ждут.

Баба Нюра и Горислава в этот раз как-то расстарались и обед был просто бесподобен. Молодежь заглывала простую на первый взгляд еду вместе с собственными языками.

Даринка сама раза два прикусила язык, но у нее была своя причина — ее постоянно одолевали думы о том, что она сегодня узнала. Ее поражала возможность вот так просто подпитывать тело и душу извне, беря энергию от деревьев, камней, воды. Это походило на какой-то чудодейственный секрет.

Попутно в ее голове сумятицу вносили слова Златоцветы, которые заставляли девушку посматривать в сторону Бажая, который по стечению обстоятельств сидел за столом практически напротив Даринки, сверля ее в свою очередь взглядом. Даринка отметила, что ничего необычного в нем нет — парень как парень. В меру мускулист, что не могло быть его преимуществом в сравнении с другими мужчинами за столом, в меру красив, но таких, кто привлек бы внимания молодой девушки, за столом было еще три-четыре парня.

Вот так, обдумывая совершенно разные мысли, Даринка и проглотила обед, не почувствовав вкуса.

Утром её ждали изматывающие тренировки, поэтому девушка нашла укромное место и наслаждалась природой в одиночестве, любясь закатом.

Уже в вечерних сумерках Мара возвращалась в дом, загнав скотину и курей в хлев. В темных сенях из дальнего угла неожиданно навстречу выплыло нечто похожее на промокшего человека, только прозрачное как дым. В какой-то миг существо предъявило ей лик отца и, протянув к ней костлявые руки, хрипло прошептало: «Доченька». Женщина завизжала от страха и неожиданности. На шум из дома выскочил Кондрат. Мара не могла произнести ни слова и только рукой показывала туда, где совсем недавно было ужасное нечто.

— Успокойся, милая, все прошло, — мужчина подхватил ее на руки и занес в дом, где усадил на скамью. Дождавшись, когда Мара выпила почти кринку молока и чуток отдышалась, спросил: — Что случилась, дорогая? Ты меня напугала.

— Я сама перепугалась до смерти, Кондрат! — ее голос все еще едва уловимо дрожал, — там что-то было. У него тело как дым, а лицом было похоже на моего отца. И оно меня звало.

— Это был вова [1] твоего отца, сегодня мне звери принесли весть о его гибели, — он жилистой рукой успокаивающе гладил ее по голове.

— Как... как это произошло? — несмотря на размолвку с отцом, эта весть опечалила женщину весьма, и ее голос едва не срывался.

— Он утонул. Был сброшен в воду и придавлен поваленной сосной, — Мара тихо заплакала, уткнувшись в плечо мужа, а он продолжал. — Его дух пришел к тебе, просить упокоить себя, освободить душу, чтобы она могла покинуть наш мир и не стать нечистым духом.

— Я не понимаю... как могу помочь? Что... что я могу сделать?

— Мара, ты ведь ушла из дому, поссорившись с ним, а умереть, не примирившись с родней — душа не будет знать покоя, человек должен быть добр с родичем. Именно это не дает его душе покинуть наш мир, — голос Кондрата нес спокойствие.

— Но что я сейчас могу сделать? — она до сих пор не могла понять своей роли.

— Ты должна встретить его душу, когда тело будет предано земле, и проводить ее к жничу [2], чтобы она могла очиститься и покинуть Явь, отправившись в свой мир — в Навь [3].

— Нет, Кондрат, я не смогу... Я боюсь увидеть мертвого. Одно дело — нечисть всякая, но мертвец...

— Тише-тише. Ты сильная. Ты справишься, Мара, — успокаивал жену Кондрат, — если все сделаешь, как я скажу, то с покойником не будешь дела иметь, а только с душой.

Вечерние сумерки спустились на погост. Белая волчица ждала, притаившись в зарослях бузины, что подступали почти вплотную к деревенскому кладбищу. Селяне, прощавшиеся с покойником, давно уже разбрелись по домам, но хищник не торопился покидать своего укрытия.

Мара смотрела на темнеющее небо. Там вверху сиял лишь одинокий месяц. Ни одно облачко не нарушало небесной чистоты. Вот начали появляться звезды: первая, за ней вторая, третья...

Волчица вышла из подлеска и приблизилась к свежей могиле.

...четвертая, пятая, шестая...

Зверь высоко задрал морду и завыл. Затем снова и еще раз.

На третий из свежевскопанной земли появился сгусток белесого тумана, слегка оформленный в облик человека, которым когда-то был ее отец. Мара думала, что при виде его испуг поборет ее, и она не сможет выполнить свое предназначение, но сердце и разум оставались на редкость спокойными.

«Мара? Дочь моя...» — почувствовала женщина-оборотень чужую мысль в своей голове.

«Да, отец, это я».

«Доченька, прости меня...» — его мысли носили отпечаток какой-то обреченности.

«Я тебя давно простила, отец, но это сейчас нам не поможет. Нужно торопиться — еще до восхода солнца мы должны найти жнич», — ее же мысли сохраняли ледяное спокойствие: «Если можешь, держи меня за хвост». И они вдвоем покинули погост.

Хорошо, что они быстро смогли покинуть ограду кладбища — малейшее промедление и была бы гарантирована встреча с косамахами [4]. Вот с ними-то Маре категорически не хотелось встречаться. Мало того, что вид имели пренеприятнейший, так и норовили любую душу с собой уволочь, и та уже никогда бы не узнала покоя.

Сквозь лес они пробирались молча, держа путь на полуденную сторону. Душа отца несколько раз пыталась завести беседу в основном на тему своего сожаления о бывших распрях, но Мара каждый раз рыком прерывала любые намеки на возможный душещипательный разговор. Во-первых, ей это было неинтересно ибо уже давно не держала зла на отцовский гнев и не желала выслушивать поток его соболезнований. Да и как-то не вязался этот белесый сгусток тумана, что назывался душой отца с ее родителем, чтобы она могла поведать ему о своих приключениях с момента их размолвки.

Ну, а во-вторых, им требовалась тишина, чтобы лишней раз не привлекать внимания лесной нежити. На рассвете они должны быть далеко отсюда, на другом краю леса и найти жнич, иначе отец так и будет скитаться по свету бесплотным неприкаянным духом.

Ночной лес как всегда не был спящим, что-то стрекотало, кто-то шуршал в зарослях травы, кто-то ворочался в кустах орешника, а кто-то пролетал над головами, но пока никто не препятствовал их безмолвному шествию. Пару раз Мара поднимала в воздух дремавших в траве куропаток, а неосторожный заяц, выскочив неосмотрительно из-под куста, по существу сам прыгнул волчице в пасть.

Однажды им пришлось затаиться за деревьям и переждать, пока по лесной тропе проществует манья, разыскивающая свое дитяtko, что сама сгубила давным-давно. Если бы она их заметила, то могла бы увести с собой душу отца, признав в нем своего мертвого сына. У зверя холодок пробежал по холке, когда показалось, что уродливая, перекошенная старуха бросила взгляд в их сторону, но тревога была напрасной.

Кроме этого случая их путь пока протекал безупречно. Душа отца больше не предпринимала попыток завести душещипательные беседы, и Мара этому была безумно благодарна.

Лес продолжал жить своей ночной жизнью. Ночное небо хранило свое спокойствие. Пока все шло, как и ожидалось, но Мара чувствовала надвигающуюся опасность — не может быть все так гладко. Мара оказалась ли права, или же это ее мысли материализовались — кто знает, — но неприятности не заставили себя долго ждать. Как ни готовилась волчица к ним, все равно они застали врасплох. Они пересекали залитую лунным светом поляну и были в самом ее центре, как неожиданно смолкли все звуки. Так, нежить рядом — сразу

смекнул натренированный мозг оборотня. Втянув воздух, волколак определил с какой стороны опасность и бросился влево, увлекая туманное облако души за собой, под укрытия бузины, где натолкнулись на маленького человечка, вжавшегося в ствол так, что не сразу же и заметишь.

— Здравствуй, бзёнек [5]. Да будет славен твой куст! — прошептала Мара.

— И тебе не хворать, женщина в облике волка, — тонюсеньким голосом ответил тот.

— Не скажешь, кто твою поляну облюбовал этой ночью, что за нечисть?

— А что не сказать? Богинки [6] с ератниками [7] уже которую ночь спать не дают. Не поделили что-то меж собой, вот и скандалят каждый раз, как люди на базаре.

Час от часу не легче, и что теперь поделать? Ладно еще богинки, трусоватые бабенки, прогнать их можно лишь громко зарывчав. Да и что они могут ей сделать! А с ератниками придется повозиться всерьез, все-таки как никак очередной вид упырей — здесь нужна будет вся сущность волколака, получеловека-полуволка.

— Бзёнек, приглядишь за отцом?

— О, так это отец твой. Очень приятно познакомиться с родителем славной охотницы... — восторженно запищал маленький человечек.

— Так присмотришь? — нетерпеливо прервала словесный поток Мара.

— О чем речь, пес лешего.

— Вот и славно. Я пошла, — и с этими словами оборотень ринулся на поляну.

Как и ожидала, при ее виде богинки бросились врассыпную, визжа во всю мочь. А ератники и не думали покидать обжитую полянку, грозно приняли некое подобие боевого порядка, полукругом расположившись перед Марой и злобно сверкая маленькими хищными глазками. Ну что, бой так бой, и в руках ее сверкнули серебром топор и нож.

Но проклятые колдуны все-таки не чета бескудам, и несмотря на их численный перевес, бой продолжался не так чтобы долго, но все равно изрядно вымотал Мару. Все-таки когда соперников много, то это... много.

Когда же оборотень, предварительно отдышавшись и осмотрев мелкие раны, что нанесли ератнички, заглянул под бузину, то не смог сдержать воя — там не было белесого тумана души.

— Где он? Бзёнек, ты же смотрел за ним? — зарычала волчица.

— Прости, я засмотрелся на тебя, воительница, — услышала она жалобный писк, но Мара уже взяла след.

«Вот каким был, таким и после смерти остался! Куда же его понесло? Ага, а он не один... С кем это он?» — мысли лихорадочно сменяли друг друга, и она чуть не пролетела мимо живописной парочки — душа ее батеньки тащилась по тропинке в обнимку с мужичком, на лице которого были видны все его грехи молодости: обрюзгшее лицо обрамляли свисающие щеки, нос сизый, глаза красные, оплывшие.

— Хорошую же ты себе кампанию нашел, отец! Что, при жизни не нагулялся? Мало тебя матушка венником гоняла? — Мара сейчас готова была припомнить отцу все прегрешения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От ее крика бадюлю [8] как ветром сдуло.

— А я... что... Доченька, вот... встретил хорошего человека... — при жизни она никогда не слышала, чтобы отец оправдывался, и от этого ее гнев начинал бурлить еще сильнее.

— Ты совсем очумел? При жизни всю душу матери вымотал своими гулянками! Так и теперь за старое! С бадюлей решил погулять — раньше ведь никак не получалось! А в Ирий ты собираешься или будешь призраком по белому свету шляться? Вот помер, а ума так и не набрался! Смотри, звезды уже стали гаснуть!

Мара и сама не заметила за дракой, что звезды стали покидать небосклон, и сейчас смысл сказанного только дошел до нее самой — нужно спешить.

— Все! Никаких отлучек! Хватайся за хвост и не отставай, а то останешься здесь на веки вечные! — и волк помчался на полдень.

Небо на восходе уже начало окрашиваться красным и только одинокая звезда тускло светила в вышине, когда они достигли холма с капищем, где горел неугасимый жнич.

— Все, батюшка, мне дальше нельзя. Дальше сам, — проговорила девушка, — прощай.

— Дочь, прости меня за все, — тон души был печален, — прости, что гневался на тебя...

— Не начинай снова, отец! Я тебя давно простила, — голос предательски дрожал, — и не я тебе судья. Тебе пора. Поспеш.

— Прощай...

— Прощай... Тебе надо пройти через огонь, отец. Прощай... — и не в силах обуздать чувства, волчица бросилась прочь.

..., а на небе погасла последняя звезда.

Примечания:

1 — Вовой в русских говорах Карелии назывался покойник, утопленник, являющийся во сне.

2 — Жнич, знич в мифологии и традициях литовцев и белорусов неугосимый священный огонь, также жрец, поддерживающий вечный огонь.

3 — Явь и Навь — у древних славян миры живых (Явь) и мертвых (Навь).

4 — Костомахи — по белорусскому фольклору встающие из могил покойники, сгнившие до костей.

5 — Бзёнек — согласно силезским суевериям, дух-охранитель в облике маленького человечка, живущего в кустах бузины.

6 — Богинки — в поверьях западных славян страшные природные демоны в облике уродливых старух или бледных девушек.

7 — Ератники — в белорусской и русской мифологии проклятые колдуны, обреченные после смерти возвращаться упырями, вредить людям или друг другу.

8 — Бадюля, бадзюля — в белорусской мифологии некий дух, склоняющий человека к бродяжничеству.

Даринка проснулась со слезами на глазах. Переживания прародительницы были непосильны для нее. Грудь сотрясало рыдание. Проводить душу родного человека, зная, что это навсегда... она бы не смогла ни за что. Даже несмотря на то, что ни мать, ни отец, в отличие от деда, до сих пор не подали и весточки, хотя она передавала им письма с дедом или с другой оказией. Нет, это было тяжело для нее. Желание спать дальше не было никакого поэтому девушка, набросив на плечи цветастый платок, в одной ночной рубаше и босиком, выбралась из общего дома и устроилась на ступеньках крыльца.

Ночь была холодной — все-таки на дворе началась осень, и растительность в лесу уже стала терять свою зелень. Но Даринка лишь поплотнее укуталась в платок и сидела, опираясь боком на резные перила и направив взор в сторону темнеющего леса, но не видя ничего, погрузившись в свои невеселые мысли. Поэтому она вздрогнула от испуга, больно ударившись головой, когда ей на плечи пал теплый кафтан.

— Пошто не спится, внученька? — спросила баба Ньюра.

— Сон дурной пришел, бабушка, — ответила та, поправляя кафтан.

— Дурной сон просто так не приходит. Давай выкладывай, что стряслось.

Какое-то мгновения Даринка обдумывала, что ответить старушке:

— Баба Ньюра, а мы, потомки Мары, должны сопровождать души покойников? — задала Даринка вопрос, который мучил ее.

— Ты о чем, внученька? — мягкий голос прабабки таил настороженность.

— Я узнала, что Мара провожала душу отца к жничу...

— Хм... Да, это тоже наша обязанность — сопровождать души умерших, — и к жничу, и до самых врат Нави. Мы есть проводники в мир мертвых, и никто не справится с этим делом без нас. Я знаю, что Мара так и не узнала, что происходит с душой, когда та проходит очищение жничем. Так вот, Даринка, как только ее касаются языки неугасимого пламени, душу на другой стороне встречает крылатый пес Семаргл — вестник и гонец Богов, и он проводит умершего в Ирий. Но порой нам приходится вести душу не к капищу, а к самим вратам Нави, чтобы душа невинного убиенного смогла покинуть Явь, ибо жнич не помощник ей, ибо нечего ему очищать.

— Баба, но ведь, когда родных... это же больно... — у молодой слезы стояли в глазах, — я... я не смогу...

— Прекрати слезы! А ты, милочка, хочешь, чтобы они неуспокоенными по белому свету шарахались? Чтобы навечно не знали покоя? — Даринка впервые услышала в ее голосе стальные нотки, но через мгновение старушка взяла более теплый тон, — ничего, ничего, это сейчас тебе страшно, а вот когда увидишь душу родного человека после смерти, тогда и поймешь все, а после и сможешь, и захочешь. Пойми же ты, дуреха, — мы их последняя надежда, ибо живые должны жить здесь, в Яви, а мертвые у себя, в Нави.

Но девушка в порыве чувств все-таки вскочила и, громко хлопнув дверьми, быстро, почти бегом вернулась в дом.

— Ничего, внученька. Мы все через это проходили — кто со слезами на глазах, а кто скрипя зубами, — проговорила старая женщина, когда осталась одна на крыльце.

Даринка же, побросав и кафтан, и платок в сених, буквально запрыгнула в свою постель и уткнулась в подушку. «Нет, не хочу!» — проносилось у нее в голове до тех пор, пока не

стали доходить до нее последние слова бабы Нюры. Перевернувшись на спину и пялясь в потолок, она попыталась вновь все взвесить, все обдумать, понять, как Мара смогла проводить своего отца... жнич очищает душу, которую встречает Семаргл и гасит звезду. Нет, это душа встречает Семаргла, который очищает жнич, который погасил звезду... и сама не заметила как погрузилась в сон.

***

Утром у Даринки настроение было уже более умиротворенное, и она попросила прощения у бабы Нюры, на что та расцеловала девушку.

Да и ежедневные мытарства под присмотром Дуная прошли как-то легче обыденного. Несмотря на начало увядания, лес казался Даринке ярким, красочным, интригующим, и преодоление очередной полосы препятствий из-за этого, возможно, проходило веселее что ли. А сегодня еще и постоянные взгляды влюбленного Бажая не нервировали, а придавали уверенности.

Стоило Бажая встретить на обеде несколько раз глазами с Даринкой, как он понял, что влюбился. Бесповоротно. Да, если еще вся родня, отец, мать, сестра, все уши прожужжали — смотри, говорят, какая деваха, как раз для тебя, говорят, всем хороша. Как тут не влюбиться, когда и красота, и скромность при ней да еще родственнички всячески разогревают твои чувства.

Избалованный мальчишка привык получать все, что ему нравится, и считал, что всего может добиться. Поэтому на следующий день Бажай встретил Даринку после изматывающей тренировки Дуная с букетом полевых цветов.

— Спасибо, — только и молвила Даринка, скрываясь в хате.

Не такого он ожидал, не такого. Обычно деревенские девицы млели только от его улыбки, а тут...

Бажай попробовал на семейном ужине поухаживать за девушкой. С улыбкой на лице передавал ей то соль, то хлеб, за что, конечно, получал в ответ улыбку вежливости.

Он видел, что молодая женщина прошла уже обряд инициации и вошла в стаю. Собственное посвящение в мужчины он с неохотой вспоминал. Но, когда Даринка попросила его рассказать об этом, он тут же поделился своим опытом. Но и это не произвело на избранницу никакого впечатления.

Даринка не знала как отвечать на ухаживания Бажая. Милый парень совсем не по душе был ей. Конечно, частенько он пытался доставить ей удовольствие своими ласковыми речами. Но все равно молодая волчица чувствовала себя рядом с ним неуютно и старалась всем своим видом показать это Бажаяю.

Прошло почти три месяца, уже зима вступила в свои законные права, когда Бажай решил отступить и вместе с семьей отправился на службу к новому лешему, что обустроивал свою чащу, стихийно возникшую вокруг Черного Озера, что в полуночной стороне от владений Егория.

А тем временем Ставры и Гавры уже вошли в пору отрочества, и Мара стала брать их с собой. Вместе они бродили по лесу, собирали ягоды и изгоняли нечисть под её присмотром. Ее наполняла гордость после таких вылазок — дети легко осваивались в лесу, понимали его правила и законы, не испытывая страха перед неизведанным.

Иногда Ставры и Гавры вели себя как сущие дети — смеялись и куролесили по лесам и горам. А что с них взять — дети они и есть дети. К тому же их непосредственность помогала до поры осознавать свои силы и мир вокруг, но была не к месту в зрелости. А здесь у родителя путь один — отучать, отучать, показывая, что мир не такой благосклонный, что силы природы не терпят небрежности и спрашивают со всех одинаково — дитяtko ты иль матерый.

В первый раз она повела их на серьезную охоту на косулю. То, что они поодиночке могли добыть зайца здесь ничего не значило, здесь требовалась работа команды, и сегодня они должны этому научиться. Косуля, конечно, не лось, и Мара сама бы смогла добыть какого-нибудь отбившегося от стада зверька. Но перед ней стоял вопрос обучения подростки способам совместной работы, и сегодня для успешной охоты потребуется взаимодействие всей их маленькой стаи.

Выследить стадо не составило труда и детям, и вот тройка волков во главе с матерой волчицей затаились на опушке леса, скрываясь в густой траве с подветренной стороны. Мара чувствовала волнение близнецов. Ставры, как горячий жеребец, готов был сорваться с места при малейшем предлоге. А Гавры как молодая самка пошла вся в мать — предпочитала сперва оценить обстановку, взвесить риски, молодец, доченька.

Мара сама осмотрелась, прикинула. Стадо маленькое: один взрослый самец с парой самок и молодежь с неокрепшим молодняком — общим числом двенадцать вкусных тушек. Матерая наметила в качестве цели молодую самочку, что слегка удалилась от своего стада — недалеко, но при стремительной атаке она не успеет вернуться к своим.

«Наша цель — самка слева. Гоним к лесу. Гавры — ты слева, я — в центре, а ты Ставры — справа и наносишь удар.»

«Мам, ну давай лучше вожака завалим.»

«Ребра лишние? Делай, что сказано! Вперед!»

Три серые тени молниями вылетели на поляну. Как и рассчитывала Мара, намеченная жертва мгновенно была отрезана от своего стада и оказалась обречена. Гавры справно придерживала свой бег, приоткрывая животному мнимый путь к спасению, Ставры же во всю мочь неся справа, опережая каждого на шаг и заходя вперед, готовя свой прыжок. Прежде, чем клыки сына вонзились в горло жертвы, мать уже прочувствовала железный привкус живительного теплого напитка жизни — крови.

На обратном пути мать сделала лишь пару незначительных замечаний детям, а в целом похвалив их за послушание. Лишь Ставры удостоился отдельного разговора.

— Сын, запомни раз и навсегда — бьем не то, что красивее, а то, что легче!

— Мама, ну, если бы вожака взяли бы... — начал оправдываться сынуля.

— То получили бы раны, которые могли бы стать либо смертельными, либо мы не смогли бы охотиться. Вожак бился бы ожесточенней молодого самца — он должен был бы доказать свое право быть вожаком, а это для них важнее смерти. Если он даст слаbinу и

убежит, то молодой да спесивый его тут же сместит с роли главаря и заберет право на самок. А если ты после этого выживешь, но не сможешь охотиться — ты такой же труп как и он — голод не тетка, милости не жди. Понял?

— Понял, мам...

— Да, не мамкай. Посмотри мне в глаза и скажи, — Мара пошла на хитрость, так как знала, что в противном случае ее сынок мог потом и отнекиваться.

— Да, я понял, — и слова, и глаза Ставры не солгали, и матери уже не стоило волноваться, что ее слова не дошли до него.

***

Дети становились самостоятельными, и у Мары появилось больше времени, которое она стала посвящать своей матери. Встреча с духом отца растревожила старую рану былой ссоры.

Волчица часто наблюдала с окраины села за бывшим родным домом, где жила вдова с младшей дочерью Агнешкой, сестрой Мары. Мара видела, как стала тяжела жизнь матушки без мужского плеча, как вдовья доля помогала старости портить красоту родного человека. Видела она и потуги Агнешки помочь матери, но куда там двенадцатилетней хрупкой девочке.

Так хотелось самой вернуться в старый дом и обнять матушку с сестричкой, но тут же приходило мрачное понимание невозможности такого поступка. В деревне и так постоянно толковали о неправильной «семье с окраины», что женщины порчены там. Ведь отец не зря тогда вспылал, прогоняя ее из дому — ему стоило огромного труда сосватать дочь так, чтобы и жених с семьей были согласны, и выкуп получить за бесприданницу из семьи с дурной репутацией. А, если явится она сейчас, спустя пять лет скитаний, когда все уже ее похоронили, то пересуды могут перейти к обвинениям в колдовстве с последующим полным отторжением и изгнанию из села. Порой Мара все-таки подкрадывалась к дому заглянуть в окошко или же принести зайцев.

Женщина видела, что у матери и сестры появились хахали. Матушка приветила одного вдовца, Мара знала его по своей прошлой жизни. Он схоронил жену, которая не пережила первых же родов. После этого он ни с кем не сходил, в одиночку поставив сына на ноги. Мара, конечно, проследила парочку раз за ним, не шляется ли налево, но ничего крамольного не заметила и осталась при своей доброй оценке матушкиного хахалы. Такой действительно станет оплотом семьи, и мать будет за ним как за каменной стеной.

А вот агнешкин женишок ой как не приглянулся женщине-волку. Он ей сразу же напомнил и своей внешностью, и своими повадками того, ради которого она рассорилась с семьей, не пожелав выходить замуж по указке отца. И женское чутье не подвело Мару, когда она проследила как Блуд после встречи с Агнешкой прямоком кинулся в объятие к Всемиле, известной на всю деревню блудницы.

Когда Мара увидела эту измену, перед ее глазами встала там проклятая сцена, когда на сеновале ее любимый тискал другую, произнося лилейные речи. Гнев вытеснил все разумные мысли из головы. Нет, она не позволит сестре пережить ту же горечь и то же унижение.

Голубки были слишком увлечены друг дружкой, чтобы вовремя заметить серую тень, просочившуюся в приоткрытые ворота овина. Серый зверь был молниеносен и безжалостен. Доля мгновения и юноша схватился за распоротое горло, беспомощно заваливаясь на спину. Доля мгновения и серая тень уже минула выход и бросилась вон из

селения. Она уже перемахнула ближайший плетень, когда вечерние сумерки разорвал запоздалый истошный вопль.

За ней была погоня. Но, что она ей, когда преследователи блуждали среди трех сосен и были сами перепуганы, а она знала все стежки-дорожки леса, который уже давно стал ей родным домом.

А на дворе собственного дома ее ждал сюрприз от близнецов — они встречали мать все перемазанные и исцарапанные. У Ставры было порвано правое ухо, и кровь заливала ворот рубахи. У Гавры рассечена губа, а под левым глазом уже наливался хороший такой фингал.

Мать аж ахнула от их вида и тут же направила в дом. Мара, пока гнала нерадивых детей, немного пришла в себя от неожиданности и своих приключений, так что смогла успокоить сбившееся дыхание и упорядочить бег шальных мыслей. Не слушая близнецов, она рывкнула, чтобы они замолчали и быстро умылись. Сама же приготовила полный таз воды, горшочки с зельями и пучки целебных трав.

Первым делом она сунула дочери примочку из зелья, чтобы та приложила к подбитому глазу. А следом отвесила отменный подзатыльник сыну.

— За что, мам? — виновато проскулил тот.

— Ты ведь был зачинщиком? Вот и получай награду!

— Прости...

Пока она возилась с ухом непутевого, Гавры стала рассказывать, что с ними приключилось.

Увидев, что мать покинула дом, близнецы на скорую руку завершили свои поручения и тайком, не сказавшись ни Кондрату, ни Вострухе, по обоюдному сговору бросились в лес до ближайшего ручья искупаться, а то очень их жара и пыль доконали. Там их уже ждали приключения, ибо на ручье они оказались не одни.

Пролезая через кусты, они заметили на противоположном берегу молодую, прекрасную, слегка бледную девушку, которая в одной нижней рубахе стирала свою одежду.

— Ух ты, какая красавица! — восхищенно прошептал Ставры.

Гавры от его тона так захотелось ударить братца — отчего-то было больно слышать это от него в адрес незнакомой женщины. Ведь он ничего такого не говорил ей, своей любимой, как он уверял, сестре. Гавры посмотрела на братца, и желание сделать больно стало еще сильнее — такой похотливый взгляд она не встречала даже на недавней ярмарке, где они побывали с матерью. Она и не подозревала, что он уже стал засматриваться на женские прелести.

— Ты что?! — возмутилась Гавры и сильнее заехала ему под ребра своим остреньким локотком. — Мать предупреждала нас о таких. Это скорее всего богинка.

— Тебе кажется, — упорствовал Ставры, — какая же это богинка — они ведь страшные старухи с отвисшими грудями и кривыми ногами. А эта вон какая красавица! — он подошел к девушке, перейдя ручеек вброд, которая жеманно отводила взгляд, и начал с ней разговаривать, — Она же совсем не опасная... Привет, милая.

В сознании Гавры боролись два совершенно разных, взаимоисключающих друг друга желания. Хотелось и обезопасить своего неразумного брата, но было и желание отомстить этому похотливому предателю за «милая», за «красавица», сказанные в честь незнакомки. Но все же добрая и верная сестренка пересилила ревнивую и мстительную девушку, и Гавры, слегка отвернувшись от милующейся парочки, сотрясла безмятежность лесного ручья волчьим воем.

О, таких метаморфоз дети еще не видели никогда! Девушка испуганно вскочила на, как оказалось, далеко не прекрасные кривые ноги. Опасливо озираясь, она не смогла контролировать себя и явила взору сконфуженного Ставры торчащие изо рта два огромных клыка. Лицо уже мало напоминало о былой красоте, а больше походило на обтянутый серо-зеленой кожей череп.

Брат потерял дар речи и способность хоть что-нибудь делать, лишь беспомощно махал руками перед собой, пятясь от уродливой старухи, пока не споткнулся и не шмякнулся в прибрежную лужу. Сестра же заливалась смехом.

Богинка, злобно зыркнув на девушку, превратилась в куницу и черной молнией скрылась в густом подлеске.

Все еще хохоча, Гавры помогла обалдевшему брату встать.

— Ну, кто был прав, любвеобильный ты мой брат?

— Ладно тебе, зануда, — произнес Ставры, весьма заметно краснея.

Вдоволь наплескавшись и порезвившись в прохладном ручье, близнецы обсохли на берегу и решили возвращаться домой окольной тропой, так как Гавры захотела посмотреть на каменные палатки на закате от родного двора, о которых рассказывали родители.

Идти туда оказалось совсем недолго, и, подходя к причудливым нагромождениям валунов различных форм и размеров, они слышали притягательные звуки флейт и пастушьих дудочек. Поискав источник музыки, они заметили на самой вершине палаток всполохи красного цвета, оттуда же и доносилась манящая мелодия.

Близнецы были очень удивлены и зачарованны. Красные всполохи были похожи на огонь, но откуда ему взяться посреди голых камней, и разве пламя могло так мелодично звучать?

Когда они находились где-то посреди подъема, в музыке стали различаться звуки сродни кошачьему мяуканью, искусно вплетенные в аккорды. От этого брат с сестрой лишь постарались быстрее достичь вершины.

Взобравшись выше, брат с сестрой различили бешено танцующих девушек... Среди них был только один парень, вид которого сразу не понравился Ставры — какая-то заостренная сверху голова с козлиной жиденькой бородкой. А девушки... девушки были прекрасны, но со спины были видны их внутренности, и все они, идя фуфелом, сливались в красную полосу, которую отроки и приняли за всполохи огня.

Услышав шорохи, часть мавок [1] — а это были именно они — разбежалась с испуганными возгласами и на вершине остались брат сестрой да пара девушек и парень.

— Красна девица, идем к нам! — позвал парень, обернувшись к Гавры.

— Она никуда не пойдет! — чуть ли не зарычал Ставры.

— Пойду! — воскликнула Гавры, увлекаемая в хоровод мавок. Ей так захотелось танцевать, а заодно и вернуть должок братцу за его ухлестывания на берегу ручья за богинкой.

Ставры со злобой наблюдал, как парень прикасается к его сестре. Он видел её улыбку, видел как она тает от чувственных ласок другого. Кровь прилила к голове юноши и выбивала заунывный набат в висках. Он нашел только один выход.

Серый хищник внезапным ветром рванул в разнузданный хоровод. Через мгновения Ставры уже дрался с парнем, пытаясь стряхнуть со спины пару отворенных девиц. Гавры же заходила в истеричном визге.

— Прекратите! Немедленно прекратите!

Но дерущихся ее крик уже не мог остановить, и, видя это, сама бросилась на помощь братцу.

— Да, хороши! Нечего сказать! — отчитывала Мара своих деток. — Ладно, хоть сами управились! Но ты, Гавры, как могла позабыть про мавок?! Они же увели бы тебя и ты уже зачарованная никогда бы не вернулась и стала бы одной из них!

— А ты, Ставры, все-таки правильно поступил, — продолжила она, чуть переведя дыхания и слегка успокоившись, — семья это всегда важнее любых обстоятельств. Вы оба наказаны. Завтра оба будете убирать в овине, а потом за вами прополка грядок.

— Ну, мааам... Может без грядок? — хором взмолились близняшки.

— Нет! Ставры, марш спать! А ты идешь со мной! — закончила мать, ткнув пальцем в сторону дочери.

Примечания:

1 — Мавки — в украинском и польском фольклоре лесные девы, живущие в карпатских лесах, пещерах и на горных пастбищах, обычно описываемые как "отворенные", то есть дырявые сзади. Мавки могут быть и мужского пола и тогда называются дитками.

Даринка вместе со Снежаной, Рогнедой да бабой Нюрой пряли и вели неспешный разговор о том да о сём.

После исхода Волибора с семейством их женская компания стала совсем маленькой, но более тесной. Баба Нюра, конечно же, была главным авторитетом, и, несмотря на свой возраст, главной заводилой. А вот они втроем, а когда как. Снежана была под стать своему имени — несколько холодной и высокомерной, — это всё пропадало, стоило только привлечь её внимание, и уже она становилась свойским человеком, готовым и подсказать, и объяснить, и поиздеваться. Рогнеда же была более спокойной, солидной. На её фоне даже баба Нюра порой казалась шаловливой девчонкой. Ну, а Даринка была самой младшей в этом кружочке, и порой тяготилась поучительно-снихождительным отношением остальных, но, с другой стороны, её никто не обижал, помогали чем могли, наставляли и берегли.

Вот и сейчас под мерный деловой шум прялок они весело обсуждали кандидатов в мужья Даринке, промывая им все косточки, тем самым вгоняя молодуху в краску, затрагивая размеры половых достоинств мужчин.

Даринка же пока ждала свою настоящую любовь. А она в это время стремительно приближалась к хате, где засели девушки.

Мужчина появился на дворе в медвежье шкуре, обагрённой кровью. Даринка первая его завидела и выскочила из дома. У ворот же Михолап и Лесьяр подхватили раненого прежде, чем он потерял сознание.

— Что застыли? Несите травы и лохань с водой! А вы заносите его в избу! — приказала баба Нюра. — Помоги мне, Даринка!

Баба Нюра вместе с внучкой уложили добра молодца на печь. Бабуля сняла медвежью шкуру. Под ней оказалась рубаша, порванная в нескольких местах. Сквозь прорези проглядывали раны, будто от укуса змеи. В кулаке парень сжимал золотые серьги.

— Видно, что-то не поделил с вужалкой [1], - задумчиво произнесла старушка.

Даринка же в это время рассматривала гостя. Аккуратные черты лица, волосы цвета солнца, широкая мужская грудь... Что-то всколыхнулось в ее памяти, какие-то струны в душе были задеты...

— Скоро оклемается, — баба Нюра, закончив лечение, вернулась к прялке вместе с другими.

— БабНюра, — голос Лесьяра был необычайно для него задумчив, — если он с вужалкой не поделил чего, а серьги при нём, то не стоит ли нам неприятностей из-за него ждать?

— Ты что, окаянный? Раненого хочешь за порог выставить? — твёрдости её голоса даже Дунай мог позавидовать.

— Что вы, бабНюра! — а он выдержал, — я к тому, что здесь могут в любой момент гадёньши [2] появиться, а мы к этому не готовы.

— И то правда. Давай, дуй за Дунаем да растолкуй ему, что случилось! Да и Михолапа с собой прихвати, — парни стрелами вылетели со двора.

Даринка же в это время присматривала за мужчиной — того лихорадило. И девушке приходилось прикладывать смоченную в воде тряпку к его лбу. Когда она потянулась к лохани, чтобы намочить ткань, гость очнулся.

— Как тебя зовут? — мягкий баритон обволакивал душу. Да и зелёные глаза мужчины завораживали.

— Даринка, — ответила девушка.

— Ярополк, — проговорил нежданный гость, и провалился в небытие.

Даринка лишь охнула и присела на лавку. Все сошлось и совпало, хотя она никак не могла в это поверить! Семь годин тому назад... милый друг Ярополк... Вот так с ним вновь повстречаться... Нет! Он не может умереть! Не сейчас, когда они вновь встретились.

Лишь Даринка не могла отойти от раненого несмотря на заверения бабы Нюры, ему не становилось легче. Отвары и мази всё не давали пользы, он также бредил и метался во сне — видать, яд гадюки уже смог далеко проникнуть через кровь. Она постоянно меняла ему повязки, освежала компрессы. Также приходилось буквально через силу вливать зелья, разжимая ножом зубы. Ей уже казалось, что не удастся выходить молодца, и слёзы вставали в глазах Даринки, так как полюбился он ей, ох, полюбился, еще тогда в детстве, хоть никто не знал этого, кроме ее самой.

Украдкой она рассматривала его могучее тело, украшенное внушительной мускулатурой. Как же он возмужал, каким красавцем стал. «Только живи, родненький. Всё сделаю, чтобы хворь твоя прошла».

Тем временем на дворе уже кипела работа. Лютогост, Радагор и Мормагон завалили ворота всем, что попало под руки. После этого Лютогост принялся варить смолу в двух огромных чанах. Радагор и Мормагон же принялись готовить колья и рогатины. Когда же Леснъяр и Михалап привели из леса Дуная, сразу же принялись обустроить посты вдоль стен. Бабы же всю таскали хворост и поленья.

Женщина лишь могла смотреть, как родня готовится к визиту непрошенных гостей, которые не заставили себя долго ждать.

Огромная тень закрыла солнце, и стало как на заре вечерней. То явился сам змеиный царь Сепс, что имел облик огромной змеи летучей — аспиды [3]. Морда его была похожа на псовую, но с птичьим громадным клювом, по краям которого выступали два хобота.

— Здравия вам, псы Егория! — его скрежещущий глас резал слух и проникал даже в избу.

— И вам не хворать, царь гадов, — Дунай разговаривал с ним, как с соседом треплются на завалинках в деревнях, — коль толковать примчался, то спускайся, а иначе шею уже ломит вверх заглядывать, да и от мельтешения крыльев в глазах рябит. Чай, не молод я уже.

— Так без приглашения я сегодня, сосед, да и толковать-то долго недосуг, — Сепс и не подумал спускаться. — Давай всё решим по-быстрому.

— Ну, давай, попробуем, коли торопишься.

— Стало мне известно, Дунай, что покрываешь ты обидчика дочурки моей. Выдай его мне, и я не обижу — вознагражу по-царски.

— Жаль ничем не могу помочь тебе, государь змеиный. Он гость в моем доме, притом бессильный и хворый.

— Не гневи меня, соседка! Он обманул, обокрал и избил мою ненаглядную Гориславу. Девица потеряла из-за него серьги, что матушка ей оставила, да честь её поругали.

— А ты не кипятись. То, что честь твоей дочурки поругана, мы и так все знаем, как и то, что случилась то давным-давно. А серьги, поди, и сама ему отдала да теперь врёт тебе с три короба.

— Не хочешь по-хорошему, старик, так будем силой неволить. Смотри, пожалеешь, да поздно будет, — змеиный царь перешел на крик, да и харкнул огнем, но промазал.

— Захочешь поговорить, — милости просим, а коль ломиться с ратью будешь, — за себя мы не отвечаем, — по голосу старого оборотня и не скажешь, что сейчас бойня начнётся.

А все к этому и шло.

Змеиный царь собрал всех своих подданных — гадов ползучих, ящериц, насекомых, птиц. У оборотней же вся надежда была на укрепления да на силу мощных лап.

Первыми на приступ попёрли гады ползучие — змеи, ящерицы, вараны, ласки да крысы. Мелких били Рогнеда со Снежаной, кого стрелой поразят, кого палицей. Крупные же доставались мужчинам. Радогор рогатиной припирал гадину к земле, а Лютогост и Михолап били её кольями. Мармагон же с Лесьяром бились поодиночке, а Дунай с бабой Нюрой следили, чтобы шурики на частокол не забрались, и поливали вражину горячей смолой.

Даринка же всё хлопотала над больным, который то выплывал из забытья и пытался встать с печи, то вновь погружался в бездну муки и начинал петь какие-то жуткие песни. Девушка сменила уже не один десяток примочек, три котла воды извела, но не видела ещё улучшений.

А на дворе становилось всё жарче. Видя, что гады ползучие с крысами да мышами не в состоянии проникнуть за ограду, Сепс послал своих летунов — ворон, мышей летучих да стрекоз. Вот стало тяжело заступникам, оставалось больше укрываться от пикирующей нечисти, но никак не отбиваться. Дед Дунай уже хотел указать укрываться всем в избе, да подмога пришла откуда и не ждали — будто разверзлись небеса, и хлынула волна соколов на противника, вмиг перебив супостатов.

Тут Даринка заприметила, что успокоился её хворый, тело ослабло, дрожь и судороги отпустили, да и сам он затих, видимо, погрузившись в настоящий здоровый сон.

Но рано оборотням было радоваться, ибо вражина в злости своей вновь пошёл на приступ, и снова гады ползучие, да числом поболее, чем прежде. Вот уже Радогор все рогатины извел и бился обломком последней. А вот Дунай последний чан смолы извел и схватил свой древний боевой топор. Но пока ещё удавалось держать частокол.

И снова помощь пришла со стороны, когда уже защитники думали отступить. С воинственным воем из чащи выступила чудовищная фигура лешего. Размахивая своими лапами-ветвями, он обрушился на гадов с тылу, сметая всех на своём пути и увлекая за собой волков, медведей, лосей, оленей. Ящуров били, кололи, поднимали на рога, топтали копытами, рвали на части могучими лапами и острыми зубами. Кровь окрасила и землю, и изгородь. Дунай с мужиками перемахнули сами через забор, рубя и коля направо и налево. Дрогнули твари и бросились удирать, кто по норам, кто по деревьям.

Но и это было не всё, ибо на бой вышел Сепс со своими потомками. Но не успели они взлететь, как раздался из леса трубный глас, и в ужасе сгнули они сквозь землю. А из леса с огромной трубой вышел всё ещё красный от потуги дед Козьма. Завидев его, Даринка совсем забыла о больном молодце и бросилась сломя голову навстречу, чтобы с приветственным визгом повиснуть на его ещё крепких плечах.

— И я рад тебя видеть целой и невредимой, внученька, — ласково сказал дед, освобождаясь от ее объятий.

Примечания:

1 — Вужалка — в белорусском фольклоре девушка-змея, дочь змеиного царя. Отличить такую змейку можно по обязательному атрибуту вужалок — золотым серьгам. Отсюда и

поверье, будто ужи с желтыми пятнами на голове — вужалки в своем змеином обличье. Считалось, что юноше, сумевшему добиться расположения Вужалки, она может открыть лесной скарб — несметные сокровища змей.

2 — Аспид — в христианстве, средневековых европейских бестиариях и в славянской мифологии крылатая змея, опустошающая земли. Сепс — растопляющий аспид: укушенный им погибает немедленно, так как все расплавляется в пасти этой змеи.

3 — Гады, гаденыши, ящур, шурики — нечистые, хтонические животные. В эту группу входили не только пресмыкающиеся, но и рыбы, и насекомые, а также ряд млекопитающих и птиц, имеющие по народным поверьям демоническое происхождение.

Уведя Гавры в дом, Мара глубоко вздохнула. Дочь выросла. Её тело постепенно наливалось, да и сама девочка уже становилась девушкой.

— Мам, что такое? — спросила Гавры, с беспокойством следя за лицом матери, которая в этот момент глубоко задумалась.

— Пора поговорить о делах женских, — выдала Мара, присаживаясь на скамейку и усаживая дочь рядом с собой, — ты взрослеешь.

— К чему это ты ведёшь?

— А ты разве сама не замечаешь, как меняется твое тело, как оно округляется? У тебя недавно были красные пятна на простыни. Почему мне не сказала?

— Я испугалась, мама! Думала, что умираю.

— Ты не умираешь, глупая, — произнесла Мара, глядя дочь по голове, — это твое цветение.

— А это опасно?

— Нет. Они показывают, что пришло твое время, что ты становишься взрослой. Если они перестанут идти, значит, ты ждешь ребенка.

— А пока идут эти месячные, я не могу забеременеть?

— Нет, милая. Но меня больше волнует другое — ты ревнуешь брата.

— Нет, мама, я не ревную! — Гавры слишком горячо начала оправдываться, и лицо её зарделось, — как я своего брата могу ревновать...

— Вот именно! Своего брата ты и ревнуешь. И я понимаю, почему это происходит, — Мара старалась не давить на дочь, — он близкий тебе человек, и ты не хочешь, чтобы он уделял внимание другим.

— Да... наверное, так и есть, мам...

— Вы постоянно вдвоем, доченька, ты привыкла, что ты единственная девушка в его жизни, но вы взрослеете, становитесь старше, и вам придётся искать себе пары на стороне. Ему нужно будет привезти в дом жену, а тебе стать хозяйкой...

— А это обязательно?

— Да, милая, таков закон природы.

— Да что это за закон такой, что не позволяет быть вместе брату с сестрой? — Гавры почти кричала. — Ведь мы же с ним не просто брат с сестрой, а близнецы! Да к тому же оборотни! Где ему найти такую же?! Мы же, вроде, как бы первые?..

— Успокойся, дорогая, — мать прекрасно чувствовала боль в словах дочери, — это закон продолжения рода, закон потомства. Чтобы у вас дети были здоровыми и сильными, нужно искать пары на стороне...

— А я не хочу! Кто сказал, что если мы станем мужем и женой, то дети будут чахлыми и болезненными? Ты можешь сказать, кто это проверял?

— Не кричи на меня!

— Прости... но почему мы не можем быть вместе всегда, а? — теперь Гавры больше напоминала обиженного ребёнка, нежели вспыльчивую девушку.

— Это традиции, милая! Им уже много сотен лет. И не стоит ими пренебрегать.

— Да кому нужны эти дрянные традиции, если они не дают быть вместе двум любящим людям!

— А ты Ставры спрашивала, любит ли он тебя?

— Я и так знаю, он же мой брат!

— Да, конечно, он любит тебя, как любит и меня, и Кондрата, но эта не та любовь, чтобы создавать семью! Он любит тебя, как любой брат любит свою сестру.

— Нет, мам, я знаю, что не так! — девушка вскочила и бросилась вон.

Мара осталась одна. Её разъедала тревога за детей. Разговор с дочерью явно прошёл не так, как мать хотела. Она знала, что права, но также знала и примеры, когда брат брал в жёны сестру — их было множество в сказаниях предков, и зачастую они были прародителями рода или же целого народа. Голова шла кругом от всей этой путаницы. Ей нужна помощь. Хорошо будет, если Кондрат поговорит с сыном, и чем скорее, тем лучше, пока волчата не сотворили глупостей.

Гавры подошла к двери горницы, где была их комната со Ставры. В её груди всё клокотало. Ей было непонятно, почему её любимая мать противится этим чувствам, противится тому, что девушке казалось таким естественным — она с братом, с человеком, который её знает с пелёнок, который думает так же, ощущает так же, который, в конце концов, такой же чудной, такой же волк-оборотень.

Она уже готова была отворить дверь, когда до неё донеслись мужские голоса. В горнице разговаривали двое, и вскоре она их признала как брата и отца. Гавры решила не прерывать их беседы, а постараться выведать, что думает братец, и затаилась возле двери.

— Да, сын мой, Явь знает счастливые истории семейных пар близнецов, — голос отца был сух, как и его облик, — но гораздо больше случаев их трагедий.

«Значит, и Ставры думает также» — от этой мысли сердце чуть не выпрыгнуло из её груди.

— Но они есть, — упорствовал Ставры.

— Да, есть. А хочешь, я тебе расскажу самую страшную историю близнецов? Она тебя наверняка заинтересует, — настаивал отец.

— Давай, попробуем, но не думаю, что она изменит моё мнение, — в свою очередь, и сын оставался таким же твёрдым.

— Посмотрим, посмотрим... — чуть помолчав, собираясь с мыслями, Кондрат продолжил: — В одной очень далёкой южной стране жил да поживал правитель-воевода Твердята. Он мудро правил и отважно воевал. Народ его любил и уважал.

Твердята был женат на прекрасной Нежане, что была ярче солнца и нежнее луны. У них был сын Святополк, прекрасный собой, гордый и воинственный, который уже скоро должен был перешагнуть прядь воина. А Нежана вновь понесла, и в установленный срок разродилась прекрасной двойней — мальчиком, которого назвали Орликом, и девочкой, которой дали имя Неждана.

Время шло, страна Твердяты процветала, дети росли. Старший Святополк рос воинственным и горячим в гневе, и Твердята определил, что ему по плечу будет воинская доля, назначив ему учителей из славнейших воинов. А когда тот перешагнул порог воина, определил его на дальнюю заставу, чтобы опыта да мудрости воинских набирался. Орлик показал себя рассудительным и справедливым, из-за чего отец повелел ему унаследовать правление, а не его старшему брату, и учителей приставил из мужей учённых. А Неждана росла красивой и кроткой, как подобает благородным девам, и становилась завидной невестой для правителей всех земель.

Все были довольны, а Твердята с супружницей просто нарадоваться на детей своих не

могли.

Но обижен был Святополк, ибо считал, что по праву старшего и сильного должен он править страной по кончине отца, но смирился пока с родительской волею.

Долго ли коротко, но пришло время Твердые и Неждане покинуть Явь и отправиться к праотцам. По кончине родителей братья выполнили волю отцову: Святополк стал воеводой государевым, а Орлик стал страной править да народ судить. Неждана созвала пир и объявила, что выйдет замуж за того, кто сорвёт платочек, её рукою вышитый, что прибит будет на маковке самой высокой башни.

Многие принцы и цари пытались выполнить сие задание, но никто не мог добраться до заветного приза. Лишь последний молодец ударился оземь да взвился орлом могучим, сорвал платок и улетел прочь. То был Орлик, ибо с самого детства он был учёно оборачиваться кем угодно, и очень сильно любил свою сестру. Но до поры до времени хранил тот платок втайне от всех.

Страна та продолжала процветать, а народ любил своего правителя и его брата и сестру. Орлик справедливо правил да судил, Святополк охранял границы государевы да чужие земли лихо присоединял. А Неждана просто пленяла всех своею красотой.

Через короткое время Орлик предъявил свой приз Неждане и рассказал о своих чувствах. Оказалось, что их чувства взаимны, и спустя год они сыграли свадьбу.

После того жизнь страны нарушилась, ушло благоденствие, пропала военная удача. Засуху сменял потоп, урожай гиб прямо на полях. Пришли страшные болезни, косящие всех без разбору: сытого и голодного, сильного и слабого, землепашца и купца.

У молодых правителей дети рождались хилыми да немощными, и не доживали и до срока наречения.

Народ стал роптать, указывая, что беды все от свадьбы несправедливой, не по законам людским сыгранной.

Орлик сам был в печали, и от потери детей, и от бед государевых: запасы его таяли на глазах, и нельзя было более кормить бедных да спасать обездоленных.

Святополк же вспомнил свою обиду на брата младшего, считая, что не по праву обошёл он его, и возглавил бунт черни против родича своего. Повёл он толпы на дворец и сверг брата с престола, после чего подверг его казни лютой: содрал с него живого кожу, а потом разрубил тело на малые части. Неждана, узнав об этом, бросилась с высоких скал в бурное море, и пучина в мгновение ока поглотила ее.

Святополк же после убийства брата разбросал его части над страной. Где упала кожа Орлика, там ныне степь бескрайняя. Где пали ноги и руки, там теперь горы неприступные. Где пала голова, там отныне море бушует. А про Неждану говорят, что стала она русалкой, владычицей морскою.

Но недолго Святополк правил умирающей страной, которую разъедала ненависть, страх и предательство, — умер он от руки супостата, задушившей его во сне.

— Вот, сын, тебе наглядный пример, — завершил леший.

— Он мне не кажется таким, батя, — Ставры был удивлён историей, но явно вынес из нее что-то своё, — он мало походит на нас с сестрой.

— Ставры, но ведь... — начал было Кондрат, но сын его прервал:

— Извини, отец, но я тебе внимал, теперь твоя очередь слушать не перебивая, — Ставры чуть отдышался и продолжил:

— Во-первых, нас всего двое, а не трое, как в этой легенде. Во-вторых, батя, мы не

собираемся править ни страной, ни царством, ни государством. А, в-третьих, самое главное отличие — они люди, а мы нет. Мы не люди, у которых не принято, когда брат берёт в жены сестру, но мы и не волки, у которых кого брать в жёны лишь вопрос силы, мы — оборотни! Вы сами с матерью говорите, что с нас пойдет род оборотней, род волколаков. А как он пойдет? Сосватаете нам такую же парочку волколаков? Да где же вы возьмете эту парочку, если мы первые, а? Я, конечно, уважаю традиции, но, по-моему, сейчас именно та ситуация, когда нужно уйти от традиции, тебе не кажется, отец?

В комнате повисла напряжённая тишина, которую Гавры физически ощущала даже здесь, стоя за закрытой дверью. Потом донеслись тихие, но уверенные шаги, приближавшиеся к двери.

— Возможно, сын, ты и прав сейчас, но тебе стоит ещё раз все обдумать, ибо не только за себя ты сейчас решаешь, не только, — произнес Кондрат и открыл дверь. А стоя на пороге еще добавил:

— Это всё влияет на весь наш род, — и вышел во двор.

Гавры стояла перед дверью ни жива ни мертва. Она не знала, как расценивать услышанное. С одной стороны, брат любил её, дорожил ею и желал связать свою жизнь с ней, и от этого она готова была петь. Но, с другой стороны, его любовь очень походила на холодное, осознанное с учёным хладнокровием стремление к продлению рода, а это с безжалостностью кнута рассекало душу. Не зная, как ей к этому относиться и что предпринять, девушка простояла перед дверью до тех пор, пока не услышала мерное похрапывание брата, и быстро пробралась в свою постель.

Мару разъедало беспокойство за детей. Вспомнив о подруге, она решила посоветоваться с соседкой. У Арысь тоже ведь близнецы. Разница в том, что у Арысь — два брата-близнеца, а не брат с сестрой.

— Подружка, что с тобой? — с беспокойством спросила Арысь, увидев, что Мара появилась на пороге её хаты бела как мел.

— Детишки постарались, — ответила Мара, присаживаясь на лавку.

— Что с ними?

— Кажется, что они любят друг друга.

— Да что ты говоришь! — страдальчески воскликнула Арысь, — они ведь это не серьезно, они ведь брат и сестра и должны любить друг дружку... близнецам иначе никак, — затараторила она, но видя, что подруга лишь мотает головой, сдалась, — не может этого быть!

— Может, может, — проговорила Мара, — я не знаю, что мне делать, Арысь.

— Сначала успокойся, милая, — ласково произнесла подруга, — всё будет хорошо.

Кондрат что говорит-то?

— Я с ним ещё не гуторила. Он поговорил с сыном, я — с дочерью.

— И каков итог?

— Они любят друг друга, понимаешь!

В горнице повисла тишина. Увы, Арысь ничем не могла помочь волчице. Ситуация была не из простых.

Даринка распахнула глаза. Было раннее утро — в хате все ещё спали. Девушка всё пыталась отойти от своего сна, когда в дверь постучали.

Стук был громким и чётким. Даринка поспешила открыть, пока незванный гость всех не перебудил. На пороге стоял дед Козьма.

— Здравствуй, деда, — тихо приветствовала она гостя. — Что так рано?

— И тебе не хворать, внучка, — знакомый с детства голос ласкал слух, — много не спится мне старому, да с тобой хотел потолковать.

— Что-то случилась? Что-то с родителями? — лёгкий испуг Даринки не мог укрыться от Старейшины деревни.

— Нет, Даринка, всё хорошо, хвала духам и предкам, — попытался он её успокоить. — Посчитал, что самое время ответить на вопросы, которые мучают тебя.

— Хорошо, деда. Может, я чайку поставлю? — предложила Даринка, кутаясь в платок. — Да, что это, проходи скорее — негоже на пороге беседу вести!

— Твоя правда, внучка, — слегка усмехнулся Козьма и прошёл за печь.

Пока Даринка разжигала огонь, ставила воду и заваривала чай, дед Козьма молча уминал оставшуюся с вечера холодную крольчатину. Когда же на столе очутились две дымящиеся пузатые чашки с ароматным, пахнущим лесными травами и ягодами напитком, разговор возобновился.

— Так о чём ты хотел поведать, деда?

— Даринка, моя матушка сказала мне, что тебя мучают некоторые вопросы о тебе, о роде нашем, обо всём, что происходит, — ответил Козьма, осторожно разламывая сухарь, — и я готов ответить на многие из них, если не на все.

— Да, есть такие, — задумчиво отвечала девушка, — но я даже не знаю, с чего начать.

— Ну уж выбери, — ухмыляясь в седую бороду, ответил дед.

— Что ж... Расскажи мне тогда о себе, почему ты не стал оборотнем, как твои предки, почему же ты остался в людском поселении и стал Старейшиной.

— Хм... Хороший вопрос, да история долгая. Пожалуй, с этого и стоит начать, — тихо отвечал Козьма, — ты ведь уже знаешь историю нашего рода?

Даринка лишь согласно кивнула, не желая перебивать любимого деда.

— Да, наши предки с времён Мары имели этот дар, это проклятие — оборотничество. Каждому суденицы на третий день приходили и плели судьбу волколаков. Все мои родители и их родители, мои братья и сёстры, племянники и племянницы были волками-оборотнями.

— А оборотничество с рождения? Почему же я тогда ничего не знала? — не удержалась девушка.

— Оборотничество, да, с рождения, но проявляется оно только со временем, когда человек становится совершеннолетним. Поэтому ни ты, ни твои родители, ни другие родственники, кроме меня, не догадывались о твоих способностях.

— А почему же ты знал? — Даринка никак не могла удержаться, чтобы не забежать вперёд.

— Не торопись, я всё расскажу, — улыбнулся Козьма.

— Так и к твоей прабабке Нюре на третий день пришли суденицы, — чуть промедлив, продолжил он, — но каково было удивление моей матушки, когда они сплели мою судьбу,

по которой выходило, что не стану я оборотнем, но буду велик в другом ремесле. Также поведали, что грозить мне будет смерть от немочи в семилетнем возрасте, но я выживу и стану другим. Много слёз в тот день выплакала мать моя, но всё же смирилась.

До семи лет я и вправду рос наравне со своими младшими родичами, но, как поведали суденицы, через месяц после седьмого дня рождения чуть не свалила меня страшная болезнь. В то время гостила на нашем дворе бомка, а я, как и многие мои ровесники, рос большим сорванцом — любил пошалить да побузить. Вот как-то раз брат мой старший подговорил меня сделать пакость одну. Я взял и изловил крысу покрупнее да засунул её в суму бомки. Сама понимаешь, как она осерчала, когда, сунув руку, она получила укус разъярённого гада. К тому же крыса сгрызла некоторые запасы её трав и пару грамот берестяных. И наложила она на меня за то проклятие, наслала горячку, что свалила меня с ног на целый год. Мать говорила, что целыми днями я метался в горячем бреду, крича от ужаса и разговаривая не своим голосом.

— Как же ты, деда, пережил такое? — серо-голубые глаза Даринки были широко раскрыты от удивления и ужаса.

— Моя матушка, то есть твоя прабабка всё время была рядом со мной: потчевала меня отварами целебными, читала заговоры на жизнь и здоровье. Совсем с лица спала от тех бдений. Также наш леший Егорий помогал ей травами да снадобьями. И вот к концу года я впервые смог встать с лавки.

— И что стало с тобой? — голос у девушки слегка дрожал, выдавая волнения и любопытство.

— Не спеши, торопыга! — снова ухмыльнулся дед и подмигнул левым глазом. — Я ведь здесь, перед тобой, стало быть, жив остался. А дальше снова смог я жить как сверстники: бегать да скакать, баловать да шишки набивать. Но со временем стал я замечать, что могу видеть то, чего другие не видят, слышать то, чего другие не слышат, уразуметь то, что другие не разумеют. О том поведал я матушке.

— Что же ты стал видеть?

— Опять вперед батьки? — Козьма с трудом удержал смех.

— Прости, деда, я слушаю, — робко опустила глаза Даринка, но их прервал стон с постели Ярополка, и она кинулась к больному.

Пока девушка отсутствовала, Козьма сам налил себе вторую чашку чая и принялся пить его вприкуску с кренделями, что макал в стоящую на столе крынку со сметаной.

— Третий день глаза не открывает, — посетовала вернувшаяся девушка, — не знаю, поправиться ли, помрёт ли.

— Не переживай, оклемается твой Ярополк — парень он крепкий, — чуть подумав, заверил её дед, а она лишь смущенно зарделась. — Да не скроешь от меня, что глянулся он тебе, хоть и не поговорили ещё.

— Да, деда, глянулся...

— Ладно, о нём позже потолкуем, а то я свою историю никогда не закончу, — и он вновь отхлебнул чаю, — так вот, рассказал я матери, а она отвела меня к Егорию и оставила у него на месяц. Егорий долго смотрел меня, выпрашивал да показывал, а после объявил мне и матушке, что не быть мне оборотнем, а слыть мне ведуном, знать травы да снадобья как никто в Яви, ведать мне о событиях случившихся и еще не случившихся, если буду я его учеником три года. Погоревали мы с матерью, но согласились с сим вердиктом лешего. И жил я у него три года, да учился я уму разуму, понимать тайны природы, различать скрытое

и другим премудростям.

— То есть ты, деда, стал видеть не только настоящее, но также былое и грядущее?

— Вроде того, но не всё. Всего увидеть человеку не под силу, да и духам этого не дано.

Лишь предки могут поведать обо всём прошлом, а грядущее и от них скрыто.

— Так ты знал, что произойдёт со мной, или же нет?

— И да, и нет. Я знал, кем ты станешь, что дар оборотничества вернётся в наш род через тебя, но неведомо, как и когда это произойдет. Прошу, внучка, не вини меня за случившееся с тобой, я был лишь слепой рукой судьбы, направляющей тебя на путь предназначенный.

— А почему же всё именно так произошло?

— Просто так сложилось, — отвечал Козьма, всё так же попивая чай. — Я хотел в день твоего совершеннолетия отвести к прабабке, но вмещались эти окаянные кочевники со своим набегом, что сбили все замыслы. Из-за этого ты и вынуждена была пройти через этот кошмарный обряд инициации...

— Дедушка, всё в порядке, — остановила его внучка. — Расскажи лучше, как с Егорием ладить.

— С Егорием... С Егорием, лешим нашим ладить несложно, — невесело ухмыльнулся дед, — только будь с ним ласкова да учтива, и будет всё хорошо — он мужик незлой.

— Ты с ним дружен?

— Скажешь тоже... дружен! С лешим главное врагами не стать, а дружен ли, сложно сказать. Он ведь владыка леса, его хозяин. Невозможно стать его другом, а можно лишь быть его соратником или слугой. Вот и выбирай, кем ты хочешь быть для него: выполнять его приказы или вместе творить одно дело.

— Ты сватаешь мне Егория, дед?

— Что ты, милая! Какой из меня сват, ты что! Так или иначе, тебе придётся иметь с ним дело, и, будь добра, сама решай как — я тебе не советчик.

— Но ты же знаешь будущее, деда!

— Я знаю, что оно будет у тебя бурным и насыщенным, что много мужчин будет в нём, но кто, когда и кем, уволь меня, — невдомёк то.

На время за столом повисла тишина. Дед Козьма молча теребил свою бороду, а Даринка, поигрывая прядью светло-русых волос, устремила взор своих серых глаз в высь голубого неба за окном.

— А Ярополк твой выживет, вот увидишь, — неожиданно возобновил дед Козьма прерванный разговор. — Сил у него предостаточно, иначе не быть ему шаманом.

— О чём ты, деда?

— Помнишь, как давеча на подмогу вам соколы успели? То его дело, всё, что мог сделать тогда. Будь здоров, и больше помог.

— А ты его знаешь?

— Пару раз встречались на ярмарке... Ты что, Даринка! Я же тебе такое о себе рассказал, а ты всё справляешься, откуда знаю. Вот, в полдень ему дашь, и на закате, — сказал дед, выставляя две склянки на стол. — А этим, — достал он из своей сумы горшочек побольше да поувесистей, — натрёшь ночью его. К утру, глядишь, уже и очнётся.

Сутра близнецы отправились отбывать свою провинность. Для начала им предстояло навести порядок в овине, подготовив место для новой закладки снопов. Работа была достаточно утомительной: вытащить пригодные снопы, обмолотить их, солому заправить на сеновал, зерно же провеять и закрыть, а после подготовить освободившееся место для новой закладки, проверить, не появилась ли сырость, грозящая погубить урожай. Но запах колосьев, ещё таких свежих и источающих дух полей, дразнил ноздри и кружил голову. Брат с сестрой справно выполняли материнское поручение, не забывая о веселье — из овина постоянно доносился их задорный смех.

Солнце уже высоко поднялось над лесом, и ребята решили прерваться, чтобы слегка перевести дух да подкрепить силы припасёнными матерью молоком с краюхой хлеба. Расположившись на сеновале, Ставры и Гавры принялись за лёгкую трапезу. Гавры в какой-то миг задумалась, молча пережёвывая хлеб с холодной зайчатиной и теребя выбившуюся из-под косынки черную, как вороново крыло, прядку.

— Эй, сестричка, — окликнул её Ставры, — о чём грустишь?

— Так... — почти нехотя начала та свой ответ, — мысль меня одна гложет...

— Что, все так серьёзно? — почему-то брат не мог разделить с сестрой её настроения — широко улыбаясь, едва сдерживая смехок. — Да что с тобой? Смотри, как всё прекрасно...

— Ставры, можешь дать мне ответ? Только прошу, будь серьёзным.

— Всё что угодно для милой сестрёнки.

— Ставры... — начала она, но тут же запнулась, — ты находишь меня красивой... привлекательной? — наконец продолжила девушка.

— Что за вопрос? Конечно, ты красивее всех, разве что матушка может быть краше тебя...

— Нет, не то, братец! Я тебя спрашиваю, могу ли быть привлекательной для тебя как женщина? — жарко спросила она и подняла взгляд своих серо-зелённых глаз на него.

— Что? — брат тщетно пытался воспринимать её слова серьёзно, но у него не получалось. — Конечно, нет! Ты же моя сестра.

— Как? Ты ведь отцу говорил совершенно другое! — её очи готовы были спалить его.

— Успокойся, глупая. Я ведь пошутил, — засмеялся он.

Это была огромнейшая ошибка. Девушка набросилась на него с кулаками. От такого необузданного порыва Ставры повалился на спину, увлекая сестру за собой.

В одно мгновение их лица оказались слишком близко друг от друга... Её лицо казалось в этот миг из-за краски злости таким прекрасным и еще более привлекательным... На секунду они оба замерли, затаив дыхание, и их губы как-то неловко сами соприкоснулись, пропуская что-то неуловимое и незнакомое. Им хотелось повторить поцелуй, но уже настоящий, желанный и осознанный. Гавры приоткрыла свои тонкие губы...

— Дети! Вы закончили в овине уже? Быстро приступайте к прополке грядок, а то до ночи возиться будете! — вырвал из омута голос матери.

— Да, мам! Уже идём! — крикнул в ответ Ставры, резко отстраняя сестру.

Полоть грядки было скучным занятием. Аккуратно, чтобы не задеть будущий урожай, Ставры и Гавры работали. Выкорчёвывали сорняки, с трудом выдирая их из земли. Солнце уже клонилось к закату, и дети порядком устали.

— Я больше не могу, — простонала Гавры, роняя тяпку.

— Давай я сам закончу, а ты пока отдохнешь, — предложил Ставры. Хотя с него самого уже градом катился пот. Коричневая рубаша промокла вся.

Гавры неуверенно коснулась его губ своими, благодаря. Но парень тут же обнял её за талию и углубил поцелуй, вложив в него всю страсть и любовь. Испугавшись, что мать или отец могут их увидеть, девушка отстранилась первая. Расстелив ткань, она прилегла на землю, отдыхая. Ставры заканчивал прополку, не обращая ни на что внимания — поцелуй его вдохновил и придал новых сил.

***

Гавры с удовольствием наблюдала за рассветом. Потянувшись в открытое окно, она не заметила, что Ставры уже проснулся и наблюдает за ней.

Через белую сорочку просвечивал ореол грудей еще по-девичьи остреньких, и Ставры любовался хрупкой фигурой сестры. С лёгкостью преодолев небольшое расстояние, разделяющие их, парень напугал Гавры.

— Отпусти, дурак! — девушка пыталась вырваться из кольца его рук, но безуспешно, — Ставры, отстань от меня!

— Ты совсем не замечаешь, как манишь меня, — томно прошептал он ей на ушко, — что влечёшь меня.

— Пусти! — Гавры не сдавалась, но уже через мгновение оказалась на кровати, а Ставры навис сверху, — зачем ты это делаешь?

— Потому что я люблю тебя, — каждое слово сопровождалось поцелуем то в шею, то в ухо.

Парень поцеловал сестру в губы, и она перестала сопротивляться. Внутри обоих родилось желание гораздо большей близости. Белая сорочка Гавры оказалась на полу, а Ставры начал медленно спускаться к её животу, груди... сопровождая каждое своё действие поцелуем. Он уже ощущал возбуждение в паху, да и Гавры разжигала его страсть своими стонами. Отбросив уже ставшей ненужной одежду, парень раздвинул ноги девушки и лег на неё, сметая все преграды.

Она вскрикнула, когда мехирь уже полностью оказался в её лоне. Брат ласково целовал её, приглушая крики... Гавры расслабилась и отдалась своим ощущениям. Вдвоем они достигли сладостной грани, и мир взорвался яркими красками.

Гавры расположилась на груди Ставры, а он перебирал её волосы. Сейчас они были счастливы. Ведь теперь они стали одним целым. Но Гавры точил маленький червь сомнений, что это не по-настоящему, что это не навсегда.

***

Гавры тихо пробиралась на сеновал. Еле успев вырваться из цепких рук матери, она всё думала: придёт Ставры на встречу или нет. Она уже солгала родителям. Но сможет ли это сделать братец? А что, если он всё же испугается гнева родителей, что, если это для него только забава? Ответом ей стали руки, закрывшие глаза. Его руки.

— Ты опоздала, — прошептал Ставры.

— Мама хотела усадить меня за прялку, — пожаловалась Гавры, — еле смогла отвертеться.

— Идём, — он взял её за руку и, сделав небольшой проход в стоге сена, показал сестре их местечко. Там уже лежало расстеленное одеяло, — устраивайся удобно.

— Ставры, ты со мной только из-за продолжения рода? — спросила Гавры, когда он

начал медленно избавлять её от сарафана. Рука парня замерла над её грудью.

— Нет, глупышка, — ответил Ставры, — а ты, видимо, подслушивала.

— А ты этого в прошлый раз не понял? — и она игриво ткнула в его грудь своим кулачком.

Вскоре молодые люди уже хохотали вовсю. Ставры мучил сестру щекоткой, а она всё хотела как-нибудь вывернуться из его объятий. Гавры первая поцеловала его... и теперь парень перестал сдерживать свой порыв. Они освободились от одежды и рассматривали тело друг друга. Девушка нежила его живот, спускаясь все ниже и ниже, рукой уже касаясь лихаря. А он покрывал её соски поцелуями.

— Я хочу тебя, — всхлипнула Гавры. Она чувствовала жар в лоне и сдерживала себя из последних сил.

Ставры с радостью выполнил её желание, войдя в девушку. Она стонала и извивалась в его руках, а он ощущал себя на седьмом небе.

***

Мара с подозрением наблюдала, как каждый вечер то Ставры, то Гавры идут на свидания со своими половинками. Что-то не давало ей покоя. И женщина чувствовала, что дети что-то скрывают.

Кондрат старался всеми силами успокоить жену. Но это было не так просто. Лесные звери уже несколько раз были свидетелями шалости близнецов, и леший не знал, как реагировать на это. Он был уверен: дети переступили все запреты и теперь лишь наслаждаются друг другом. Как это было донести до супруги, как подать это, чтобы сохранить лад и покой в доме, чтобы никто не совершил непоправимого? Голова лешего шла кругом, так как он понимал, что запретами здесь ничего не поделаешь.

Очнулся добрый молодец, как и предсказывал дед Козьма. Даринка всю хлопотала вокруг Ярополка.

— Что тебя тревожит, красавица? — спросил мужчина, заглядывая в её глаза.

— Я боюсь лешего и хочу сбежать. Но в то же время боюсь потерять родню, — со вздохом ответила Даринка.

— Тогда давай сбежим. Вместе.

— Что ты! Ты ещё не оправился от укуса вужалки.

— Как только я стану на ноги, мы убежим. Нечего такой красоте в глуши чахнуть.

Ярополк быстро поправлялся благодаря заботе Даринки. За неделю девушка поведала ему о болезненном обряде инициации, о своих страхах. Словом, о многом. Мужчина настаивал на своём: им нужно убежать немедленно. Даринка была не против. Ночью она положила в суму свои скромные пожитки, собрала еды в дорогу. Ярополк ждал её в нескольких метрах от дома. Они скрылись в лесу, оставляя прошлое позади.

Ночной лес никогда не был тих, и сейчас воздух наполнялся шорохами и голосами, за деревьями и кустарниками порой мелькали чьи-то тени. Эта ночная возня тревожила Даринку: ей казалось, что Егорий уже знает об их побеге и выслал своих соглядатаев, а значит, их скоро схватят.

— Ярополк, мне страшно, — еле прошептала она.

— Всё хорошо, милая. Мы скоро будем у реки, и уже никто не сможет нас догнать, — его голос внушал ей уверенность.

Действительно, вскоре они увидели сквозь ряды сосен свинцово-серую ленту реки, а затем и вышли на её пологий берег. Переправились они вброд и решили сделать привал в ближайшей роще на поляне, сплошь заросшей папоротником, чтоб обсохнуть и передохнуть.

Даринка тщательно выжимала свой сарафан, когда заметила, что мужчина пристально наблюдает за ней, явно упиваясь её телом, очерченным мокрой одеждой. От его взгляда девушка смущённо зарделась и поспешно отвернулась в сторону, но буквально через мгновение она почувствовала кожей его дыхание и вздрогнула.

— Не бойся, это же я, — сильные руки развернули её, чтобы глаза утонули в его голубых озерах.

Губы сами раскрылись навстречу поцелую, в котором тут же и утонули. Мозолистые и при этом такие нежные руки обхватили её стан и прижали к могучему торсу. Её же ручки то беспомощно пытались оттолкнуть страстолюбца, то, наоборот, старались ещё крепче обнять.

Ярополк же полностью овладел ситуацией: его губы уже спускались вниз по шее, руки уже стянули с неё сарафан и приперли разгоряченное тело к ближайшему стволу дерева. Даринка же не сопротивлялась и полностью отдалась власти его и страсти, и когда он задрал её рубаху, сама обхватила его бедра ногами, чувствуя истому с погружением елдака в луно.

Вместе с её стоном поляну осветила вспышка молнии, и спустя миг, раскрывая хляби небесные, разнёсся раскат грома. Крупные ливневые капли стегали по телам, ускоряя ритм их движения и разгоняя волну блаженства. Прежде чем полностью утонуть в водовороте чувств и желаний, она увидела в зарослях приковывающий взор красный огонь цветка папоротника.

При следующей вспышке молнии она увидела под листьями цветущего папоротника

окровавленное тело Ярополка, и её стон сорвался на вопль отчаяния. Она очутилась прижатой к дереву жертвой Егория, чей человеческий лик с отвратительной неспешностью сменялся маской чудовища из её прежнего кошмара.

Даринка проснулась от собственного визга, вся мокрая от холодного пота.

Была ещё глубокая ночь. На соседних койках ворочались, видимо, потревоженные её шумом, Снежана и Рогнеда.

От ночного кошмара Даринку отвлек слабый голос, раздавшийся с лежанки: «Пить». Женщина набрала в ковш воды и поднесла к пересохшим губам Ярополка. Тот делал жадные глотки.

***

Весь её день прошёл в хлопотах возле больного, за которыми ужасный сон стал теряться в памяти, но нашёлся один обитатель общего дома, что смог заметить перемену настроения.

— Внученька, пойдем со мной, посидим на завалинке, — позвала баба Нюра, и Даринка послушно вышла вслед из дома.

— Что за тоска тебя съедает, милая? — спросила старушка проникновенным голосом.

— Всё хорошо, бабушка. Просто очень переживаю за здоровье нашего гостя, — попыталась уйти от разговора молодая.

— Ой ли? Не думаю, что забота может грызть твой разум и душу. Вижу, что всё гораздо серьезней. Уж мне-то ты можешь поведать о своих думах.

— Баба Нюра, я... — слова Даринке давались с трудом, — я боюсь. Я боюсь того, что может случиться.

— А есть повод для этих опасений? Что ты видела? Что слышала? Скажи, я помогу тебе.

— О, бабушка, не думаю, что сможете помочь мне. Это касается... — девушка запнулась и умолкла.

— Даринка, может и смогу, может и не смогу, но уж попытаюсь.

— Баба Нюра, я видела страшный сон и боюсь, что он вещий, ибо я видела то, чего ещё не было и не могло быть. Я видела смерть.

— Так... Давай рассказывай, — несмотря на мягкость, тон старшей не терпел возражений, и Даринка выдала весь свой ночной кошмар.

— Да уж, вижу, полюбился тебе соколик, — произнесла баба Нюра.

— Неужто это так заметно? — покраснела Даринка.

— Конечно, милая. Но, боюсь, ты вряд ли сможешь быть с ним.

— Почему же, бабушка? — голос её предательски задрожал.

— В твоём сне ты видела цветущий папоротник, что невозможно встретить просто так. Если кто найдёт цветок папоротника, то ему откроются несметные богатства и, возможно, секрет вечной жизни. Но кроме этого... — тут, баба Нюра запнулась, но продолжила: — ты видела его во время грозы, а также ты увидела истекающего кровью своего возлюбленного, а это уже его проклятие. Цветок папоротника всегда забирает чью-то жизнь. Он питается этим, и ничего с этим нельзя сделать.

— Но что это значит на самом деле? Что значит для меня? — молодуха почти перешла на крик.

— Внученька, не хочу быть чёрным вестником для тебя, но тебе придётся забыть о Ярополке, иначе схоронишь и его, и дитяток своих, и повезёт, если сама схоронишься.

— Я не хочу!!!

— Придётся! И ты не властна воспротивиться этому.

— Ну почему же?

— Да потому, милая, что ты уже человек-оборотень, волколак, одна из нас, и обратной дороги нет. Ты член стаи псов лешего, и у тебя есть только два пути: взять в мужья кого-то из стаи или стать женой лешего. Третий путь — это покинуть стаю, обрести свободу. Но эта свобода мнима, ибо придётся тебе примкнуть к другой стае, где будет свой владыка, свой леший.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А это обязательно разве? Ведь он не оборотень.

— А ты хочешь жить с людьми? Жить с теми, кто не знает твоей сущности? С теми, кто привык искоренять чуждое своему пониманию? Ты хочешь, чтобы твоих детей подняли на вилы? Этого ты хочешь?

— Нет, бабушка...

— Вот поэтому я говорю лишь о трёх путях.

— Но ведь живут же одинокие люди в лесу! Почему мы не сможем?

— Да потому, дурёха, что они либо служат хозяину леса, либо сильнее его, как моя дальняя родственница Баба Яга. И то, при своих умениях и силах, не перечит Егорию по пустякам. А кто у нас хозяин леса, а? То-то же.

— Бабушка, родненькая, я никак не могу выкинуть из головы ночь приношения меня в жертву. Меня это мучает.

— Даринка, сколько с той ночи времени-то утекло! Пора бы уже забыть. Успокойся, милая, больше боли не будет, — успокаивала баба Нюра. — Сама ведь уже понимаешь, что было то необходимо.

— Я боюсь встречи с лешим, — призналась молодая.

— Чего его бояться то? Чай, не покусает. Мужик он, конечно, суровый, но не лютый — ни одной жены своей не загубил.

— А много у него жён было, и что с ними стало?

— Четыре на моей памяти. Все, как на подбор, красавицы да разумницы. Он в них души не чаял, и они взаимностью отвечали. А что случилось? К сожалению, наш век недолог, и покинули они его, отправившись в Навь. Лишь одна из них погибла, провалившись лютой зимой в полынью. Всему он учил их и оберегал от напастей. Большинство баб в селеньях о таком муже лишь мечтать могут, а ты нос воротишь. Старое припоминаешь, хоть не зло то было. Лучше успокойся да присмотришь пристальней к нему — даром, что завтра на пиру у нас будет гостем званным.

— Бабушка, я же его не знаю совсем! А вдруг он не захочет брать меня в жёны?

— Ты бы лучше думала, что тебе делать с чувствами к доброму молодцу! — пожурила внучку баба Нюра.

Впервые за несколько месяцев счастья Гавры испугалась. Красных выделений уже не было целый месяц, но она боялась сказать об этом кому-нибудь. От внимательного взгляда матери было не скрыться, и Гавры всё чаще оставалась одна в комнате, сторонясь даже Ставры.

Однажды на семейном обеде девушка почувствовала себя ещё хуже. Её мутило от одного только вида даров леса, но она пыталась съесть хоть что-нибудь. За месяц она побледнела и все чаще чувствовала недомогание. Некогда чёрные как вороново крыло волосы потеряли свой блеск.

— Гавры, почему ты ничего не ешь? — спросила Мара, с беспокойством наблюдая за дочерью.

— Не хочется, — молвила девушка, — я хочу выйти на свежий воздух.

Ветер трепал сарафан Гавры. Её опять мутило. Набрав полную грудь воздуха, ей почти удалось избавиться от тошноты.

— Как давно у тебя нет месячных? — спросила Мара, выходя из дома, голосом, не сулящим ничего хорошего.

— Месяц, — ответила Гавры.

— И кто же отец? — продолжала допрашивать женщина, но дочь молчала, — Гавры, кто отец?!

Девушке стало вдруг так плохо, что она чуть не упала в обморок. Но ей помог Ставры — он поймал её, не дав коснуться земли.

— Мама, ей плохо! — произнес Ставры.

— Ставры, не вмешивайся! — сказала Мара. Вырвав дочь из рук сына, она встряхнула её за плечи: — Кто отец твоего ребёнка, паршивка?

— Мара, успокойся! — из дома буквально вылетел Кондрат. — Оставь их, идём в дом!

— Распутники! — напоследок всё-таки крикнула Мара, увлекаемая Кондратом в дом.

— Как ты, Гавры? — брат старался спрятать свою тревогу за уверенностью тона.

— Плохо, — чуть слышно ответила сестрица, — я очень боюсь, Ставры.

— Чего?

— Да всего! Я боюсь, что умру при родах. Я боюсь матушки. Я боюсь всего, что может случиться со мной и с тобой, — по щеке поползли слёзы.

— Давай, для начала я помогу добраться до комнаты...

— Нет! Я хочу побыть на свежем воздухе. Давай на завалинке посидим.

— Хорошо, только перестань реветь, — держа её под руку, подвёл к завалинке и помог устроиться поудобней. — Гавры, ты зря так боишься. Ты полностью здорова, и ничего не угрожает ни тебе, ни будущему ребёнку.

— Откуда ты знаешь? Не тебе рожать! — голос срывался на истерику. — Почему я с тобой связалась?

— Успокойся, сестрёнка. Ты сама прекрасно знаешь, что не могли мы поступить по-другому. И я пройду с тобой всё, что уготовано судьбой. И не страшись матушки, она сейчас сердчает, но или она отойдет и будет любить своего внука, или же мы уйдем.

— Мне страшно, — прошептала сестра братцу.

— Ничего, милая, мы справимся со всем, — Ставры обнял её.

Мара же не находила себе места: злющим зверем металась из угла в угол, не обращая внимания на призывы супруга успокоиться, воздух сотрясали ругательства. Она чувствовала, как её мир рушился, несмотря на все ее усилия.

— Подонки! Как они могли!

— Мара, может, у них и не было другого пути. Много ты знаешь волколаков в округе? Ведь они единственные на многие вёрсты, если не на свете люди-волки, — голос Кондрата оставался совершенно спокойным, невзирая на истерику жены.

— Всё равно! Не выгораживай! Это против воли предков!

— Успокойся, всё-таки это наши дети, и Гавры носит нашего внука.

— Мерзавка! Зачать от собственного брата! Совсем стыда лишилась! Гневить предков! Уму непостижимо!

— Да прекрати ты уже орать! — всё-таки леший не сдержался и повысил голос, но продолжил вновь спокойным тоном: — Откуда тебе знать, как поступили бы предки на их месте, если не сталкивались с таким случаем? Все твои предки люди, и могли выбирать из себе подобных. А Гавры подобных только ты да брат.

— Ты всегда их выгораживаешь! Может, хватить уже?! Смотри, к чему это привело! Всё, всё из-за тебя! — и Мара выскочила вон и бросилась в горницу близнецов, срывая дверь с петель.

— Так, паскудники! Как посмели вы! Бесстыдники!

— Мама, успокойся, — Ставры решил принять гнев матери на себя, — всё хорошо же...

— Хорошо? Да ты ополоумел, видать! Сестра носит его ребёнка, а он заявляет, что все хорошо!

— Да, она носит моего ребёнка. И что в этом такого, мам?

— А то, что это называется кровосмешение, мерзавец!

— Что? Из-за этого будущий ребёнок не твоим внуком будет, а мы не твоими детьми!

— Да как ты смеешь! — и Мара наотмашь ударила сына. — А ты, распутница, что молчишь? — тут же накинулась на дочь, которая забилась в дальний угол. — За братом хочешь отсидеться? — и вновь занесла руку для удара, но её перехватила сильная рука.

— Мам, прекрати! — голос сына обрёл стальную твёрдость. — Не трожь её!

— Распутники! — глаза матери готовы были испепелить Ставры. — Раз идёте наперекор, так ступайте прочь из моего дома!

— Ты нас прогоняешь, мам? — он не мог поверить своим ушам, хотя сам говорил сестре о таком исходе.

— Да, щенок! Чтобы к утру духу вашего здесь не было! — и вышла прочь.

В честь победы над змеиным царем в хате устроили пир. Конечно, не на весь мир, но вся семья собралась за столом. Стол ломился от яств и лакомств. Чашки наполняли кто чем: всем были предложены молоко и чай, квас и брага, а еще, по такому случаю, дед Дунай даже бочонок вина. Беспрестанно звучали шутки и смех. Каждый, кто бился, рассказывал свою версию событий, и порой возникали шутливые свары, когда кто-то был не согласен с отведённой ему ролью в битве.

Даринка поглядывала на Ярополка — тот с жадностью набрасывался на еду и вино. Он совсем недавно начал ходить, и девушка ему помогала. Сам мужчина всё больше помалкивал и разглядывал присутствующих.

— Я хочу поблагодарить всех участников сражения, — взял слово на правах вожака Дунай, — и отдельно тех, кто пришёл нам на помощь.

За столом одобрительно загудели.

— Да, без вас мы вряд ли справились, — продолжал глава оборотней, — Козьма, ты явился и принёс победу, — и поклонился в его сторону, — прими этот поклон от всех нас. И ты, Ярополк, прими нашу благодарность за свой вклад, ибо твои соколики сдержали второй приступ.

Веселье было в самом разгаре, когда в дверь постучали. Сначала один раз, потом второй — настойчивее.

— Посмотри, кого там к нам принесло, Даринка, — сказал дед Козьма.

Даринка сразу же направилась выполнять поручение. На пороге стоял леший, и девушка тут же отшатнулась. А Егорий вошёл в хату, поздоровался со всеми, поздравил с победой и уселся на отведённое ему место напротив Дуная.

— Дед Козьма, есть в доме тихое место? Мне с молодой переговорить надо, — произнес Егорий, как только утолил лёгкий голод.

— Есть такое место, — нараспев ответил Дунай вместо Козьмы, — вам лучше выйти в сени.

Егорий дал Даринке знак следовать за собой. Молодуха же, идя вслед за лешим, держалась от него на расстоянии. Всё ещё сильны были воспоминания об их первом знакомстве.

Леший украдкой исподлобья следил за девушкой. Его худшие опасения оправдались — та, кто предназначена ему в невесты, его боится. Это было видно и по её реакции на него, и по тому, как она старалась будто отгородиться от него.

Когда они вошли в сени, то напряжение между ними стало ощутимей. Егорий без зазрения совести разглядывал Даринку, она же упрямо смотрела в пол.

— Боишься меня? — спросил леший. Девушка кивнула. — Не нужно. Я тебя не обижу.

— Вы изнасиловали меня! — не сдержалась Даринка. — И требуете, чтобы я вас не боялась!

— Тише, красавица, — мягко урезонил её Егорий, — то был обряд. Я не мог действовать по-другому.

— Могли бы! — не унималась Даринка. — Но вы же меня напугали своей грубостью, своей страстью, своей несдержанностью!

Егорий сделал к ней шаг. Девушка потрясённо отступила, натолкнувшись на стену. Он

ласково коснулся её волос, успокаивая. Сократив расстояние между ними, леший несмело коснулся губ Даринки.

— Прошлое нужно оставлять в прошлом, — шёпотом произнес Егорий в её губы, которые непроизвольно открылись. Он воспользовался этим моментом, чтобы поцеловать: — Нужно жить настоящим.

Казалось, Даринка забыла, как дышать. Нежный почти невесомый поцелуй подарил радость и блаженство. Но стоило лешему заглянуть в её глаза, как она вспомнила Ярополка. Сейчас она видела его перед собой, а не Егория.

Красный след остался на щеке мужчины. Тот потрясённо прикоснулся пальцами к заболевшему месту.

— Красавица, ты забываешься, — угрожающий голос лешего пробирал до костей, — ты забыла, кто я такой? Напоминаю: я — хозяин всего, что находится в этом лесу, и тебя в том числе.

— Что-то вы какой-то несмелый повелитель сегодня, в прошлый раз вы были куда как смелее! — страх наполнил голос девушки ложной смелостью.

В зелёных глазах Егория появились недобрые огоньки. Он приготовился к прыжку как гепард, но в сенях появился Ярополк.

— Даринка, у тебя всё хорошо? — спросил добрый молодец, сверкнув глазами на лешего. — Он тебя не обидел?

— Мы ещё встретимся, — пообещал Егорий, смотря на соперника с пренебрежением. — А тебе, шаман, я дам один совет. Не лезь в чужие дела, иначе сам пострадаешь, — и вышел из дома, громко хлопнув дверью.

Даринка же так и осталась стоять, вжимаясь в стену.

— С тобой всё хорошо, милая? — чуть ближе подошёл к ней Ярополк.

— Я тебе не милая! — стала кричать девица на мужчину. — Что ты лезешь ко мне?

— Я не понимаю тебя, ведь ещё вчера ты мне улыбалась. Я думал, ты хочешь быть со мной, как тогда, в детстве... Помнишь?

— Тебе нельзя быть со мной! Тебе грозит смерть, я видела сон.

— К чертям твои сны! Мы будем вместе, желает этого твой леший или же нет!

— Убирайся, дурак! — с этими словами Даринка бросилась в женскую горницу.

Даринка лежала на кровати, молча уставившись в потолок, когда дверь едва слышно отворилась, и кто-то из женщин пробрался в комнату. Девушка не обратила внимания на вошедшую, но та сама заявила о себе.

— Даринка, что случилось? Почему Егорий и Ярополк покинули пир? — прозвучал обеспокоенный голос Рогнеды.

Даринка же лишь сильнее насупилась как ребенок и сложила руки на груди.

— Вы поссорились? Да? — не унималась сестра-оборотень.

Даринка лишь молча кивнула, а Рогнеда присела на краешек её кровати.

— Не страшно, милочка. Милые бранятся только тешатся, — задумчиво произнесла старшая.

— Но их ведь двое! — младшая не смогла сохранить молчание. — Один мой насильник, а другой умрёт, если будет со мной!

— Успокойся, Даринушка. Ты ведь сама уже сделала выбор.

— Выбор!!! Из двух зол выбрать большее?! Какой же это выбор?

— Егорий — не зло, и ты скоро это поймешь сама. Просто попробуй довериться ему,

хоть на капельку.

— Почему все вокруг защищают его? Что в нём такого, чего я не знаю?

— Этого тебе никто не сможет объяснить, это ты должна сама понять. Так что просто подпусти его поближе, и он сможет показать.

— Рогнеда, иди прочь. Мне нужно побыть одной, — устало проговорила Даринка.

— Конечно. Только не накручивая себя, прошу тебя, — и быстро встав, покинула горницу.

Даринка же снова осталась одна. Голова шла кругом от переживаний. Ей казалось, что судьба поступает с ней нечестно, что её любимый дедушка ей не говорит самого важного. А сердце билось в груди, не в силах сделать выбор. За своими переживаниями она и не заметила, как погрузилась в глубокий сон.

Гавры собирал мешок, когда вошёл отец.

— Дети, вы не обязаны уходить, — с порога обратился он, — со временем мать остынет.

— Нет, отец, — ответил сын, — мы не обязаны сейчас уходить, но ты ведь знаешь, что всё равно настанет время, когда нам придется покинуть этот дом.

— Твоя правда, сын. Но куда ты собираешься пойти?

— Не знаю, куда глаза глядят, хоть на край света.

— Позвольте хоть совет вам дать. Отправляйтесь вы на восход, в той стороне лежат владения моего брата Андрагаста, он с радостью примет вас и приютит. Да и вы сможете ему послужить: он говорит, что никак не может усмирить нечисть в своих владениях. Оберегай сестру свою, Гавры, или уже жену свою, заботься о ней и о её и своем ребенке. Ну, ни пуха, ни пера, дети, скатертью вам дорога, — он поочередно обнял близнецов и вышел вон.

Собравшись, близнецы вышли из горницы, чтобы попрощаться с матерью. Та лишь холодно бросила им: «Прощайте», — и они покинули родительский дом.

Ставры уверенно вышагивал впереди, Гавры же шла вослед. На её щеках блестели слезинки, но она не позволяла себе разреветься. Близнецы шли молча, да и лес вокруг был необычайно тих, лишь птицы в верхушках деревьев вели свои беседы. Дорога их лежала на восход, и Ставры надеялся до полуночи дойти до двора Арысь-поле, чтобы первую ночёвку провести все-таки под крышей, чтобы беременная сестра-супруга постепенно привыкала к невзгодам их дальнего пути.

Ко двору Арыси, подруги матери, проявлявшей к ним заботу, близнецы успели как раз вовремя, когда её муж Данко вышел закрывать ворота.

— Здравствуйте, гости нежданные, но милые, — приветствовал он путников, — проходите скорее. Что же забыли в наших краях на ночь глядя?

— Добрый вечер, дядя, — ответил за всех Ставры, а Гавры лишь склонила голову, — хотим проситься к вам на постой всего на одну ночь.

— Да, конечно. Но чую, что разговор предстоит не короткий, — с этими словами проводил он в дом.

В доме хозяйка быстро собрала на стол, причитая, что не след беременной ночью гулять по лесу, и усаживая гостей. Её же дети Будогост и Добромысл, уже рослые юноши, одноклассники путешественников, с которыми они проводили раньше столько времени, были необычайно рады.

В то время как близнецы подкреплялись с дороги, хозяева всё выспрашивали, как поживают родители, что дома. Брат с сестрой отвечали общими фразами, мол, всё хорошо, до поры уклоняясь от причины своего появления. Когда же со стола было убрано, слово взял Ставры и поведал о событиях последних двух месяцев, о беременности Гавры и своем исходе из-под родительского крова. Во время его рассказа Данко лишь мрачно смотрел в стол, братья в недоумении переводили взгляд то на гостей, то друг на друга, то на родителей. Лишь Арысь обеспокоенно вздыхала и охала, качая головой.

— Да, дети, натворили вы делов, да не мне вас судить, — сокрушённо проговорила она, когда Ставры закончил повествование, — можете оставаться сколько угодно, здесь все вам рады.

— Спасибо, тётушка, но мы надолго не задержимся и завтра с утренней росой отправимся дальше, — отвечал ей сын подруги.

— Да куда же вы пойдёте? Да и Гавры в положении!

— Отец посоветовал отправиться к его брату Андрагасту, к нему мы и отправляемся. А за сестру мою вы не переживайте: она сильнее, чем кажется, да и я о ней позабочусь.

— Воля ваша, но позвольте хоть Будогосту и Добромыслу вас проводить до края леса.

— С удовольствием примем их помощь, — отвечал Ставры, а братья обрадованно переглянулись.

— Ну, ладно, на том и порешим. А теперь вам пора спать — смотри, Гавры совсем носом клюёт. Постель я вам уже приготовила, так что марш.

Путь до края леса в компании братьев-рысей был лёгок: их помощь была не оценима и в пути, когда они несли припасы, которыми снабдила их в дорогу Арысь-поле, да отгоняли нежить, и на привале, когда ловко обустраивали маленький лагерь. Ставры лишь несколько раздражали их расспросы о том, каково быть с женщиной; но он терпел их порой скабрёзные вопросы, стараясь отвечать, не задевая чести сестры. Новсёхорошее всегда заканчивается, и спустя трое суток, когда маленький отряд достиг окраины леса Кондрата, после короткого привала Будогост и Добромysl отправились в обратный путь до дому, пожелав Ставры и Гавры счастливого пути.

***

Мара уже третий день не могла успокоиться. Мало того, что дети пошли против всех запретов в своей похоти, так ещё нагло держался Ставры при последнем разговоре, и, более того, посмели уйти из дому. Да, она сама велела им выметаться, но ждала, что они повинятся перед ней и останутся, а они собрали нехитрые пожитки и ушли.

Теперь они шли на восход, всё дальше удаляясь от родительского очага. Ей ничего не стоило их выследить, но как же она могла их вернуть, что она им скажет? Как переломить их гордость и упрямство? Мара не могла найти ответов на эти вопросы и вымещала свою злость на нежити. Дошло до того, что даже бескуды, заслышав о её приближении, пускались наутек, не горя желанием принимать бой.

И сейчас волчица металась по лесу, ища возможность хоть на миг заглушить ноющую боль в груди. Лапы вынесли её на заболоченную поляну. Вынесли и застыли. Посреди болота возвышался силуэт высокой женской фигуры в чёрном дранном плаще. Мара сразу догадалась, кто перед ней, а фигура лишь убедила её в правоте, когда стала озираться по сторонам, усилено вдыхая воздух, вынюхивая нежданного гостя.

В иной раз, завидев лихо одноглазое, оборотень бросился бы в бегство, не имея никаких шансов на победу над таким соперником, но сейчас Мара лишь ещё раз оглядела место предстоящего боя, собралась с духом и рванула в атаку.

Это был шаг отчаяния, иначе никогда бы волк-оборотень не вступил в столь безнадежный поединок. Лихо, несмотря на слабое зрение, обладало и силой, и ловкостью, непомерными для Мары. Каждый раз враг уворачивался от выверенных выпадов волкоголовой воительницы, нанося в ответ сокрушительные удары, половину которых та была не в силах отразить.

Этот безнадежный бой шёл к своему закономерному итогу, но неожиданно-негаданно на болоте появился третий. Завидев, что творится на болоте, Медведко бросился на выручку подруге, проявив несвойственную обычно смекалку. Отвлекая лихо от истекающей волчицы, берендей завел нечисть в самую топь, а затем, вернувшись к Маре, поскорее отнёс её в самую

чашу.

Перевязав раны, он снова взвалил женщину-волка и, не теряя времени, припустил к дому Кондрата.

***

Близнецы уверенно продолжали свой путь на восход. Даже Гавры перестала жаловаться на своё недомогание, связывая это с целительным воздухом гор, которые они преодолевали уже второй день. Накануне они взобрались на самый верх горного перевала и теперь неспешно спускались в сторону лесистой долины.

Воздух и в правду был необычайно свеж и бодрил, а голубизна неба над головой поражала. Горные птицы оглашали своим гамом всю округу, шныряя туда-сюда. За этим птичьим беспорядком не сразу обратил внимание ворона, который постоянно появлялся на их пути, каждый раз поджидая путников на больших валунах. Как только пара приближалась, он снова поднимался в воздух и, сделав пару кругов над их головами, опускался на очередной валундалее по тропе.

— Ставры, тебе не кажется, что эта птица следит за нами? — дала волю своему любопытству Гавры.

— Не думаю, милая. Скорее всего, он пытается наскудато направить.

— Почему же ты так решил?

— Он каждый раз, перелетая с места на место, показывает более удобный путь, выбирая новый валун на очередной развилке.

— Как думаешь, куда он хочет нас привести?

— Не знаю, но очень хочу проверить.

— А вдруг там будет опасно?

— Вряд ли, все-таки ворон — птица священная.

— Но это же птица смерти, брат?!

— Но сама птица смерть не несёт и не предвещает, так что думаю пойти по его тропе.

На следующий день Даринка узнала, что о свадьбе с лешим давно уговорено. Да и зима уже запорошила усадьбу снегом. Снопы укрыли да скотина убрана. Потянулись длинные скучные дни зимы. Даже нежить старалась схорониться от морозов и не разгуливала по лесу. Лишь неугомонные сороки наполняли присмиривший лес своим треском.

Теперь в ожидании свадьбы молодуха проливала слёзы. Рогнеда пыталась её успокоить, но всё было бесполезно. А однажды на пороге появилась мать Ярополка, когда до свадьбы оставалось несколько дней.

— Что вам нужно? — спросил дед Дунай.

— Да вот за сыном пришла, — отвечала женщина, — от лешего узнала, что мой Ярополк у вас. А дома-то ждёт его красавица-невеста!

— Ярополк ваш еле от вужалки убёг. Моя внучка его выходила, — поделился дед, — уводите своего добра молодца, коль пришли, а не то недоброе натворить может.

— Неужто опять проказничает? — лицо той начинало багроветь.

— Ха-ха... Да тот ещё он у вас шалун, — Дунай старался снять напряжение, — ничего страшного, только наша молодуха ему глянулась.

— Глянулась... Вот получит он своё дома!

Ярополк даже не попрощался. В последний раз взглянув на Даринку, покинул дом. А сердце девушки зашлось новыми слезами от обиды и предательства. И во второй раз покинул он её.

***

С утра женщины отпевали невесту, голося и проливая слёзы. Пуще всех старалась Снежана. Даринке одели красный сарафан, а на голову повязали платок так, чтобы он скрывал лицо. То, что платок укрывал лицо, Даринке оказалось весьма кстати — с самого утра слёзы лились в три горячих ручья. «Что не так со мной? Почему всё валится на меня?» — вздыхала она.

Ближе к вечеру баба Нюра вместе с молодыми вывела Даринку на двор. Молодые тут же устроили игрища у колодца. Вдруг появились жених с дружиной, облачённые в волчьи шкуры, завывая. Девушки разбегались, уклонялись от волков и причитая. А Егорий, схватив Даринку, положил её себе на плечо и убежал.

Девушки же завели песню:

Козушка белоногая по горке ходила,

Дразнила, поддразнивала она серого волка:

«Волчущка, серенький! Я ж тебя не боюся,

Я ж тебя не боюся, в кусте схоронюся».

Не взгадала ж да и козушка, что на утро будет:

Ножки тут, рожки тут, самой козы нету.

Девушки красные во лужках гуляли,

Во лужках гуляли, парням пропевали.

Дразнила Даринка Егория:

«Егорий, я ж тебя не боюся, в терем схоронюся».

Не взгадала Даринка, что на утро будет:

Ленты тут, поясок тут, девки нету!

Когда жених с невестой скрылись среди сугробов и деревьев, все дружно уселись за праздничный стол и разошлись только под утро, всю ночь славя молодых и вдоволь веселясь.

Леший мчался как угорелый к своей избе, невзирая на сугробы. Даринку ощутимо подбрасывало при его пряхках. Дружки разбежались, как только показалось жилище жениха, предоставив их самим себе и возвращаясь в общий дом на продолжение празднования.

В хате же Егорий сбросил, наконец, волчью шкуру. Служка подал им жареную курицу и тут же ретировался. Молодожёны ухватили её за ножки и рванули каждый на себя. Правая бровь лешего от удивления поползла вверх, когда он заметил, что доля невесты оказалась значительно крупнее, но только весело рассмеялся.

Он дал Даринке лишь отщипнуть мизерный кусочек, как тут же стал разувать свою невесту, которая принимала это как должное без всякого проявления чувств. Расшитый полушубок первый оказался на полу, за ним последовал красный сарафан, а затем и рубаха. Снимая первым левый сапожок, Егорий обнаружил красную нить и, хмыкнув от удовольствия, сунул ее в карман.

Теперь настала очередь Даринки разоблачать жениха, что она и проделала, не выражая эмоций. Ей тоже удалось в первом снимаемом сапоге найти сокровище — золотое кольцо, которое Егорий не преминул надеть сразу на её безымянный палец, после чего повалил на кровать.

Даринка как отсутствовала: она просто не участвовала, а лишь позволяла Егорию делать все что угодно с собственным телом, безучастным взором наблюдая, как за окном слабый зимний день сдавал власть ночной темноте.

Когда же прекратились размеренные движения лешего, он, коснувшись волос молодой жены, остриг ей косу и захрапел, отвернувшись к стене.

— Надень, — мужчина протянул ей платок, когда та поутру одевалась.

Ничего не сказав, Даринка с вызывающим видом повязала на голову и вышла из дома на двор, оглядывая своё новое хозяйство.

Молодые уже вторые сутки шли, как на поводу, за вороном. Птица показывала им не короткий путь, а самый удобный. Ставры убедился в этом не раз, когда проходил по вороньей тропе мимо гиблых мест. Порой черная птица покрикивала на них, когда пара не замечала его. Благодаря ворону они без труда и приключений спустились с гор и напрямик преодолели долину, а теперь шли по незнакомой лесной чаще.

Этот лес отличался необычной, после родного, где даже ночью стоял живой гомон, тишиной. Лишь изредка кто-то нарушал местный покой: то дятел застучит, то пискнет мышь, то кукушка начнет свою считалочку, то зверь потревожит ветви кустарника. Ещё чаще отличала нехватка света, из-за которой подлесок был скуден, лишь единичные кусты сиротливо ютились под могучими соснами.

Внезапно их взорам предстала изгородь из костей людей и зверей. С испуга Гавры взвизгнула и схватила Ставры за рукав. Зрелище и вправду было устрашающее: для большего нагнетания страха каждый столб забора украшал череп. Тем не менее, их проводник совершенно спокойно уселся на ограду возле ворот, чьим затвором были костяные человеческие руки. Ворон то косился на путников, то кричал, призывно махая крыльями, явно приглашая тех прошествовать за ограду.

— Ставры, мне страшно, — прошептала сестра-супружница, не выпуская его рукав.

— Ничего, ничего, милая, всё будет хорошо, — ответил он и направился к воротам.

Лишь только пара подошла, затвор из рук сам раскрылся, а ворота со скрежетом распахнулись, пропуская во двор. Несмело они вошли во внутрь и замерли, оглядываясь вокруг. Несмотря на страшную изгородь, своим видом двор очень сильно напоминал отеческий: то же расположение овина, конюшни, сарая и курятника, та же чистота. Из этой идиллии выбивался лишь сам дом, выглядевший как сарай, парящий в воздухе. Пока они от удивления хлопали глазами, «сарай» стал разворачиваться к ним, и стало понятно, что у него четыре ноги какой-то огромной птицы. Как только дом повернулся другой стороной, то приобрёл весьма приличный вид, что не позволял более его называть сараем. Высокое крыльцо, окна и ставни были украшены позолоченной резьбой дивных птиц и зверей. Но эти птичьи лапы... Лапы продолжили вращение избы, пока та не стала крыльцом напротив гостей, и сложились, опустив свою ношу на землю.

Путники удивлённо переглядывались, а к ним, скатившись кубарем с крыльца, прихрамывая на левую ногу, бодро спешила старуха.

— Добро пожаловать, касатики, в дом старой Ягинишны. Проходите, не бойтесь, милые, — тараторила та «на бегу», — вон баньку уже истопила, пироги на столе томятся, вас ждут. Давно вас ждала и вот дождалась. Ну что же вы замерли, глаза лупите? Заносите вещички в сени, да айда за мной в баньку.

Ставры первый вышел из оцепенения.

— Здравия вам, бабушка Яга, — и, схватив оба мешка, отнёс их в сени и вернулся на двор.

— Давайте, давайте, молодёжь, а то баньку выстудите, — торопила старуха, — сейчас попаритесь-помоетесь с дорожки, а потом за стол жду вас. Только апосля дело своё выкладывать будете.

Баня была натоплена жарко. При растопке хозяйка, видать, использовала травы, так как

стоял умиротворяющий аромат.

Вдоволь нахлеставшись вениками еловыми да кедровыми и наплескавшись, Ставры и Гавры почувствовали себя посвежевшими и отдохнувшими. В предбаннике они нашли чистую одежду и, по-быстрому одевшись, поспешили в дом.

Убранство и устройство дома тоже показались им достаточно знакомым, только повсюду были развешаны пучки трав, источавшие приятные запахи. А на столе их и взаправду ожидали пироги да на любой вкус, также стояли сметана и мёд, молоко, квас и брага.

Баба Яга скоро усадила их за стол, а сама всё продолжала шнырять от печи к столу и обратно, всё поднося и поднося новые блюда. При этом она не умолкала:

— Хорошо попарились, дитятки. Вон, смотрю, раскраснелись, посвежели. Да, банька с дороги самое полезное средство: усталость прогоняет, аппетит нагоняет.

Близнецы на самом деле, очутившись за столом, почувствовали непомерный аппетит и поглощали пироги и разносолы, не особо разбирая вкуса.

— Да вы угощайтесь, угощайтесь, милые. С дороги то силы восстановить. Особенно тебе, красавица, — беззаботно ворковала хозяйка. — Хорошая еда — залог здоровья, касатики.

— Ой, давно я гостей не встречала, — чуть отдышавшись, продолжала старушка, — забывать меня стали, видать. Всё одна да одна.

— Бабушка, по что же вы одна то живёте? Неужто нет никого? — прожевав очередной кусок пирога, подала голос Гавры.

— Как нет? Есть, супруг окаянный! — Яга всплеснула руками. — Да не сидится ему на месте, постоянно в дороге. Заглянет на денёк другой да опять в путь. Умелец и чародей он у меня, Кощей. Слыхали о таком? Вот и носится по свету, где что случится, где чего узнать.

— Как вы узнали, что мы к вам придём? — спросил парень.

— А как не знать то мне? Васька мне доложил, что молодые через перевал идут, вот я и приказала ему вас ко мне вести, — при её словах в комнату вошёл большой холёный чёрный кот. — Вась, вот познакомься с гостями.

— Так это же кот... — чуть не подавился от удивления Ставры.

— Вообще, он кот, но когда хочу узнать, что в округе творится, превращаю его в ворона, — из слов старушки выходило что это было само собой разумеющееся действие.

Постепенно путники смогли утолить и голод, и жажду с дороги, и глаза их стали слипаться.

— Пойдём, касатики, спать вас уложу, а то какой отдых с дороги без сна. И не противьтесь — все дела завтра, завтра обо всём перетолкуем, — и отвела им место на печи.

Только головы коснулись мягких подушек, как сон тут же овладел путниками.

— Что ж вы, дитятки, натворили, что вас родная мать прокляла? — бормотала хозяйка, выбирая травы и коренья для своего варева.

***

Мара поправлялась быстро благодаря заботам мужа. Днями и ночами тот бдел у её койки, меняя повязки и давая отвары.

От такой обходительности Кондрата ей становилось ещё тяжелей на сердце. Каждый раз, когда он приближался к ней, Мара отводила глаза. От её несдержанности в один миг рухнула семья, дети сейчас за тридевять земель, и возможности исправить положение не видно. От подобных мыслей тоска всё сильнее разъедала душу, а где-то в глубине

зарождался гнев на саму себя. Прогнала собственных детей, давно уже не то чтобы не помогала, даже не видела сестру и мать. «Что же со мной не так?» — этот вопрос постоянно мучил её сознание.

***

Утром Ставры проснулся от солнечных лучей, павших на лицо. В избе снова вкусно пахло выпечкой. Яга вовсю уже собирала на стол.

— А, уже проснулся, молодец. Давай спускайся, я уже стол тут накрыла, — полушёпотом позвала хозяйка, — а молодую не буди, пусть поспит.

Спустившись с печи, юноша умылся наскоро и уселся за стол. Несмотря на вчерашнее изобилие, вкусные ароматы, витавшие над столом, снова разожгли аппетит.

— Кушай, кушай, не стесняйся. Твоё дело молодое, сил много требует, так что не растолстеешь. А потом нам с тобой по серьёзному потолковать надо, — щебетала старушка.

Последняя фраза несколько насторожила парня, но вкусная стряпня Яги быстро вернула его мысли к уплетанию угощения.

— Знаю, милок, что погнало вас из мест родных, — сразу же начала бабка, как только Ставры закончил трапезу и горячо поблагодарил, — гнев матери решил вас отчего дома.

— Да, матушка, всё так, — мрачновато ответил парень.

— Сестра твоя на сносях от тебя? Что ж вы натворили, — покачала головой Баба Яга, — да не мне судить вас. Случай ваш не укладывается в законы предков, духи не будут разбираться кто прав, а кто виновен. Беда над вами всеми висит.

— Я буду защищать свою супругу и дитя от любых напастей, — горячо ответил тот.

— От всех, да не от всех. От таких напастей ты и сам не убережёшься, не то что сестру свою спасти.

— Что же делать, бабушка?

— Знаю я верное средство. Надо чтобы вы перед духами выглядели не как брат с сестрой, — вещала старушка доверительным тоном. — В этом может помочь обряд перепекания.

— Это что же, в печь лезть? — Ставры стало как-то не по себе от такой перспективы.

— Да, в печь, но не лезть. Перепекаемого нужно в печь посадить. Да не пужайся ты так, — продолжала Ягинишна, — дитятки малые это переносят, а вы и подавно вынесете.

— А обоих перепекать будете?

— Нет в том нужды, достаточно одного из вас. Только ни я, ни сестра-супружница твоя не сможем тебя в печь посадить, так что ты посадишь её в печь, — подвела итог своим рассуждением хозяйка.

— Это и в правду не опасно? Как ни как на сносях она, ребеночка ждет...

— Не волнуйся ты: я малых деток недоношенных перепекаю — ни один не помер, — успокаивала она, — а Гавры у тебя баба здоровая, ничего ей не страшно.

— И что же тогда получится, бабушка?

— А то, что вынешь ты из печи совершенно нового для духов человека, не родного тебе по крови.

— А она будет помнить меня?

— Будет, будет, касатик! Для тебя и для людей она останется прежним человеком, только для духов она заново переродится, она и дитя твоё ещё нерожденное.

— И что требуется?

— Да ничего. Тесто я уже замесила. Только печь должна подостыть, так что ближе к

ночи и сможем все дела сделать. Сам Гавры уговоришь али мне потолковать?

— Спасибо, матушка. Наверное, лучше вам потолковать, а то я не мастер речи держать.

— Хорошо, так и поступим. А пока отдыхай, милоч.

— Да что я, почивать на кровати буду? Вы нас приютили, обогрели да накормили. Вам же помощь мужская наверняка требуется? — протестовал Ставры.

— Ты и впрямь, дурень, думаешь, что без мужской руки моё хозяйство рухнет? — рассмеялась баба Яга. — Да мне только свистнуть-плюнуть, чтобы кто из животных моих мужичком стал да сделал всё, что пожелаю. Так что отдыхай, а вечером дело делать будем.

Вечером же, когда диск солнца уже стал скрываться за деревьями, приступили к обряду.

Перво-наперво Гавры раздели и обмыли. Пока Яга обтирала её, Ставры принёс кадушку с ржаным тестом и огромную лопату. Хозяйка помогла женщине улечься калачиком на лопату и стала, шепча неразборчивые слова, обмазывать ту тестом, пока полностью не покрыло тело, оставив лишь отверстие для дыхания. После этого парень ухватил лопату и по команде ведуньи трижды засунул в печь и вынул. Затем вместе с бабой Ягой сковырлял руками хлебную корочку, освобождая жену. Гавры лежала ни жива ни мертва. Муж помог ей подняться и отряхнуться.

— Благодарю вас, матушка, — молвила женщина, как только набралась сил, — чем мы можем отблагодарить вас?

— Живите долго и счастливо, Ставры и Гавры-Лада, тем и отблагодарите старую. На людях только зовись своим новым именем, и все напасти пройдут стороной, голубушка.

***

Когда Кондрат отлучился в лес по делам, Мара тихо покинула домик. Мысли мучили женщину, но никто не был в силах ей помочь. Обратившись волком, она стала бродить по свету, нигде не находя пристанища. Чёрная тоска и гнев разъедали душу, и вскоре тьма в её сердце победила.

Теперь белую волчицу прозвали Мореной. Она нашла свой новый дом на севере, среди бескрайних снегов и вечного холода, на бесплодной земле. Теперь стала она являться к людям в лютые морозы и нести смерть и разорение. Поэтому её также стали звать Царицей Зимы.

Обуреваемая яростью, Морена каждое утро пыталась погубить солнце, но отступала перед его могуществом. Теперь она страстно желала, чтобы везде была вечная зима.

Начало семейной жизни Даринки не задалось с самого начала — так, по крайней мере, думала она. «Выдали замуж, как на рынке продали! И это был замысел деда Козьмы? Нечего сказать, заботливый и любящий дедушка», — всё никак не могла смириться со своей долей девушка.

Лешего же все устраивало. Он был рад исполнительности своей жены — та весь день потратила на уборку заброшенного неухоженного жилища Егория. Да и готовила баба отлично.

Сейчас, любовно смотря на жену, он заметил её покорность. Но стоило лишь коснуться её, как Даринка бросила еду и отошла на другой конец хаты.

— Присядь, поешь, — велел Егорий, — тебе пригодятся силы ночью, — но более уже не пытался дотронуться.

Даринка повинувалась, но весь завтрак упорно смотрела в свою тарелку. Егорий решил не нагнетать обстановку и спешно отправился в лес, где ждали дела, не терпящие промедления.

Целый день он метался по всем своим лесным владениям. То с зайцами да белками деревья сугробами прикрыть от морозов, то зверей хромых лечить. К тому же пришлось и нежить гонять да людей лихих. Словом, к вечеру Егорий был уставшим и рассчитывал, что жена поймёт и сделает своё дело, прогоняя усталость.

Его желания о семейном уютном вечере были разрушены с самого начала.

Зайдя домой, он увидел, что дожидается его только накрытый стол, а вот супружницы не было видать. «Дуется до сих пор, дурёха», — вяло подумал и, зная, что той некуда деться, скинул тулуп, умылся и принялся за позднюю трапезу. Еда хоть и остыла, дожидаясь на столе, но была необычайно вкусной и ароматной. В последнее время такое ему доводилось пробовать только на званых пирах. «Что скажешь, хороша моя жена, да обидчива слегка», — сам себе ухмыльнулся и продолжил наслаждаться яствами, приготовленными с таким теплом.

Сытно и вкусно отобедав, леший ещё немного посидел за столом, наблюдая за горячей лучиной и что-то бормоча себе в бороду, осушил очередную кружку хмеля и отправился к супружескому ложу.

Даринка лежала в рубаше и ждала его. Егорий уже хотел ею заняться, но девушка уворачивалась от его поцелуев, да и в руки то не давалась. Из-за этого, бросив бесполезное занятие, леший уснул, отвернувшись к стене и даже одежды не сняв, да только долго и сладко поспать не получилось.

Посреди ночи его разбудил кошмарный сон. Снилось собственная свадьба, как он с дружками врывается во двор, чтоб умыкнуть невесту. Всё вроде хорошо, но девки отбивают дружину жениха, а самого окружают и начинают водить хоровод, распевая:

Ой, Егорий,

да не гонялся бы ты за Даринкой.

Ой, Егорий,

да шёл бы ты домой один одинёшенек.

Ой, Егорий,

да аукнутся тебе слёзоньки девичьи!

Отдышавшись и привыкнув к темноте, он посмотрел на супругу. Та мирно посапывала, отдалившись от него на самый краешек постели. Одеяло почти совсем сползло с неё, и он тщательно укрыл Даринку. Только после этого сам вновь попытался уснуть.

А следующие несколько дней стали для него продолжением ночного кошмара. Даринка стала главой в доме, а не он. Вспомнив о том, что ей, а не лешему удалось отломить большой кусок курицы в день свадьбы, она принялась диктовать свои условия жизни с ним; и лешему нечего не оставалось, как покориться, правда, поначалу упираясь и сопротивляясь.

Даринка же теперь каждую ночь отказывала ему в близости, мстя за его прегрешения перед ней. Егорий сам готов был стать волком без женской ласки. Но он терпел, понимая, что не хочет повторения того, что случилось на обряде инициации. Он прикладывал все силы, чтобы она ни в чём не нуждалась — давал гулять в одиночестве по лесу, уважал её решение и не настаивал на близости. Конечно, пару раз он думал о снотворном отваре, чтобы заполучить тело жены, но тогда бы она никогда его не простила. И он ждал, когда лёд в его семье тронется, и она станет доверять ему.

Кроме того, теперь и в доме леший крутился не хуже белки на сосне. Жена окончательно взялась за домашнее убранство, чтобы обстановка жилища соответствовала её представлениям. То это сделай, то то сделай. Ой, не так он представлял себе семейную жизнь. Правда, за работу по дому Даринка порой и награждала то лёгким объятием, то мимолетным поцелуем, а порой и сама принимала в ответ его, но только до известного предела.

Одним погожим зимним днём Егорий впервые увидел улыбку на её лице. Он тогда принёс к ним в дом её любимую прялку. Даринка от радости бросилась ему на шею, смущённо поцеловала в щеку и даже не стала отбиваться, когда он коснулся её нежных алых губ своими.

Кажется, теперь леший понял, что к чему. Он поставил всю родню на добывание пряжи, и каждый вечер мог наслаждаться неповторимым голосом своей жены, которая любила петь, занимаясь прядением. Вот теперь семейная жизнь хоть как-то стала походить на его представления о ней. А на Велес Студёный и вовсе напросилась с ним в лес.

В лесу же Даринка буквально расцвела, представ перед взором мужа совершенно другим созданием. Куда-то пропала её замкнутость, даже её некоторая робость пред лешим растаяла без следа. В волчьем облики то как щенок молодой носилась она по сугробам, взметая снежные вихри, то устраивала охоту, да так успешно, что ещё к трети их пути в санях уже лежало две косули и горстка зайцев.

Егорий любовался таким преображением жены. Оставив охоту и набегавшись, рядом с ним весело вышагивала довольная раскрасневшаяся красавица, уверенная в себе баба, а не забитый ребёнок, что постоянно пребывал при их встречах. Светлый локон вьющихся волос, выбившись из-под платка, задорно подрагивал, зазывно подчеркивая овал лица, и, окончательно заворотив лешего, заставил того поцеловать такие желанные губы. Расплата наступила незамедлительно: весело смеясь, Даринка повалила его в ближайший сугроб и принялась засыпать «обидчика» снегом.

Но дома всё опять встало на свои места. Вот вроде бы они весёлые, уставшие, довольные и раскрасневшиеся от мороза подходят к воротам, обнимаясь... А теперь пред ним снова молчаливая и замкнутая женщина, что так уже обрыла ему, и этот лёд в глазах. Всё вновь возвращалось на круги своя каждый раз, когда они приходили в дом. Переступив порог, жена снова превращалась в молчаливую, деспотичную и холодную хозяйку. Егорий уже

задумывался об обустройстве нового жилища, но не было бы добра без беды.

В тот вечер леший возвращался домой поздно и предвкушал вкусный ужин, заботливо приготовленный нелюдимою супружницей. По дороге ему вспомнилось, как он ещё в утренних сумерках увидел падающую звезду. То зрелище заворожило его, и он, как малое дитя, загадал своё желание. На какой-то миг Егорий даже стал гадать, сбудется ли оно.

Но как только он вернулся в дом, все его мечты растаяли как дым. На столе ожидали лишь сиротливые вчерашняя грязная скатерть и полупустой кувшин воды. В доме было не прибрано, всё было покрыто пылью, печь стояла нетопленной, и холод уже стал пробираться в жилище. Егорий был сильно озадачен таким раскладом — хоть Даринка и держала до сих пор на расстоянии, но за хозяйством следила исправно. Размышляя, не случилось ли чего, он быстро прошёл в спальню, где и обнаружил ответ на свой вопрос — случилось.

***

Даринка через сон чувствовала, как муж покинул их ложе, но решила в этот раз ещё понежиться в постели, радуясь, что все косточки и мышцы успели отдохнуть после вчерашней изнуряющей вылазки в лес, поэтому не встала провожать его, а через некоторое время снова провалилась в сон.

Во сне она почему-то ощущала себя рядом с мужем, хотя прекрасно помнила, что он уже ушёл совершать свой ежедневный обход леса. Чувствовала его руки и губы на своей коже. Куда же подевалась её рубаха? Его прикосновения теперь не вызывали отторжения, а только желание терпеть их ещё и ещё. Вдруг ей стало казаться, что не с Егорием она в постели, а с незадачливым Ярополком. Лица их стали меняться в причудливом видении, а воображение расплылось всё больше. То она была с предавшим возлюбленным, то с навязанным мужем, но ей было хорошо с любым из них.

Губы, руки, ощущения смешались... Но было так хорошо, что Даринка наслаждалась, не открывая глаз. Поцелуи стали настойчивее, жар между ног усилился. Но мужчина тут же хотел перейти к действиям. Не успел.

Из сладких грёз её грубо и резко выдернул рёв мужа: «Что здесь происходит?» Когда она открыла глаза, то чуть не лишилась рассудка: в спальне было два леших — один в постели подле нее, а другой стоял с побагровевшим лицом подле распахнутой двери. Даринка испуганно переводила взгляд с одного на другого, прикрывая одеялом свою наготу, и чуть не пропустила тот миг, когда лицо лежавшего с ней на ложе дёрнулось, и пред ними предстал Ярополк.

— Ах ты, гадёныш! Я же предупреждал тебя! — с воплем раненного зверя Егорий ринулся на соперника, но тот словно растаял в воздухе и вновь появился уже за кроватью возле стены в образе мерзостного цмока с головой и торсом быка и телом змеи, размером с новорождённого младенца, злобно шипящего и вращающего поросычьими глазками.

Егорий в мгновение ока выхватил из-за пояса свой топор и снес мерзкую башку, и зверь издох.

Даринка по-прежнему сидела в постели, натянув одеяло до самых глаз, что испуганно глазели на супруга.

Леший что-то хотел ей высказать, но только открыл рот, после чего в сердцах махнул рукой, сгрёб остатки летавца [1] в охапку и вышел во двор. Там он сложил костёр и спалил вонючую тушу нечисти. Вернувшись в дом, чувствуя себя обманутым болваном, уселся за стол вместе с прихваченным из сеней бочонком хмеля.

Первым его желанием было прогнать жену, что была в постели не с ним, а с поганым

гадом. В его сознании уже рисовались красочные картины, как Даринка будет с вечным позором выдворена из его жилища, но пара кружек душистого хмеля остудили его гнев. Он ведь прекрасно видел, как ошарашена была супруга, как готова была прямо там провалиться сквозь землю, и понимал, что стала она жертвой морока с его же ликом. Стало быть, она уже готова подпустить к себе? Да кто этих баб поймет! Одно он понимал, что супруге сейчас ещё тяжелей, и, приложившись ещё раз к хмельной кружке, встал и отправился к ней.

Даринка так и не сдвинулась с места, только страх в глазах сменился растерянностью. Завидев мужа, она попыталась заговорить, но Егорий лёгким движением руки оборвал её на вздохе и попытался заодно успокоить. Чуть промедлив, он сел подле, правда, спиной к ней. Спустя мгновение он почувствовал робкое прикосновение и развернулся. Жена, видимо, ещё боясь его гнева, как-то слишком быстро уткнулась лицом ему в грудь, и по редким всхлипам он понял, что она дала волю своим эмоциям. Растерянный Егорий лишь поглаживал её спину, пока всхлипы не прекратились, а дыхание выровнялось, а чуть погодя до него дошло, что желанная жена уснула, и, боясь её потревожить, он так и остался сидеть до самого утра.

Примечание

1 — Летавец — по славянским поверьям дух, который слетает на землю падучей звездой и, принимая знакомый человеческий образ, вступает в связь со своими жертвами.

Когда же Ставры и Гавры, наконец, достигли жилища лешего, хозяина здешних мест, девушка почти выбилась из сил. От запахов её мутило, да и путь был нелёгким.

— Мы дошли, любимая, — поддерживая сестру, ласково произнёс Ставры, стуча в дверь. — Эй, есть кто дома?

— Кто тут тревожит меня на ночь глядя?! — на пороге появился крепко сбитый мужчина. — Аксинья, смотри, кто к нам пришёл! — крикнул мужчина внутрь хаты, — это же дети моего брата. Проходите, сейчас моя жена на стол соберёт.

Крепко сбитые стол и лавки толстых струганных досок. Всё поражало своими большими размерами, будто здесь медведь живёт.

— Что вас привело в мои края? — спросил хозяин.

— Мать выгнала меня с женой, — взял слово Ставры.

— А жёнушка-то у тебя на сносях! — запричитала Аксинья. — Что ж ты её не бережёшь?

— Берегу, хозяйюшка, — произнёс Ставры, — нам помогли добрые люди да звери ваши добраться сюда.

— А теперь говорите правду, родимые, — чуть ли не рыкнул Андрагаст, — за дело вас небось из дома выгнали-то?

— Да, батюшка, — судорожно вздохнув, начала рассказ Гавры-Лада, — полюбила я брата своего, Ставры. И он меня полюбил. Я его жена-сестра.

— Что же вы натворили, детки?! — воскликнула Аксинья. — Как же вы теперь перед духами оправдаетесь?

— Ягуся помогла нам, провела обряд перепекания супруги моей, — молвил Ставры, приобнимая Гавры, — добрая женщина нарекла мою жену Ладой. На людях её теперь только так и называть будут.

— Поели, теперь пора вам ваш домик показать-то, — проговорил Андрагаст, — там и отдохнёте.

На новом месте Гавры всё не могла уснуть. Всё крутилась и крутилась на кровати, не зная, куда деть выросший живот. Ставры, устав наблюдать за её мучениями, приобнял любимую и положил руку на её животик, успокаивая.

— Не надо! — воспротивилась Гавры, когда его рука пошла исследовать её тело ниже, — как бы ребёночек раньше времени не появился из-за наших игр.

— Тише, — шепнул Ставры, — я не настаиваю на близости, милая моя. Хотя ты беременная ещё больше возбуждаешь меня.

Вместо рук появились поцелуи. Гавры застонала от удовольствия. Впервые за долгие месяцы странствий она получила заслуженную ласку.

***

— Эй, племянник, а ну давай вставай! Думаешь, просто так кормить буду, не на того напал! — Андрагаст, гремя своим басом и улыбаясь всем широким лицом, устроил ну очень раннюю побудку — за окном солнце ещё только робко пыталось пробиться сквозь кроны деревьев.

— А ты, Ладушка, не беспокойся, ты под началом Аксиньи, а она велела тебе до обеда не вставать. А балбеса твоего я забираю харчи отрабатывать, — и он добродушно

рассмеялся.

Бедный Ставры, с трудом продравший глаза, вынужден был покинуть теплую постель и свою любимую супругу с огромной неохотой. Но делать было нечего, ведь леший мог его и сам вынуть из-под одеяла, на что весьма красноречиво сообщали закатанные рукава рубахи, открывавшие огромные мускулистые ручищи.

Ставры мог лишь завидовать оптимизму дяди, глядя, как тот плескался в лохани, приводя себя в ещё более бодрое состояние. «Он же старше отца, а резвится как пацан», — размышлял гость ровно до того момента, пока хозяин не облил его студёной колодезной водой, воспользовавшись задумчивым состоянием того.

— Чего киснем! Давай, взбодрись, умойся, чтоб прогнать дрёму! А то, глядишь, мы ничего не успеем за сегодня!

Пришлось повиноваться.

Вскоре они уже сидели за столом и завтракали, набираясь сил с помощью каши и молока для осуществления грандиозных планов хозяина на день.

Ставры, молча уставившись в миску, исподлобья наблюдал за такой странной парочкой. Дядя был огромен, словно вековой дуб, и добродушен, несмотря на свои выходки, а его супруга, такая маленькая, прямо гуттаперчевая, была более спокойной, но при этом чувствовалось, кто истинный хозяин в доме, хоть и не перечила ему. Невольно в голову пришло сравнение с собственными родителями, в чьих отношениях было в точности до наоборот: спокойный отец и вспыльчивая мать.

Из раздумий его выдернул очередной окрик Андрогаста:

— Эге-гей, Ставры! Хорош дрыхнуть, а то солнце так скоро сядет, а ты и из дому то не выйдешь!

Быстро допив молоко, гость вышел вслед за хозяином и вскоре увидел, что приготовил для него леший.

— Сегодня дрова колоть будем, — сказал Андрогаст, показывая на две совершенно разные кучи дров, — эта моя, — и указал на мелкую, — а то твоя, племяша.

— Дядя, это же нечестно! Давай хоть поровну, а то моя — то раза в четыре больше твоей, — запротестовал Ставры.

— Почему же нечестно? — удивление лешего было искренним. — Себе я уже три поленицы сложил, — махнул в их сторону здоровенным колуном, — а у тебя ни одной ещё нет. Так что всё честно. Лучше приступай — раньше начнёшь, раньше закончишь.

«Ну, порядки же у твоего братца, отец», — бурчал про себя оборотень, примериваясь к первому полену.

Дядя уже давно закончил укладывать свою поленицу, в то время как племянник ещё и четверти то не наколот. В это время на двор вышла Аксинья.

— Мужчины, полдень уже, марш домой, обедать пора, — позвала она, но увидев, что дрова колет лишь Ставры, тут же набросилась на супруга. — А ты по что, окаянный лодырничает?

— Как так? Я уже всё сделал, вон, осталось совсем немного в поленицу доложить и всё, — каким-то обиженным тоном защищался леший.

— Я тебе сейчас покажу, всё сделал! Поленицу доложить осталось! — супруга схватила первое попавшее полено и начала охаживать мужа. — Родственника своего уморить хочешь?!

— Да что я... Это у него же дрова не запасены... — Андрогаст как-то вяло отбивался от

жены, — это ему зимой мерзнуть, а не мне, — и, изловчившись, сгрёб своими огромными ручищами маленькую женщину и притянул к себе, без особых усилий оторвав её от земли.

— А ну поставь где взял, дурень! — продолжала та, но уже без бывшего усердия. — Раз такое творишь, то после обеда один будешь, а Ставры я с собой в село на базар беру.

Леший лишь крепко поцеловал супружницу и вернул на землю:

— Твоя взяла, пусть по-твоему будет, — и лукаво улыбнулся своему гостю, — свезло тебе, малой.

За обедом к ним присоединилась Лада. Ей явно пошло на пользу пребывание в постели до обеда — порозовела, посвежела, а в глазах появились искорки, которых брат-супруг уже давно не замечал, с тех самых пор, как покинули дом Бабы Яги. А наибольшее впечатление появление молодой произвело на Аксиныю. Та хоть уже после поцелуя перестала походить на разъярённую анчутку, а теперь и вовсе растаяла.

— Как ты, милая? — по-матерински беспокоилась женщина.

— Ой, матушка, значительно лучше. Спасибо за заботу, — смущённо проговорила Лада, — давайте, я помогу, чем смогу.

— Перестань, лучше садись за стол, пока эти оглоеды всё не поели.

И впрямь, поторопиться стоило — и Андрогаст, и Ставры усиленно налегали на ложки.

— Жена, а что тебе потребовалось в селе то? — поинтересовался хозяин леса.

— Как что? У тебя племянница по зимней поре рожать собирается, а мы к такому не готовились, — нравоучительным тоном начала Аксиныя объяснять, — яблоки, огурцы, редиску прикупить нужно. Тряпиц для будущей матери да малыша. Ну и травок, боюсь, собственных может не хватить до весны.

— Телегу то запрягать али так обойдетесь?

— Да, конечно, а то до ночи не воротимся.

На том и порешили. Пока Ставры вместе с женщинами ещё сидел за столом, леший запряг белую кобылу в телегу, так что сборы в дорогу были не долгими, и вскоре Ставры вёл беседу с Аксиной под мерный перестук копыт среди увядающего леса.

— Ты уж не серчай на дядьку то своего, что поделаешь, если он всегда всё желает полегче да попроще сделать, — тихо говорила женщина, — из-за этого порой такое выдаст, что убить хочется, но зато порой так вывернется, что действительно и проще, и красивее, и дешевле выходит. Тем и полюбился он мне.

— Да не обижаюсь я на него, он ведь добра желает, — попробовал защитить родственника оборотень.

— Не, вижу, что дуешься, но ладно, то ваше с ним дело, как-нибудь да попривыкнете, — смирилась хозяйка, — да и за Гавры присмотрит, не обидит. Скажи лучше, и взаправду так сестру полюбил, что ни гнева матери, ни гнева духов и предков не убоился?

— Тётушка, коли не так бы, то не было бы нас здесь, сидели бы до сих пор под родительскими крыльями, — насупившись от такого неверия, произнес Ставры, — мила она больше всего на свете.

— Да не порыкивай на меня так. Любопытство бабье, знаешь ли, заставило спросить, — в знак примирения она протянула ему яблоко, — брат мой вот тоже без родительского благословения бежал с девицей, да только не любил он её, а лишь строптивость свою показывал. Вернулся через две седмицы, лбом в пол бил, прощения родительского прося. Лишь через два дня батюшка гнев на милость сменил да в дом пустил.

— А что с девицей той стало?

— А что с ней делается — тоже домой воротилась. Жутко семья гневалась на нашу родню, но отец с матушкой смогли найти примирение с е родичами. Так что потом праздники вместе справляли.

— Тётя Аксинья, а сами вы кто? Человек али кто?

— Э, Ставры, юнец ты желторотый! Я отвечу тебе как родственнику, но никогда не задавай подобного вопроса, коли жить собираешься долго и здраво, кто перед тобой сам тебе всё скажет, если доверяет, или ты сам должен выведать тайком, коли враждебен он тебе. Из росомах я, — и женщина тут же перекинулась через телегу и явила парню свой образ женщины-зверя: тело — человека, а морда, злая, оскалившаяся, и лапы короткие, но мощные — звериные, а потом, перекувыркнувшись обратно, вновь стала маленькой милой женщиной с озорными искорками в желто-карих глазах, — редкие мы и особенные, ибо в роду у нас и звери, и русалки.

— Ух ты, а я даже не знал о таких... то есть о вас, — чуть смутился Ставры.

— Не мудрено, не мудрено. Говорю же, редки такие как я, потому мало кто нас видел. Твой дядя Андрогаст на полдня дар речи потерял, когда узнал, а отец твой советовал ему гнать меня взащей. Но потом, правда, смирился, и мы с ним прониклись доверием. Давно то было, ещё до того, как он с мамкой твоей повстречался.

Юноша, пораженный, промолчал, обдумывая такую весть. Росомахи-оборотни всегда считались злыми и коварными, к тому же больше нечистью, так как кроме звериной сущности был у них и образ русалки, заманивающих неосмотрительных путников. Но и уважение имели из-за своих знаний и умений лечить и грядущее предвидеть.

В молчании доехали они до селения и направились напрямиком на базар, не откладывая дело в долгий ящик.

Село явно знавало лучшие времена. Ставры увидел множество домов, которые когда-то явно бывшие гордостью владельцев, а теперь стояли скособочившись или же опираясь на подпорки. Жители шныряли между ними в одеждах, по сравнению с которыми его собственная, изрядно потрепанная путешествием в два месяца, выглядела почти праздничным нарядом. «Что же мы в этой дыре найдем то?» — подумал юноша.

Базар, вопреки ожиданиям, встретил их буйством красок, звуков и запахов — народу было пруд пруди, то тут, то там раздавались зазывные крики, возгласы торгов на повышенных тонах, гомон животины на продажу, в воздухе стояла смесь возможных ароматов, от которой кружило голову. Совсем потеряв способность ориентироваться в этом безумном пространстве, Ставры принял единственное верное решение — как пёс на привязи, он следовал за супругой лешего. Но и это было не просто: со всех сторон давили, наступали на ноги и били всякой утварью по бокам. Желание перекинуться волком и отвоевать таким образом хоть капельку свободного места просто дурманило разум, но в этот момент Аксинья завела в малоприметную лавку, торговавшую различными травами и снадобьями.

— О, кого я вижу, Аксиньюшка! Не думал, что в этом году ещё увижу тебя, дорогая! Добро пожаловать! — навстречу им ринулся седовласый старичок удивительно низкого роста, даже на фоне невеликой женщины, широко распахнув свои коротенькие рученьки для объятия. — А кто это с тобой, голубушка?

— Ставры, племянник муженька моего. Погостить со своей супругой к нам заехал, — ответила женщина-росомаха, трижды расцеловав торговца, — а это брат мой, Горазд.

— О, будем знакомы, Ставры! Рад знакомству! — похлопал юношу по спине

старичок. — Стало быть ты сын Кондрата. Как отец с матерью поживают? Как сестрица?

— И я рад с вами познакомиться, Горазд. Родители хорошо поживают, на здоровье не жалуются, а сестра с ними осталась, — соврал он, не желая вот так сразу выкладывать перипетии своей жизни первому встречному, пускай и родственнику.

— Прекрасно, прекрасно. Прошу вас, присаживайтесь, — и его ручка приглашающее указала на стол с лавкой, — чайку попьём.

— Да нет у нас времени, братец, чаи распивать, — запротестовала женщина.

— Боюсь, придётся найти времечко, ибо дела чудные и страшные нынче творятся. Томила, Томила, — на его зов откуда-то появилась девушка, сильно похожая и на Горазда, и на Аксинью, — напиши ей всё что тебе требуется у меня и на базаре, и она всё исполнит. А мы пока чай попьём да новости обсудим. Поверь, есть о чем потолковать. Да вы присаживайтесь.

Женщина-росомаха неохотно уселась на лавку, и Ставры присел рядом, а хозяин стал разливать чай по кружкам.

— Так что же ты хотел нам рассказать, братец?

— Да вот нынче времена смутные и тяжкие наступают, — он поудобней сел на стул во главе стола и стал неторопливо макать в кружку кусок сухаря.

— Да не томи уже!

— С севера слухи идут, что зима нынче наступает раньше времени. Раньше времени, суровая, с морозами лютыми, — начал он.

— Так то каждый год брешут, страху нагоняют, — отмахнулась от него Аксинья.

— Не скажи, сестрица, не скажи. В этот раз всё серьезней. Помнишь, где двор Четверка стоял? Так вот, там уже зима во всех правах, а морозы такие, что птицы на лету стынут и валяются вниз кусками льда, — произнёс он и лениво стал отпивать чай.

— А ты не знаешь, что Четвертак наш тот еще брехун-сказитель, — рассмеялась женщина, но как-то неискренне.

— Брехун то брехун, да только его с места не стонишь и взять его ничего не сможешь, а нынче он уже на юга подался, побросав все свое добро.

— Он что, здесь?

— Да нет же, говорю, он на юга подался. Седмицы три уже как здесь был и такого понарасказал, трясясь от страха хуже листа осинового. Говорит, зима злобствует, но хуже всего новая приспешница Белой Царицы лютует.

— Кто такая?

— Говорят, Белая Волчица, — при этих словах у Ставры перехватило дух — не так-то много белых волков в этих краях, — как только мороз лютый ударяет, так она выходит к жилью людскому. Скот режет, но не уносит. Да и людей уже многих погубила или утащила с собой. Одним словом, что-то неладное происходит.

Весь дальнейший разговор молодой просидел как на иголках, мучаясь своей страшной догадкой и не смея подать голос.

Назад они с Аксиньей возвращались в тягостном молчании.

Даринка вела себя как примерная жена. Убрать в доме, приготовить обед и ужин, дожидаться лешего. Неприхотливая женская судьба. Не сказать, что девушке это нравилось, но, с другой стороны, у неё выхода не было. Лишь вылазки в лес как-то скрашивали её существование, которое без них могло бы походило на долю каторжанина.

Каждый день она просыпалась с мыслью о том, что нужно изменить хоть что-нибудь. Что жизнь с лешим похожа на каторгу. Что Егорий, как бы ни старался, не люб ей. От этого становилось ещё горше. Пока муж ходил вокруг да около, Даринка втайне проливали слёзы по Ярополку. Ну не мог он выбрать другую! Ей казалось, что и мужчина вспомнил её, их детские игры и забавы, как сам хвостом бегал за ней, как дразнили в родной деревни дети: «Тили-тили тесто, жених да невеста». Она же сама видела, что полюбилась ему! Она же замечала, как он смотрит на неё! Не хотело успокоиться девичье сердце. Не могло оно вот так просто взять и отпустить Ярополка. А ещё не хотело оно и простить Егория.

А леший из кожи вон лез, чтобы заслужить её внимание. Он ей и пряжу таскал, чтобы она пела в радости, когда по вечерам, сидя под окошком, вязала, лишь бы слышать её нежный голос, и в лес на обходы брал да на охоту, чтобы не томилась жёнушка взаперти и могла бы размять косточки свои да поучаствовать в его делах. Да всё без толку — всё это оставалось лишь счастливыми моментами их совместной жизни двух чуждых друг другу жителей одного дома. Не было бы счастья в его судьбе, да несчастье помогло.

Как-то раз отправились они вновь лес вместе, ибо требовалось проверить, как чувствуют себя волки из его стаи, как свадьбы отгуляли, много ли щенят по весне появится. Егорий надеялся, что Даринка развеется, да и общение с серыми пойдет на пользу её настроению, и, в общем-то, не прогадал. Жена была весела и благодарила его за то, что позволил ей побыть в волчьей стае. Леший лишь опасался, что дома опять всё будет по-прежнему. Вот так, любуясь супругой и размышляя о дальнейшей жизни, он и проглядел опасность, опознав её, когда сверху на них напали.

Они проходили мимо дюжины рядышком росших елей, и Егорий забавы ради решил дернуть еловую лапу, осыпав супругу снегом, но вслед за снежинками с деревьев слетели три десятка бильвиз, мелких, злобных, кровожадных существ с собачей головой, большими глазами, горящими красным огнём, и огромными пастями, усеянными железными зубами. Откуда они взялись на их голову, леший понятия не имел, ибо не встречались они уже множество веков, да и, по преданиям, они должны зимой порой спать в корнях деревьев.

Злобно шипя, злыдни окружили путников плотным кольцом, и тем не осталось ничего, как встать спиной друг к другу и приготовиться к бою.

— Даринка, это бильвизы, и я не встречал их, как с ними бороться — не знаю, — предупредил леший оборотня, — думаю, тебе лучше избрать облик волчеголового.

— Разберёмся, — бросила жена, когда первые нечисти кинулись на них.

Сражающиеся в мгновение ока образовали единый вихрь, в котором было не различить кто где. Вихрь метался по лесной дороге, оставляя за собой кровавые следы, а порой и безжизненные тельца бильвиз. Они оказались достаточно назойливыми и коварными соперниками, силой и умом они, конечно, не отличались, но их численность и ловкость создавали большие проблемы, несмотря на то, что и Егорий, и Даринка сражались в своих самых сильных образах, их одежда уже изрядно окрасилась кровью из собственных ран, а не

только кровушкой нечисти.

Бег времени для Егория замедлился. Краем глаза он заметил пару мерзких тварей, что смогли заскочить на спину возлюбленной и готовились вонзить свои железные клыки в шею. Без промедления он сшиб их рогами, спасая Даринку от гибели, и время снова стремительно побежало...

***

Даринке едва хватило сил уложить лешего на постель. Он пока ещё дышал, и, несмотря на смертельную усталость, она кинулась за водой да за снадобьями. Перво-наперво, смочила его пересохшие губы и стала промывать рваные раны на его груди. «Только живи, родненький, любимый, только живи! Всё прошу!» — она и не заметила, как в её мыслях отвратительный навязанный муж превратился в родного, любимого.

Леший не открывал глаз, лишь слабо стонал, когда она обрабатывать раны. А её руки всё порхали над раненым, как будто Даринка и не изнемогала от боли в суставах, будто не было для неё изнуряющего боя.

Закончив с ранами, жёнушка влила ему живительного отвара, предварительно разжав зубы кинжалом, и, не удержавшись, коснулась губ поцелуем. Она сама уже не знала, что и к кому чувствует. Ярополк не покидал её мысли, но после происшествия в лесу она уже готова была простить лешего — лишь бы тот очнулся.

Ночь казалась бесконечно длинной. Она наблюдала за сном Егория с тревогой. Леший периодически звал её, и ей приходилось часто брать его за руку, говоря этим, что она рядом.

***

Егорий проснулся под утро от необычного ощущения нежного поглаживания груди. Приоткрыв лишь один глаз, он увидел, что Даринка сидит на краю кровати, одной рукой глядя его грудь, а другой размазывая слёзы по лицу. Он нежно накрыл её руку, и женщина вздрогнула от неожиданности.

— Чего плачешь, жена? Живой я, не видишь...

— Я боялась за тебя...

Егорий притянул её за руку к себе, а Даринка и не сопротивлялась, а лишь неуклюже завалилась ему на грудь, потревожив раны.

— Ой, прости... — начала было она, услышав сдавленный стон, но его губы прервали её слова, а она страстно ответила ему.

***

Ярополк же в это время метался по хате как раненый зверь. Не слушая увещаний матери насчет завтрашней свадьбы, он готов был сбежать, и пару раз у него почти вышло, но дружки были настороже, втолковывая ему: «Куда же ты, глупец, от своего счастья-то бежишь? Мы хотим погулять на твоей свадьбе, а то никак не пойдем, стоит ли нам самим жениться».

Свадьба стала ярмом. Да не любит он Светлану! Хоть тресни! А то, что родители договорились их поженить ещё в детстве, вгоняло его в отчаяние. Да, может, лет в десять Светлана была для него другом, но не сейчас. Сердце рвалось к Даринке, которую он смог вспомнить.

***

Светлана же накануне свадьбы блаженствовала. Заканчивая последние приготовления наряда, она, взяв красную шаль, решила проведать бабушку. Путь пролегал через небольшой пролесок.

Радостная девушка несла в корзине испеченные пироги, не замечая, что её уже преследует кто-то в серой шкуре. Когда до домика бабули оставалось совсем немного, её кто-то схватил, натянув что-то тёмное на глаза, и затащил в какой-то сарай. Она успела закричать, и крик разнёсся по округе, потом девушка почувствовала требовательные прикосновения мужских пальцев к тайным местам. Кто-то заткнул ей рот и вторгся в её лоно. Потекли слёзы. От супостата мерзко воняло перебродившей брагой. От омерзения и страха Светлана не могла пошевелиться, а лишь мычала с кляпом во рту. Его резкие рваные движения причиняли боль и вызывали тошноту.

Вдоволь насладившись девицей, кто-то полоснул её по горлу, и наступила спасительная темнота.

Утром запорошенный снегом труп нашел козопас на одиноком холме. Он и принёс весть в деревню.

Гавры провела большую часть дня лёжа в постели. Акси́нья хлопотала вокруг неё. Когда же беременная девушка попыталась встать с постели, то заметила, что вся её рубаха мокрая. Акси́нья как раз в этот момент щи варила, и Гавры не на шутку испугалась, когда живот начал нестерпимо болеть, и пошла кровь.

— Помогите! — крикнула девушка, еле удерживая равновесие. — Как же больно-то!

— Ложись обратно, — на крик прибежала хозяйка, — так, хорошо. Лежи.

Акси́нья быстро подготовила всё для родов. Чистые простыни и лохань с водой в мгновение ока оказались в спальне.

— Акси́нья, мне страшно, — завывала Гавры, вертясь как уж на сковородке.

— Так. Хватит метаться! — тут же остановила её лихорадочные движения хозяйка. — Раздвинь ноги. Возьми меня за руку и тужься.

— Аа-а-а-а! — женский крик разнесся по всему лесу.

Гавры с ума сходила от боли и кричала, не переставая ни на мгновение, а за дверью Ставры лез на стенку, не зная, чем помочь жене. Несколько раз он порывался ворваться в горницу, где мучилась супруга, но дядя настойчиво и достаточно жёстко усаживал на лавку.

Она лежала вся в крови, изнемогая от женской доли, когда в комнате раздался плач младенца, а за стеной вздох облегчения и крик: «Ну, теперь-то можно?!» — и влетел муж, срывая дверь с петель.

— А ты молодец, — похвалила её Акси́нья, передавая нежно матери чадо, — смотри, какой у вас ребёночек замечательный!

Гавры бережно приняла розовый сморщенный комочек, по-прежнему сотрясавший воздух молодецким криком, и приложила к груди, от чего тот вмиг успокоился.

— Мальчик, — чуть растягивая, произнесла она, и устало улыбнулась мужу.

У молодого же отца на лице блуждала идиотская улыбка, полная счастья.

— Хорошо, — молвила хозяйка дома, — я сейчас принесу подкрепиться роженице, и ты можешь побыть с ней, пока я не приду, — и удалилась за дверь.

Гавры-Лада чувствовала себя счастливой, только не могла понять, то ли от рождения ребенка, то ли от того, что прекратилась боль. А Ставры всё так и стоял как истукан с глупой улыбкой.

— Хочешь подержать его? — тихо спросила она мужа, — эй, он ведь не сломается.

— А... чего... — вышел из оцепенения мужчина, — ага, я так мечтал, — и протянул руки, осторожно поднимая ребёночка.

— Как назовём? — спросил Ставры.

— Асташ.

— Лучше Угрим.

— Нет! Жидислав!

— Смешное имя. Как тебе Егуп?

— Не нравится. Может, Дивей?

— Моего сына так звать не будут! — заводясь, бросил Ставры.

Гавры вдруг стало горько и обидно, что они не могут договориться об имени сына, но ситуацию спасла Акси́нья, вернувшаяся с едой для роженицы.

— Хорош спорить! Нашли время, — молвила она, ставя поднос возле женщины, — на

третий день придут суденицы судьбу нарекать, они и помогут вам сына назвать. А ты, папаша, ступай, жинке твоей отдых требуется, — выставила Ставры за дверь.

Его уже поджидал Андрогаст.

— Ну, мои поздравления, папаша! — и с силой хлопнул Ставры по плечу, — это надо отметить, — с заговорщицким видом подмигнул.

— Да... наверное... — парень потёр ушибленное плечо.

— Что-то ты не радостный какой-то. На вот, выпей, — сказал хозяин и протянул стакан с мутной жидкостью.

Ставры залпом выпил, не разбирая ни вкуса, ни запаха, и лишь потом закашлялся.

— О как! Ну, ты силён, племяша! — и ещё раз крепко саданул по ноющему плечу.

— Эй, что это вы здесь устроили? — раздался из-за спины гневный голос Аксины. — Ты бы хоть стол накрыл, окаянный!

— Обижаетесь, хозяйка, — и леший с по-детски огорченным видом рукой махнул в сторону накрытого стола, — всё в лучшем виде.

Стол и вправду ломился от различной снеди — тут были рыба закопчённая и мясо зажаренное, грибы засолённые и овощи свежие, не весть каким образом найденные посреди зимы.

— Ну, а тогда чего стоя то? — сменила гнев на милость женщина-росомаха, — давайте присаживайтесь. В самом деле, отметить надо, пока мать с дитём отдыхают.

Но не успели они рассестись за столом, как в дверь настойчиво постучали.

— Кого это черти принесли? Сиди, Ставры, пойду сам открою, — сказал Андрогаст и вышел в сени.

Вскоре он вернулся да не один — вслед за ним к столу подошёл Медведко.

— Проходи, гость дорогой, присаживайся за наш стол, — пригласил берендея леший.

— Благодарю, хозяева, — поблагодарил оборотень и уселся за стол напротив Ставры, пока Аксины ставила на стол новую посуду. — И ты здравствуй, Ставры. Помнишь меня?

— А как же, дядя Медведко.

— Да уже можешь меня просто Медведко называть. Какой я тебе дядя? Смотри сам, какой вымахал. Слышал, отцом скоро станешь.

— Уже стал наш племянник, — за парня ответила хозяйка, — только что жена его родила здорового карапуза.

— О, мои поздравления! Извиняй, что без подарка.

— Да какой там подарок! Я вас-то не ожидал здесь увидеть! — ответил Ставры.

— Честно говоря, и я не хотел бы тебя сейчас видеть, точнее, не по такому поводу, — сказал гость, мрачно уставившись в свою тарелку.

— Что такое? Что-то с родителями? — заволновался парень.

— В общем, да. Ссора у них лютая.

— Какая такая ссора? — встряла Аксины.

— До вас дошли уже слухи о новой приспешнице Царицы Зимы? — Медведко обвёл всех глазами и, получив утвердительные кивки, продолжил: — так та белая волчица, что зовут теперь Моревной, твоя мать, Ставры, а лютует она пуще любой нечестии, бесчинства творя как с людьми, так и со зверями. И отец твой созывает всех, кто способен выступить с ним в поход против белых полчищ.

У Ставры сердце ушло в пятки: ни в жизнь он не подумал, что родители могут поднять руку друг на друга, а тут отец собирает армию против матери своих детей.

— Когда нужно выступать, дядя? — он с трудом сдержал дрожь.

— Чем скорее, тем лучше, — ответил медведь-оборотень, — и вас, Андрогаст и Аксинья, мой леший призывает.

— Нет, я останусь с роженицей. Надо малыша ещё выходить, — ответила росомаха, — а ты, муженёк ступай с ними, только нареченья дождитесь малыша — послезавтра оно уже.

— Ну, до нареченья уж, я думаю, мы сможем задержаться, но не дольше, — в ответ молвил медведь.

— Ну и ладно, послезавтра так послезавтра, а сейчас угощайся, гость дорогой. Нечего с дороги натошак дела обсуждать, — подытожила Аксинья.

***

Выехали они под вечер третьего дня, аккуратно после того, как три старушки-прорицательницы, сделав своё дело, покинули дом Андрогаста. Сидя в санях, они, Ставры, Андрогаст и Медведко, более молчали, лишь леший порой погонял тройку жеребцов. Надёжнее было, конечно, запрячь кобыл, но берендей постоянно торопил, поэтому и решили выбор остановить на более горячих жеребцах. Говорить не хотелось никому — слишком много было уже обговорено, и каждый сейчас сам обдумывал свои мысли.

В голове Ставры был целый рой этих самых мыслей, который он пытался усмирить. Больше он старался думать о Гавры и Моесиле, сыночке своем: как они без него будут там. Он очень боялся, как пройдет наречение — слишком много страшных сказок о суденицах рассказывали в детстве, но в итоге всё прошло весьма спокойно. Три достаточно милovidные старушки постучались в дом Андрогаста с утра пораньше, но их уже всюю ждали: Аксинья же наготовила всяческой еды для угощения гостей, а Ставры не отходил ни на шаг от жены, которая прижимала к груди малыша. Лишь слегка перекусив с дороги, наречницы надолго заперлись вместе с матерью и малышом в горнице, велев никому не вмешиваться ни при каких обстоятельствах, что остальные все и выполнили, устроившись на кухне. До них доносились то странные песнопения, то детский плач, то женскиепричитания. Лишь к обеду дверь в горницу отворилась, и было оглашено имя мальчика — Моесил.

Пока прорицательницы угощались за столом, Ставры сидел возле Гавры и малыша. Он сразу рассказал супруге о визите Медведко и о своём скорейшем отъезде, но так и не мог назвать истинную причину тревоги отца. Не решался он сказать сестре, что виной всему их собственная мать, которая пустилась во все тяжкие, а, возможно, и решила рассудка после их ссоры. От этого парень чувствовал вину перед женой.

А также он корил себя за ту ссору, что погнала его и сестру на восход. Если бы он был тогда не столь горд, не столь упрям, то, может, ничего бы не случилось, и мать, остыв и успокоившись, смогла бы принять их решение, их стремление быть настоящей семьей. Если бы, если бы, если бы...

Ярополк проснулся со скверным настроением. Сегодня его свадьба. «Пусть случится что-нибудь, только бы не было этого дня!» — лихорадочно цепляется он за призрачную надежду, пропуская какие-то странные разговоры дружков мимо ушей. Но вдруг мать вбежала в дом как угорелая, прося воды испить.

— Что такое? — спросил Ярополк, уже предчувствуя неладное. Обычно мать ходила степенно, а не бегала как молодая девчонка.

— Светлану, невесту твою, нашли мёртвой! — ответила баба.

— Ура! — радости парня не было предела. Спohватившись и получив укорительный взгляд старушки-матери, Ярополк стушевался: — Я хотел сказать, что ужасно. Когда это произошло?

— Козопас Матвей нашёл её сегодня. Мать говорит, что накануне вечером она ушла к бабушке, и с тех пор её никто не видел, — на одном дыхании вывалила мать всё, что знала.

Ярополк уже не слушал. Мечты превратились в осязаемую реальность. Он свободен как птица сокол в синем небе! Никакой невесты — никакой свадьбы! Теперь он имеет полное право навестить Даринку. Он готов уже стремглав лететь к возлюбленной, но матушка даже теперь смогла подрезать крылышки:

— Похороны будут через три дня, надо будет помочь её родне, — сухо сообщила она.

— А это обязательно? Можно как-нибудь без меня обойтись? — он даже не мог сдерживать разочарования.

— Ты что, дубина стоеросовая? Это я на ней жениться собиралась?!

— Ты же, матушка, прекрасно знаешь о моем «горячем» желании этой свадьбы!

— Аль уже к другой собрался, паскудник? Вот сейчас покажу тебе, где раки зимуют! Собрался он уже по девкам!

— Ладно, ладно, что нужно делать?

Ярополк сам не помнил, как пролетели эти три дня, как прошли похороны. Мать постоянно бранилась, ибо все он делал невпопад. Все его мысли обитали там, в лесу, где была его Даринка. Он уже вовсю представлял, как помчится к ней, как уведёт ее от ненавистного лешего.

***

Даринка же не подозревала, что Ярополк приближается к её дому. Она ждала лешего. Стук в дверь отвлек молодую женщину от любимой прялки.

— Что надобно? — спросила Даринка недовольным голосом.

— Милая, это Ярополк, — ответил знакомый мужской голос.

Открыв дверь, она собиралась залепить пощёчину и высказать всё, что думает о предателе, но попала в крепкие объятия. Ярополк кружил её как маленькую, не забывая целовать.

— Что ты тут делаешь? У тебя же свадьба? — обалдевшим от такой встречи голосом спросила женщина-волк.

— Да какая к чёрту свадьба! Свободен я, Даринка! Понимаешь, свободен! — радостно кричал шаман.

— А как же невеста? Родня там? Сговорились ведь? — недоумевала она.

— Нет больше невесты, померла она, — наконец-то отпустил он свою

возлюбленную, — убили её накануне свадьбы.

— Ты? — ужаснулась Даринка.

— Окстись! За кого ты меня принимаешь?! Никто не знает, преступника ещё не нашли, — стал защищаться Ярополк, — не скрою, её смерть оказала мне большую услугу, но я никогда не поднимал руки на женщину.

— А как же вужалка? — уже съехидничала оборотень.

— Ещё раз повторяю, я только защищался от этой мегеры! — начал слегка злиться он. — Неужели ты не рада?

— А с чего я должна радоваться, скажи мне, пожалуйста? Я теперь замужняя, и замужем за нелюбимым! — стала наступать Даринка на влюблённого мужчину. — Это ты ведь забыл обо мне, когда я не переставала думать тебе со дня твоего отъезда из нашей деревни!

— Да, знаю, что виноват, но я тебя вспомнил, когда ты меня выхаживала, и думал, что глянулся тебе. Только к тому времени матушка уже сговорила о свадьбе.

— Да ничего уже не поделать, милок, время ушло и не воротится, теперь я уже не твоя, а Егория.

— Можно! Мы убежим с тобой, Даринка! — горячо заявил мужчина.

— Да куда ты бежать собрался? Оглянись, кругом лес, а лес — это вотчина его!

— В город, милая, в город!

— И что же мы будем делать там, в городе твоём?

— Жить, Даринка! Жить как нормальные люди! Без всякой здешней нечисти! Разве ты этого не хочешь?

— Как же ты представляешь эту самую нормальную жизнь? С нашими-то возможностями? — почти кричала Даринка.

— Да просто! Ни ты, ни я не обязаны ими пользоваться, правильно? Так и не будем! Кто нас там заставит?

— А если дети в нас пойдут? Как ты их заставишь?

— Милая, пока дети обретут их, пройдёт очень много лет, уж что-нибудь придумаем, а нет, — так уйдём в другое место.

— Возможно, но как мы до него доберёмся, ведь у лешего везде соглядатаи?

— Придётся быть осторожными и быстрыми. Нужно будет уходить утром, как он отправится в лес. Ты обернёшься волком, а я соколом. До вечерних сумерек нужно быть далеко отсюда, — горячо призывал Ярополк, — или ты боишься?

— Конечно, я боюсь! А вдруг он нас настигнет?

— Даже если настигнет, то что с того? Тебе он ничего не сделает, а меня попробуй, нагони.

— А если нагонит? А если он тебя убьёт?

— Как он меня догонит? Кто может быть быстрее сокола? Ну, давай же, соглашайся!

— Не знаю, не знаю. Надо всё как следует обдумать. Давай приходи дня через два на утренней заре, только убедись, что Егорий уйдёт. И будь осторожен, Ярополк. Ты слышишь меня?

— Да, любимая, всё сделаю, как ты велела.

***

Даринка смотрела на спящего лешего. К ней же сон совсем не шёл. Мысли возвращались к Ярополку и к его плану. Не забыл всё-таки, любит ещё.

Конечно, побег был выходом. Но и предательством. Если убежит, то предаст Егория и своё супружество. Несмотря ни на что, леший явно полюбил её, заботился и опекал, хоть и знал, что не мил её сердцу. А тогда в лесу на дороге и вовсе спас её от гибели, спас и сам чуть не погиб. Когда она его выхаживала после того боя, даже показалось, что смог он проникнуть в сердце её. Возможно, как в старой поговорке: «Стерпится — слюбится», — именно так и у неё, возможно, она уже полюбила его? Если останется, предаст собственное сердце, которое берегло образ того десятилетнего парнишки, что всегда был с ней, того Ярополка, которому она всё всегда рассказывала и ни разу о том не пожалела, ибо он хранил её тайны, как свои. Правда, он её позабыл, пока не встретил снова... Но он же сейчас примчался к ней и пообещал забрать с собой, поманил нормальной жизнью, жизнью без всякой нечисти...

Даринка глянула на луну, чей слабый свет просачивалась сквозь занавески. Сон всё так и не шёл; хоть она и приняла решение, но сомнения всё же блуждали в голове. Ну и пусть всё идет к чертям, она будет со своим любимым. «Только кто он, любимый? Ярополк? Егорий? Да что привязался этот леший, не люб он мне! Меня заставили!»

Женщина приняла нелёгкое решение. Она сбежит. С Ярополком. И будь что будет.

По пути им неоднократно пересекали стада и стаи животных, которые в безумной спешки неслись на юг.

— Знать-то совсем близко Морена, — мрачно бубнил под нос каждый раз Медведко.

Довелось им проезжать через одну деревеньку, где побывали полчища Царицы Зимы. Селение встречало гробовым безмолвием, которое нарушали карканье и хлопанье крыльев воронья. Повсюду, куда бросали свой взор путники, были тела сельчан. Какие-то лежали окровавленными трупами, а некоторые возвышались ледяными статуями, на лицах которых застыли их предсмертные муки.

Андрогаст первый вылез из саней, а уже за ним нехотя последовали товарищи. Леший подошел к одному трупу, тщательно осмотрел и перешел к другому.

— Того, — он махнул рукой в сторону первого убитого, — я так понимаю, растерзал волк. А что же послужило погибелью этому? Здесь раны непохожие на следы зубов или когтей, здесь что-то другое.

— Чудь, — глухо, почти себе в бороду ответил берендей.

— Кто? — хором переспросили леший с племянником.

— Чудь белоглазая. Жуткое племя, считавшиеся вымершим. Говорят в старину они наводили ужас на своих соседей. Жили под землей в рукотворных пещерах, добывали руды да камни драгоценные, а в качестве развлечения у них были набеги на людские поселения, где они жгли, убивали и брали пленников. Одни говорят, что пленников они обращали в рабство, и они гибли от непосильного труда в каменоломнях. А другие баят, что над пленниками проводились то ли жуткие опыты, то ли мерзостные ритуалы. В любом случае плененный чудью все равно что мертвый, — пояснил Медведко.

— И ты хочешь сказать, что они восстали из мертвых? — ошеломленно спросил Ставры.

— Восстали или не восстали, но точно идут вместе с Марой-Моревной и белыми волками во главе армии Царицы Зимы.

Андрогаст громко свистнул, потом еще два раза повторил, и через пару мгновений ему на плечо уселся один из воронов, что наслаждались трупным пиром в селении. Леший что-то нашептал, и птица, взмахнув крылами, умчалась в сторону его жилища.

— Дядя, ты отправил послание? Кому? — удивился парень.

— Аксины. Пусть посылает нам вслед зверей, а то чую не управиться нам своими силами. Правда, немного по такой поре выступают — что у медведей, что у волков и росомах сейчас самки или на сносях, или же только разродились, как твоя миленка, — ответил леший и тут же обратился к человеку-медведю, — а как эту твою чудь отличить от людей? Белые глаза слишком маленький признак — пока разглядывать будем, они нас всех и положат.

— Хм, — ухмыльнулся Медведко, — поверь, сразу отличишь. Во-первых, они роста огромного. Сколько бы ты людей не встречал, а того роста ты в жизни не видывал. Ну, а во-вторых, у них нет головы, а лико их злобное на груди находится.

— И вправду, чудь, по другому и не скажешь, — не весело улыбнулся леший, — давайте посмотрим, не осталось где сена лошадей покормить.

Сено удалось найти без проблем — все постройки в деревни оказались нетронуты, и запасы сена, зерна, муки и прочего были в достатке. Только вся скотина вырезана — все

дворы были завалены трупами, обглоданными или же нетронутыми, животных вперемешку с телами хозяев. Покормив лошадей, Медведко стал настаивать на незамедлительном отправлении в путь.

— Что мы вот так и оставим их всех непогребенными? — запротестовал Ставры.

— Да нет у нас времени церемонии разводить! — вспыхнул берендей.

— Постой, не кипятись. Малой ведь прав, — вступился леший за племянника, — времени на церемонии и обряды, конечно же, нет, но давайте свалим все тела в один сарай с сеном и сожжем всех, а то очень я уж боюсь, что из неупокоенных новые полчища придут к снежной владычице. Мы же не знаем, вдруг у нее какие колдуны да ведьмы есть.

На том и порешили. Полдня ушло у них на то, чтобы собрать тела и людей, и скотины по всей деревни и свезти на санях в одно место. Больше всего трудов доставили ледяные статуи, которых приходилось сбивать с места их гибели. Устроив общий погребальный костер, они лишь к вечеру отправились в дальнейший путь.

Но только они въехали в лес за деревней, как тут же были атакованы стаей белых волков. Они выскочили из-за сугробов, что лежали вдоль дороги, незамеченные благодаря своему окрасу. Вожак сразу же попытался вцепиться в горло коренному, но тот смог увернуться и, ошалев от страха, вместе с другими понес сани с жуткой скоростью.

Путники тут же соскочили с саней, перекидываясь в новые образы. Численное преимущество было на стороне нападавших, но все дело решил разум оборонявшихся и их смекалка и взаимовыручка. Схватка еще толком не началась, как уже четверо хищников поплатились жизнью за свое стремление первыми впиться в чужую плоть. Потеряв еще троих стая поспешила ретироваться.

— Легко отделались, хлопцы, — подвел итог бою леший, оглядывая товарищей, — только догнать нам еще наши сани, — и они тут же рванули по следам полозьев.

Жеребцов с санями они нагнали спустя версты три — те уже умили свой бег и послушно остановились, услышав команды знакомого голоса Андрогаста.

***

Ребенок верещал и все никак не хотел успокаиваться. Гавры укачивала его, но все без толку, словно Моесил хотел вывести ее из себя. Молодая мама и по хате ходила, и грудь давала — мальчик продолжал голосить как оглашенный.

— Погуляй с ребенком, — посоветовала Аксиныя, — авось и успокоится.

Гавры вышла на улицу, прижимая сверток к себе. На свежем воздухе и дышалось легче, и Моесил все-таки заснул на её руках.

Дул неприятный холодный ветер, развивая черные волосы девушки. Её не покидала тревога. Ей казалось, что Ставры бросил её вместе с сыном, выбрав войну. А отец... отец даже на внука не посмотрел — сразу ринулся в бой. Что это за народ такой, мужики? Все им войны да сражения. Вон, даже такой домовитый Андрогаст мигом собрался и помчался на подмогу брату. И сидят теперь они одни вместе с Аксиной, две женщины с грудным ребеночком на руках, ожидая невесть чего... Ожидая хотя бы весточки.

И весточка не заставила себя долго ждать. Не прошло и пара суток, как на дворе громко закаркал ворон. Он долго оглашал окрестности прежде, чем Аксиныя вышла из дома. Вернулась она обратно с весьма задумчивым видом.

— Что случилось? — забеспокоилась Гавры.

— Андрогаст велел всех зверей что можно отправить вслед за ним в подмогу, — меланхолично ответила женщина росомаха.

— Что значит на подмогу? Они уже бьются? — тревога пожирала сердце молодой матери.

— Не знаю, он ничего больше не сообщил. Только чтобы зверей послала, — все также ответила хозяйка дома и стала машинально одевать теплую одежду.

— Вы куда, Акси́нья, собрались?

— В лес вестимо. Волю муженька исполнять, — ответила та также меланхолично, а потом вдруг выдала свое негодование. — Вот вернется он у меня! Вот я ему устрою! Будет у меня знать, как о себе вестей не слать, о здоровье своем! Ладно, раз послал — то живой! Но мог ведь сказать здоров или ранен, чай не прогулку отправился! Уже детей вырастил, а все такой же охламон!

***

Прежде чем вновь продолжить свой путь, путники задали воды и корм лошадям, а сами внимательно оглядели друг друга, проверяя нет ли серьезных ран, но кроме мелких царапин у Ставры и Медведко ничего существенного не оказалось.

Когда же кони удалили голод и жажду, и товарищи готовились к дальнейшей дороге, до них с полуночной стороны донесся приглушенный шум, напоминающий отдаленный грохот начинающегося ледохода.

— Что это? — недоуменно спросил Ставры.

— Это льды наступают, — ответил ему берендей и зло сплюнул через левое плечо, — везде где пройдут снежные полчища, за ними приходит ледник.

Ставры и Андрогаст лишь растерянно переглянулись.

В избе Кондрата стояла жуткая духота: для помещения где скопилось множество народа было страшно натоплено. Первым делом как вошел Ставры с сотоварищами, он заметил здесь Арысь с мужем, Жабалку и Воструху, который имел на редкость воинственный вид, пока не заметил своего воспитанника.

— Ставры, как рад тебя видеть! — накинулся он. — Как живешь, как поживаешь? А Гавры с тобой?

— Не плохо до последнего времени, Воструха дорогой, — прервал он поток вопросов, — а Гавры осталась, она только родила.

— И кого? Мальчика? — не унимался тот.

— Да, Моесилом назвали.

— Молодцы, хорошее имя выбрали. Богатырем будет...

Но Ставры уже его не слушал пробиваясь к отцу.

— Здравствуй, сын! Я рад что ты приехал, да не один! — горячо приветствовал тот.

— Здравствуй, отец! И я тебя рад видеть, да только не могу сказать, что обрадован обстоятельствами нашей встречи, — ответил сын-оборотень.

— Приветствую, брат мой! — дошла очередь до Андрогаста, и они крепко обнялись. — Сколько лет, сколько зим? Наверное, с рождения твоих сопляков не виделись? А они у тебя славными выросли, а Ставры и вовсе мужиком настоящим уже стал.

— Да, детьми не обижен, брат.

— Кондрат, нам многое надо рассказать, многое по дороге видели... — начал было Медведко, но леший его прервал.

— Вот сейчас прямо всем и расскажешь! Так, гости дорогие, сейчас Медведко поведаст, что он видел в своей дороге! — и гул в избе прекратился.

Рассветало. Солнце появилось на горизонте, бросая на землю первые лучи. Даринка ждала Ярополка на краю леса. Женщину уже начали мучить вопросы, так как любимый задерживался — что, если он не придет? Что будет, если леший их поймают? О последнем совсем не хотелось думать, но мысли упорно лезли в голову.

Стараясь успокоиться, Даринка смотрела, как просыпается природа. Как появляются первые животные, наполняя лес разнообразными звуками. Услышав хруст ветки за спиной, она испуганно обернулась — это оказался Ярополк.

— Почему так долго? — недовольно спросила она.

— Еле увернулся от вопросов матери, куда мне нужно в такую рань, — сообщил Ярополк. — Ты готова?

— Да, — Даринка взяла узелок с вещами, что собрала ещё вечером. У Ярополка был такой же: — Но мне страшно.

— Зато ты будешь свободна, — напомнил парень.

Даринка вздохнула. Свобода... а была ли она у неё? Или будет? Она освободиться от лешего, но что ждет их в городе — никто не знает. Слушая трескотню Ярополка о лучшей жизни вполуха, она осознала, наконец, что свобода — это умение распоряжаться своей судьбой, не завися от мнения других.

Большую часть пути они преодолели в образе зверей: Даринка бежала серой волчицей, Ярополк летел над ней соколом. Вроде все складывалось хорошо, и вскоре после полудня они решили сделать привал, чтобы передохнуть и подкрепиться. Горячий чай грел и душу, и тело своим теплом. Даринка уже потихоньку начала верить в успех побега, когда Ярополк задал странный вопрос:

— Мне кажется, дорогая, или же у тех сугробов человеческие лица? — и махнул в сторону трех сосен, что располагались ближе всего к ним.

Женщина-волк посмотрела в ту сторону. Поначалу показалось, что пред ней сугробы как сугробы, но вдруг какое-то еле заметное движение, и она отчетливо увидела девичье личико, которое буквально буравило ее своим взглядом.

— Бежим! — только и крикнула Даринка.

— Куда же ты? — растеряно воскликнул спутник.

— Это гаевки! Шпионы лешего! Егорий уже знает о нашем побеге! — и еще быстрее припустила она в сторону города, перекидываясь в волка.

Ярополку не оставалось ничего, кроме как последовать ее примеру, и, перекинувшись в сокола, он взмыл ввысь.

Дальше, до самого края леса они не решались сделать привал — раз уж гаевки их обнаружили, то наверняка леший уже снарядил в погоню всех, кого только мог. Поэтому они весь остаток дня и всю ночь провели в дороге, благодаря чему с утренней зарей их взору предстала усыпанная снегом большая равнина, чей противоположный край скрывался за горизонтом, на котором маячили спасительные городские стены. К ним вела большая наезженная дорога, по которой, не взирая на ранний час, уже катились крестьянские сани и шныряли вооруженные всадники.

Только здесь, на опушке леса, Даринка и Ярополк позволили себе краткий отдых, после которого, отдышавшись и вернув себе человеческие обличия, стали выбираться на дорогу.

— Нужно прибиться к какой-нибудь телеги, что бы побыстрее попасть в город да и у стражи меньше подозрений, — предложил мужчина.

— Хорошо. Мне так уже не терпится попасть под защиту стен, а то я постоянно чувствую чей-то недобрый взгляд на спине, — поддержала она его идею.

— Тогда давай поторапливаться. Вон, как раз богатые сани идут, к ним примкнем. Только давай договоримся, что говорить с возниким я буду и что зовут нас Вадим и Голуба. Идет?

— Да, милый. Давай уже пойдем.

Тяжело нагруженные сани ровно катились по утрамбованному снегу. Хозяин лишь вяло погонял свою кобылу и лениво пытался скоротать дорогу беседой с нечаянными спутниками.

— Стало быть с женошкой решил в город на заработки податься, Вадим? — голос его сипел.

— Да, решили вот поискать лучшей жизни.

— А с чего это? Вроде бы не бедна одежда ваша, да и на обездоленных не похожи?

— Вот какая незадача — никак моя родня не примет мою избранницу, уж год как поженились, да все ни в какую. То им этим не угодит, то тем. А я ее пуще жизни люблю, и на сносях она у меня уже. По тому и решили в город податься.

— Хм. Родня, говоришь, не принимает... Да бывает такое. А из какой деревни то сами будете?

— Да из Острожанок.

— Бывал, бывал там. Хорошая деревня, и староста у вас мужик дельный.

— Да, не то слово. Мужик хороший, справедливый, все толком ведет.

Даринка и сама не заметила, как задремала под звуки их голосов. Разбудили ее возгласы стражей и возникшего.

— Зачем прешь, старик?

— Да вот, на рынке хочу муку продать, да детям гостинцев прикупить.

— А кто это с тобой?

— Да родственники с дальнего хутора, впервые из глуши выбрались, хотят город посмотреть.

— Причащались уже или нечистые еще?

— Да упаси тебя! Сам лично к батюшке водил и проследил, чтоб все честь по чести.

— Ну проезжай тогда. Да живей, не задерживай!

И сани снова тронулись.

Как только они проехали городские ворота, их охватила волна самых разнообразных звуков и запахов. Даринки, привыкшей к чистому лесному воздуху, досаждали ароматы городской жизни: запахи готовящейся еды непредсказуемым образом смешивались со зловониями помоев и испражнений. Ярополк же, казалось, даже не обратил на это внимание и продолжил свою беседу с возниким:

— Скажи, уважаемый, а что это за причащенные и нечистые, о которых ты со стражниками говорил?

— А, стало быть ты не причащенный. Как знал. Не переживай. Новую моду в сем граде взяли упоминать какого-то бога и вот так делать, — он двумя пальцами правой руки коснулся лба, живота, затем груди слева направо, а потом приложил раскрытую ладонь к сердцу, — запомнил? Ну, раз запомнил, то почти все узнал. Делай просто каждый раз, как

увидишь здание с восьмиконечным крестом и серых братьев.

— Каких таких серых братьев?

— А ты их сразу узнаешь — ходят такие все в сером и за бога своего втолковывают.

Главное не спорь с ними, и все путем будет.

— Спасибо, что просветил неразумных.

— Да что уж там.

— А не подскажешь еще, где бы нам косточки свои кинуть на первое время?

— А чего не подсказать то. Я сейчас до рынка доеду, а вы прямиком дальше по улице.

Третий дом справа будет, так туда и стучитесь. Спросите Игната, да скажите что от Василия.

— Спасибо тебе еще раз добрый человек.

— Та уж как-нибудь сочтемся, коли судьба позволит.

Послесловие

Сердце Ставры билось учащенно. Его лапы покрывали версту за верстой. Рядом с ним бежали все звери, что смогли пережить сражение, и теперь он вел их за собой в лес Адрогаста, который теперь, возможно, остался без хозяина и вряд ли надолго станет их убежищем — Царица Зима наступает, что подтверждал сопровождавший их бегство треск сминаемых ледником деревьев.

Ставры еще на совете стал протестовать против отведенной ему роли главного стаи, что стала резервом отряда отца: они должны были ждать за пригорком, что был позади отчего двора, и вступить в бой как только защитники запалят сигнальный огонь. Ох, и не нравился ему такой план, но раз так нужно...

Когда же он увидел условный знак и повел свою стаю на подмогу, то уже издали до него дошло понимание, что огонь был запален слишком поздно. Смяв, неожиданных их появления белых волчар, они ворвались через снесенные уже ворота во внутренний двор.

Увиденное поразило его. Весь двор был устлан телами защитников и нападавших, а посреди него над поверженным телом отца во весь рост возвышалась фигура белого волколака, который задрал к небу свою морду и огласил всю округу своим победным воем.

— Мама! — лишь закричал Ставры и замер на месте.

В тот же миг оборотень обратил к нему взор своих налитых кровью глаз и кинулся в атаку.

У парня тело было сковано каким-то параличом, он не мог сдвинуться с места, хотя прекрасно понимал, что ему грозит гибель от клыков и когтей собственной матери, но так и стоял на месте, пока его не сбilo с ног чье-то бурое тело.

— Беги, дурак! И уводи всех уцелевших зверей! Беги до Аксины и дальше на полдень! Спасай ее и своих! Ну же, беги! — услышал он приказы дяди, который перешагнул через него и вместе с берендеем заступил дорогу белому оборотню.

— А как же отец?!

— Ты ему уже не помощник! Прочь!

На негнущихся ногах Ставры бросился вон со двора, уводя живых волков, медведей, росомах и прочих выживших зверей.

В голове до сих пор не укладывалось, что его родная мать хладнокровно расправилась с отцом и готова была также поступить с ним, собственным сыном.

Но мысли о гибели отца он гнал прочь. Сейчас он стал за старшего, сейчас ему нужно было думать как уберечь и родную сестру, ставшей ему и женой, и матерью ребенка, и Аксиныю, сотворившая столь добра для него и Гавры, и зверей, что остались без своего хозяина.

***

Черный ворон, таясь, следил за парой беглецов. Те же его совсем не замечали, увлекшись разговорами и мечтами о новой жизни. Вот они вышли к дороге на город, а ворон все кружил над ними. Девица обернулась пару раз, услышав, что за ними кто-то идет, но никого не увидела.

Дальше до города парочка проделала в санях какого-то сердечного крестьянина, который провез их в город. Вот они постучались в малоприметный дом сразу рыночной площадью. Ворон обследовал каждое окно этого здания, пока не нашел их, занимающими

маленькую комнатушку, что выделил им хозяин.

«Знать все-таки выбрала своего Ярополка, внученька... Но зачем же нужно было бежать от деда своего, да еще в этот серый клоповник? Разве для городской жизни мы тебя с бабкой растили? Ничего, ничего, внученька, Даринка родненькая, поймешь еще свое предназначение, вернешься в леса. Вот увидишь. А я пока обожду», — размышлял Козьма, стоя на крыльце собственного дома.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Больше книг на сайте - Knigolub.net